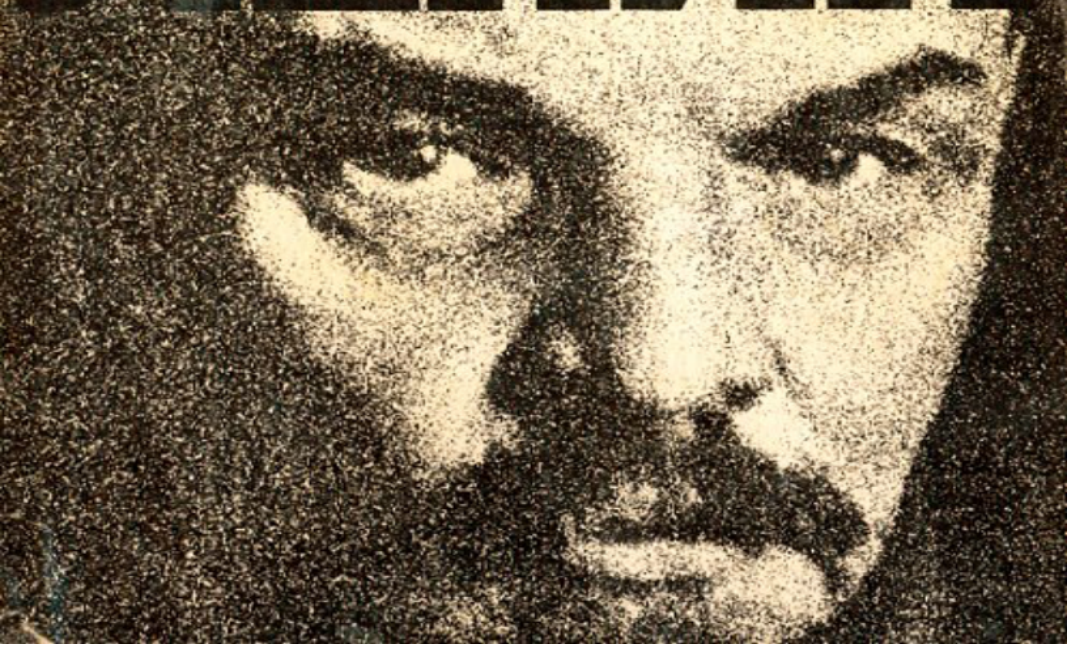
Н. ВАЛЕНТИНОВ

МАЛОЗНАКОМЫЙ ЛЕНИН



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — собеседник и первоначально единомышленник Ленина — тесно общался с будущим вождем революции еще в Женеве. Бесценные подробности истинной жизни Ленина, которыми наполнена книга, не могли быть опубликованы у нас еще год назад…

- Николай Валентинов
  - От издателей
  - От автора
  - «Ульяновский фонд»
  - Чудесная ссылка
  - Миф о жизни впроголодь
  - Благополучие Ленина в годы первой революции
  - Наследство Н. П. Шмита
  - От просперитэ к ненадежности
  - «Дашь хлеб, и человек преклонится»
  - Угроза «поколеванием». Наследство тетки Крупской
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

Николай Валентинов
Малознакомый Ленин

От издателей

Того, сколько на ленинскую тему мы за семьдесят лет успели написать, нарисовать, налепить, наснимать, наговорить, научреждать, история еще не видела. Чтобы понять, до каких высот мы добрались, подставим любое из знаменитейших исторических имен в уже привычные нашему слуху словесные конструкции. Скажем, имя Юлия Цезаря. Предположим, например, что, приехав в Италию, в город Цезарск, мы спускаемся в Цезарский ордена Цезаря метрополитен имени Гая Юлия Цезаря, чтобы добраться до станции «Цезарский проспект». Невероятное нагромождение? Но почему? Почему бы нам не представить себе Рональда Рейгана, надевшего на празднование Дня Независимости десяток совершенно одинаковых орденов с профилем Вашингтона? Смешно? Но отчего? Ведь у Брежнева, Устинова и Кунаева было на троих 27 совершенно одинаковых орденов с одним и тем же профилем. Да кабы только метро или только ордена… Но ведь наша лениниана была хуже эпидемии: и высшие премии были Ленинскими, и высшие стипендии — Ленинскими, и школьная малышня только что называлась юными ленинцами, и комсомол был ленинским (а ленинаканский или ленинабадский уже как бы в квадрате), и ленинские чтения проводились, конечно, в ленинских комнатах, и царили в Ленинграде Ленобувь и Леновощ, Ленторгтранс и ЛенГИПРОчтоугодно. Где там Цезарю, где Наполеону, где Будде! Несчитанные миллионы бюстов Ленина еще многие столетия будут кочевать по земле, и наши потомки-роботы, когда уже и людей, наверное, не останется, из-под земли будут выкапывать своими электронными клешнями все одну и ту же голову с прищуром. Да и не заканчивается эта наша лениниана, отнюдь еще не заканчивается. Даже сейчас, когда последняя империя агонизирует, распадаясь на части, и вот-вот вспыхнет война из-за дальнейшей судьбы мавзолея, когда уже всем ясно, что ни одно из краеугольных предвидений основателя партии и государства не только не сбылось, но даже не оказалось хоть приблизительно похожим на правду, мы вдруг видим новехонькие двухсотрублевки (выпускаемые уже после путча, после роспуска КПСС) все равно почему-то опять с профилем Ленина. Это значит — еще миллиард портретов. И Верховный Совет России (уже хасбулатовский) утверждает государственным старый российский флаг на фоне огромной белой фигуры Ленина…

Да, ритуал посмертного величания давно уже, кажется, доведен до своего апогея. Давно нет воздуха в легких, даже самые

ярые, самые неистовые апологеты всё уже выкрикнули, мастера пропаганды все, что нужно, подсластили, подрумянили, подретушировали, все что можно разыскать — разыскали, чего не могли разыскать — напридумывали, что нашли ненужного — надежно упрятали. Страну покрыла сеть музеев, мемориалов, ленинских маршрутов. Оберегались исторические квартиры, расширялись исторические площади, реконструировались исторические шалаши и исторические шатуны на историческом паровозе. Но труд был воистину Сизифов. Теперь этой глыбе непомерного посмертного чествования катиться вниз. Уже началась кампания переименований, кое-где на окраинах валят памятники, пресеклись, надо думать, персональные пайки пятиюродных племянников, а также долгожителей из тех четырехсот, что несли одно и то же историческое бревно. «Аргументы и факты» сообщили, что да, действительно был такой факт — мумия однажды плесневела, но ее вовремя обдали кипятком… И «Пятое колесо» долго и весело исследовало, не был ли Ленин грибом.

Издатели этой книги не хотели бы присоединяться к антилениниане такого толка. Комические, анекдотичные и попросту скандальные аспекты можно очень легко разыскать всюду, где человека (или его память) ставят в ложное положение: а вся наша отечественная лениниана — от сооружения мавзолея до сокрытия части переписки Ленина, — собственно, ничем иным, кроме спекуляции на имени № 1, и не занималась. Но нас интересует не право на компрометацию, а черты психологического образа истинного В. И. Ленина в постепенном его развитии и становлении. Книга Н. Валентинова, предлагаемая нами отечественному читателю, дает в этом смысле несравненный фактический материал.

На что жил Ленин с тех пор, как покинул родительский дом, на какие средства учился, на какие деньги ездил за границу, каковы были условия его существования в ссылках, что за отношения соединяли его с родными и единомышленниками, находились ли в гармонии его взгляды с тем образом жизни, который он вел, и, что нам кажется, может быть, самым главным, хотел ли он и готов ли был сам жить той именно жизнью, которую с таким фанатичным упорством, с такой страстью готовил как единственно возможную для других?

Вероятно, книгу эту можно было бы назвать еще и книгой об основателе империи двойной морали — той империи, которая, как одно время казалось, уже раскинула свои крылья не только на огромных географических пространствах, но даже в душах людей…

Н. Валентинов, он же Николай Владиславович Вольский, он же Самсонов или Юрьевский, родился в 1879 году в дворянской семье в Моршанске. В 1904 году за участие в уличной манифестации раненный в голову был арестован и заключен в тюрьму. Вышел из тюрьмы изнуренный голодовкой, тайно перешел границу и добрался до Женевы, где стал постоянным собеседником Ленина. Разногласия, возникшие в этих беседах (Н. Валентинов стремился дополнить марксизм идеями Э. Маха и Р. Авенариуса) были причиной яростных возражений Ленина, а затем и обвинений Н. Валентинова в ревизионизме. Однако, отдаляясь от Ленина, Валентинов оставался чрезвычайно внимательным наблюдателем и исследователем его жизни, и книги Валентинова о Ленине (их три — «Встречи с Лениным», «Ранние годы Ленина» и «Малознакомый Ленин») дают желающему узнать реальные черты натуры реального вождя революции необыкновенно интересный материал… После революции Н. Валентинов жил в Москве, работал в «Торгово-Промышленной газете», в 1930 году ему удалось эмигрировать.

«По счастливой случайности, — писал автор вступительной статьи к парижскому изданию этой книги Борис Суварин, — на Западе оказался бывший большевик, честный и очень осведомленный, к счастью, свободный от влияния хозяина и групповой схоластики, свидетель беспристрастный и бесстрашный, проницательный наблюдатель, с независимым характером, восстающий против всякой ортодоксии, подчиняющийся только велениям своей совести, человек, исключительно способный внести неоценимый вклад в подлинную биографию Ленина».

Умер Н. Валентинов в 1964 году под Парижем.

М. Глинка

От автора

О Ленине написаны не десятки, не сотни, а тысячи тысяч страниц, но из этой громадной литературы отнюдь не видно, в каких условиях материального существования протекала его жизнь. Были ли эти условия для него благоприятны или ему приходилось испытывать нужду и лишения? Откуда шли нужные ему денежные средства? Приносил ли их литературный заработок или были иные и более существенные источники существования? На что жил Ленин со времени его возмужалости — до октября 1917 года, когда революция, вознеся его к власти, тем самым сделает Ленина гигантской исторической фигурой? Подчеркиваем «тем самым», так как если бы этого не было, Ленин умер бы простым малоизвестным эмигрантом, и о нем вспоминали бы не больше, чем о Бабефе, Бланки или Ткачеве.

Безбрежную литературу о Ленине плодили его эпигоны, последователи, адепты материалистического понимания истории, объясняющие деление общества на классы и положение людей — их экономической ситуацией. Энгельс 17 марта 1883 года в надгробной речи на могиле Маркса поведал, что «подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.».

Ленин не был бестелесным существом, не подчиненным «открытому» якобы Марксом закону: прежде чем заниматься проповедью мировой революции и всем прочим, ему нужно было «есть, пить, иметь жилище, одеваться». Спрашиваем еще раз: откуда, из каких источников Ленин имел денежные средства, дававшие ему возможность удовлетворять свои элементарные потребности и вести ту жизнь, которую он вел?

Вопрос несомненно законен, прост до крайности и, казалось бы, на него можно было бы найти ясный ответ в бесчисленных советских биографиях Ленина. Именно этого в них-то *и нет*. Ни в одной биографии об этом не говорят. Больше того — советские биографы настойчиво, сознательно вопрос этот избегают, отстраняют, извращают. А, между тем, если его хорошенько разобрать, проанализировать, это позволит заглянуть за кулисы показной жизни Ленина, войти в мир повседневных житейских его забот, склонностей, привычек — и тем самым даст возможность видеть не героическую ипостась личности Ленина,

которая торжественно представляется его революционной, политической, литературной деятельностью, а другую, гораздо менее известную, заслоненную и резко расходящуюся с ленинским ликом грозного божества, низвергающего старый мир.

Обрисовать вторую ипостась — показать Ленина в «домашних туфлях», тем более желательно, что это в некоторой степени приближает нас к «тайне» появления исторических личностей. На примере Ленина видно, что великие люди, переворачивающие миры и жизни народов, могут быть в повседневной жизни самыми обыкновенными людьми. В условиях случайности и в особой исторической обстановке лишь некоторая специфическая, присущая им, часть психики (ее-то и требуется исследовать) делает из них историческую личность.

В числе материала для портрета Ленина в домашних туфлях важны не «стилизованные» «Воспоминания»[1] его супруги Крупской, а гораздо более письма Ленина к родным. Но их одних, конечно, мало. Отыскивать «кусочки» нужных сведений следует всюду, где только это можно, и при этом убеждаться, насколько умолчания, маленькая и большая ложь, идущая и из семьи Ульяновых и из-под пера советских биографов, препятствуют дать в дополнение к политической биографии правдивую картину, «как и на что жил Ленин», Все-таки попробуем это сделать.

«Ульяновский фонд»

Анна Ильинична, старшая сестра Ленина, писала[2], что после смерти в 1886 году их отца, «вся семья жила *лишь*[3] на пенсию матери да на то, — небрежно добавляла она, — что проживалось понемногу из оставшегося после отца».

Будь это так, образ жизни их семьи был бы совершенно необъясним. Каким образом при жалких средствах Ульяновых, а это усердно подчеркивает Анна Ильинична, могли иметь место, например, их более чем частые поездки за границу? Матушка Ленина с дочерью Марией жила в Швейцарии летом 1897 года. Это была не деловая поездка, а для удовольствия. Такой же была и ее поездка в Бретань в 1902 году, где с дочерью Анной она жила летом в департаменте Cotes-du-Nord в местечке Longier на берегу океана. Оставив все дела, к ним на целый месяц приехал Ленин из Лондона. Третий раз мать Ленина с той же дочерью выезжала за границу в сентябре 1910 года повидаться с сыном в Стокгольме. Маршрут ей заранее установил Ленин. «От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход «Буре» — обставлен отлично, открытым морем идет 2–3 часа, в хорошую погоду езда *как по реке»* (письмо от 10 апреля 1910 года)[4].

Старшая сестра Ленина, Анна, жила за границей в 1897 году, почти два года (1900–1902) в Мюнхене, Дрездене, Париже, Берлине, затем приезжала в 1907 и 1911 годах. Самостоятельного заработка, во всяком случае до 1903 года, у нее не было. Переводы вроде небольшой брошюры Амичис «Школьные товарищи», напечатанной в 1898 году издательством «Посредник», не могли дать средства для ее заграничных поездок. Помощь ее мужа М. Т. Елизарова была более чем сомнительна. В течение многих лет его материальное положение было далеко не блестящим. Окончив в свое время математический факультет в Петербурге, он пробовал служить на железной дороге, потом был страховым агентом и, убедившись, что все это непрочно, решил иметь более обеспечивающую его профессию, для чего на 29-м году жизни сделался студентом Московского инженерного училища, но вследствие ареста окончить его ему не удалось. Из сказанного можно заключить, что годы пребывания Анны Ильиничны за границей могли оплачиваться лишь заимствованиями из «фамильного фонда» (о нем ниже), находившегося в руках матери[5].

Младшая сестра, Мария Ильинична, выезжала за границу пять раз (два раза с матерью). Она жила в 1897 году в Брюсселе,

слушая лекции в Университете, в 1904–1905 годах в Женеве, в 1908–1909 годах в Женеве и Париже, где посещала Сорбонну. Она не имела за границей заработка, денег у Ленина, у которого жила в Женеве и Париже, не хотела брать. В 1909 году Ленин писал матери: «Я предлагал Маняше деньги, у меня деньги есть. Она не берет решительно, говорит, что ей не надо…». Как бы ни были скромны расходы этой очень симпатичной и склонной к аскетизму сестры Ленина, она не могла бы их покрывать, не прибегая к тому же «фамильному фонду».

Любопытно, что Ленин, о поездке которого за границу мать хлопотала еще в 1888 и 1889 годах (ему было тогда 18–19 лет) и не получала на то разрешения от полиции, стал настойчиво убеждать поехать за границу младшую сестру «Маняшу», когда той не было 16 лет и она еще училась в гимназии. Она часто болела, и учение ее не ладилось, и вот какие советы, плохо согласуемые с тем, что он сам всегда стремился быть лучшим, первым учеником в классе, давал ей брат в письме от 5 января 1895 года: «С твоим взглядом на гимназию и занятия — я согласиться не могу… Мне кажется, теперь дело может идти самое большее о том, чтобы *кончить*. А для этого вовсе не резон усиленно работать… Что за беда, если будешь получать тройки, а в виде исключения и двойки?.. Иначе расхвораешься к лету не на шутку. Если ты не можешь учить спустя рукава, — тогда лучше бросить и ехать за границу. Гимназию всегда можно будет кончить, — а поездка теперь освежит тебя, встряхнет, чтобы ты не кисла очень уж дома. Там можно поосмотреться и остаться учиться чему-нибудь более интересному, чем история Иловайского или катехизис Филарета».

Чтобы дать 16-летней девочке возможность совершить «освежающие» прогулки по Европе, нужны ведь средства. Мыслимы ли траты на это, если бы семья «жила лишь на пенсию матери»?

Побывав в 1895 году за границей и найдя, что это дело приятное, Ленин в 1897 году, находясь в ссылке в Сибири, снова внушал сестре Маняше поехать «освежиться»: «Меня вообще очень удивляет, что ты с неохотой едешь за границу. Неужели интереснее сидеть в подмосковной деревушке??»[6]

В обоих цитированных письмах — и 1895 года и 1897 года (к этому можно было бы добавить и письма 1898 года) — Ленин обходит абсолютным молчанием расходы на пребывание за границей. Это можно объяснить только его знанием, что материальные средства семьи вполне допускали такие расходы. Он даже не ставит о том вопроса. Для него все сводится к тому, хочет или не хочет его сестра ехать в Европу. «Маняша, — пишет

он матери 28 августа 1898 года, — по-моему, напрасно колеблется. Полезно бы ей пожить и поучиться за границей в одной из столиц, и в Бельгии особенно бы удобно заниматься. По какой специальности хочет она слушать лекции?».

Очевидно, Крупская имела такое же представление о материальном достатке Ульяновых. Иначе было бы непонятно нижеприводимое письмо ее в Брюссель к той же Маняше. Из него ясно следует, что так как семья Ульяновых имеет средства, то Маняша, по мнению Крупской, может и не думать о хлебном занятии, о заработке.

«Ты совсем в других условиях живешь. «Хлебное занятие», не знаю? стоит ли к нему готовиться, думаю, не стоит, а если понадобятся деньги, поступить на какую-нибудь железную дорогу, по крайней мере отзвонил положенные часы и заботушки нет никакой, вольный казак, а то всякие педагогики, медицины и т. п. захватывают человека больше, чем следует. На специальную подготовку время жаль затрачивать…» (письмо от 3 сентября 1899 года).

Переходя от сестер к самому Ленину, мы с еще большей бесспорностью обнаруживаем, насколько слова А. И. Ульяновой о стесненных условиях жизни их семьи далеки от истины. Окончив университет и став помощником присяжного поверенного, Ленин в 1892 году в Самаре попробовал вести в суде некоторые гражданские дела и быстро к ним охладел. Изучение Маркса его интересовало неизмеримо больше, чем посещение судебной палаты. В Петербурге в 1893–1895 годах он занимался адвокатурой еще меньше. Над ним не капало. М. А. Сильвин в 1894 году спросил Ленина, как идет его юридическая работа. Ленин ответил: «Работы в сущности никакой нет», что за год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов… «Об адвокатской работе, — передает Сильвин, — он скоро вовсе перестал думать»[7].

На какие же деньги он жил? Средства ему давала мать. Но невозможно допустить, чтобы 25-летний Ленин был настолько ленив, циничен и эгоистичен, что, не ища заработка, мог с легким сердцем принимать от матери денежную помощь, если бы знал, что источником существования всей семьи была «лишь пенсия». В октябре 1893 года, находясь в Петербурге, Ленин писал матери:

«Попрошу прислать деньжонок: мои подходят к концу… Оказалось, что за месяц с 9/IX по 9/X израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.)…».

Указывая, что часть расходов в 74 рубля не каждый месяц

повторится, Ленин все же признавал, что «все-таки получается расход чрезмерный — 38 р. в месяц… Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1 р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду».

В качестве примера своей нерасчетливости он ссылается на «коночные» издержки. Нельзя не усмехнуться по поводу этой ссылки, показывающей, что применение хитрого маневра — издавна черта Ленина. В самом деле: затраты на конку составляли ничтожную часть произведенных им расходов. Если бы он совсем отказался от конки, а стал передвигаться по столице только пешком — экономия была бы нуль. Однако для полного оправдания в глазах матери своих расходов ссылка на конку — очень важна. Она должна свидетельствовать (Ленин толкает на этот вывод), что расчетливость его достигает крайних пределов, и потому не может быть и мысли, что он делает «чрезмерные расходы».

Суть вопроса все же не в этом. Пенсия матери, получаемая ею от царского правительства в качестве вдовы директора народных училищ, действительного статского советника, кавалера Станислава 1-й степени, составляла в месяц 100 рублей. Даже много позднее то была значительная сумма. И все-таки возникает вопрос — могла ли М. А. Ульянова покрывать расходы сына Владимира не только в 74 рубля в месяц, а хотя бы в меньшей сумме, если бы в ее распоряжении была *только* сторублевая пенсия? Ведь кроме Владимира и Анны на ее полном иждивении находились дочь Мария, учившаяся в гимназии, сын Дмитрий, студент университета, ничего не зарабатывавший ни тогда, ни долго потом. После ареста и всякой перипетии Дмитрий Ильич кончил Университет в Юрьеве в 1901 году и лишь в 1902 году поступил на службу. Он начал зарабатывать в 28 лет, как и Ленин, то есть, по нашему воззрению, *ненормально поздно.* В цитированном выше письме Ленина к матери есть такая фраза: «Напиши, в каком положении твои финансы: получила ли сколько-нибудь от тети? получила ли сентябрьскую аренду от Крушвица? много ли осталось от задатка (500 р.) после расходов на переезд и устройство?».

Расспросы Ленина, показывающие, что он хотел быть tres au courant денежных дел матери, «фамильного фонда», бросают некоторый свет на источники доходов Ульяновых. Тетя, им упоминаемая, конечно, Анна Александровна Веретенникова, жившая в Казани и ведавшая имением Кокушкино. Это имение в то время приносило какой-то доход или должно было приносить, раз Ленин спрашивает — прислала ли тетя часть дохода, причитающегося его матери в качестве совладелицы Кокушкина.

Что же касается фразы «получила ли сентябрьскую аренду от Крушвица», то она требует подробных объяснений.

В 1887 году (год казни старшего сына) семейство Ульяновых навсегда оставляет Симбирск и переезжает в Казань. В мае 1889 года, вместо того чтобы лето провести, как до сих пор делалось, в казанском имении — Кокушкине, Ульяновы отправляются в Самарскую губернию, на хутор вблизи деревни Алакаевки, в 50 верстах от Самары. Хутор купила мать Ленина в декабре 1888 года, *даже не видя его*. Эта покупка, сделанная при посредстве будущего мужа Анны Ильиничны, Марка Елизарова, служившего в то время в Самарском мировом суде, — довольно странная операция. Хутор занимал 83,5 десятины, из них четвертая часть была под оврагами, водой, дорогами. А так как за все имение было уплачено 7500 рублей, то десятина удобной, годной под пашню, земли обошлась в 123 рубля! Таких высоких цен в Самарской губернии не было и двадцать лет позднее.

Мать Ленина, покупая хутор, хотела, чтобы сын вел хозяйство, и действительно — в первый год по приезде в Алакаевку Владимир Ульянов этим занялся: был заведен скот, посеяны пшеница, подсолнух. Но, как потом Ленин рассказывал Крупской, ведение хозяйства с обращением к крестьянам Алакаевки ставило его в «ненормальные с ними отношения». Поэтому он от хозяйства отказался и стал вести на хуторе беспечную жизнь «барина», приехавшего на дачу. В липовой аллее Алакаевки он с удобством готовился к сдаче государственного экзамена в Университете Петербурга, сугубо изучая марксизм, и написал свою первую работу — статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».

С попыткой ее напечатать у Ленина связаны весьма неприятные воспоминания. Дело в том, что, заразившись с 1887 года под влиянием сочинений Чернышевского дикой ненавистью к либералам и либерализму вообще, он считал, что не может и не должен иметь никаких отношений с этой мерзкой породой «общественной фауны». Однако желание напечатать написанную статью у него было столь велико, что, несмотря на пылающее презрение к либералам, Ленин послал свою статью в редакцию московского либерального журнала «Русская Мысль». Редакция печатать ее отказалась. Совсем не потому, как со злобой уверял Ленин Туган-Барановского, что боялась заложенных в статье марксистских идей, а по другой и простой причине: эта прославленная советскими биографами работа была лишь сдобренным ненужными словечками простым пересказом замечательной книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», вышедшей в Москве в 1891 году. Отказ

проклятых либералов напечатать его произведение был для Ленина большим ударом по его самолюбию (а оно уже тогда было непомерным), и он долгое время скрывал от всех свое обращение в «Русскую Мысль». Книгу же Постникова Ленин еще раз широко использовал в сбоем исследовании «Развитие капитализма в России».

В Самаре семейство Ульяновых жило зимой, а на лето переселялось на хутор. Так происходило в 1889–1893 годах, но в августе этого года Ленин из Алакаевки уехал в Петербург, а немного позднее мать с другими детьми переселилась в Москву.

Что в хозяйственном отношении происходило на хуторе, когда Ульяновы навсегда покидают Алакаевку? На это можно ответить: то же самое, что началось в Алакаевке уже на второй год покупки хутора, но вряд ли и об этом было бы приятно напоминать Ленину, и вот по какой причине. Из статьи проф. Волина в «Историческом Журнале», 1945, кн. 4, видна ужасающая бедность крестьян Алакаевки, соседей хутора Ульяновых. В ней было 34 двора (семейства), земельная площадь им принадлежащая, составляла только 65 десятин — неполных две десятины в среднем на двор, причем 5 дворов никакой земли не имели. Хутор Ульяновых не походил на «латифундию», тем не менее в нем одном было столько же удобной земли, как у 34 крестьянских дворов, в которых взрослых и детей было 197 душ, в 39 раз больше населения хутора. Алакаевские крестьяне до крайности нуждались в земле, но Ульяновы ни в каком виде им свою землю не предложили, а предпочли — что было выгоднее — отдать ее в аренду некоему предпринимателю Крушвицу. Это о нем идет речь в письме Ленина, когда он спрашивает мать, получила ли она «сентябрьскую аренду от Крушвица» и «много ли осталось от задатка (500 р.)», который, вероятно, в счет будущей аренды должен был внести тот же Крушвиц.

В упомянутой статье, посланной в «Русскую Мысль», Ленин с негодованием говорил о «кулацких элементах, арендующих землю в размере, далеко превышающем потребность» и «отбивающих у бедных землю, нужную тем на продовольствие». Мы видим, что сам Ленин именно в такой операции был участником. Крестьян Алакаевки он и его семейство не эксплуатировали. Чтобы не было «ненормальных отношений» с ними, хозяйство Ленин не вел, предпочитал получать доход от хутора не прямо из рук крестьян, а через арендатора Крушвица, и это позволяло ему без угрызения марксистской совести быть чистеньким и жить беспечно в Алакаевке. Сдача хутора в аренду происходила с 1890 года по конец 1897 года, когда Ульяновы в декабре этого года продали его за ту же сумму, за которую он был

куплен. Приняв во внимание, что за это время они получали арендные суммы, нужно заключить, что весьма странная и по дорогой цене покупка Алакаевского хутора в конце концов оказалась выгодной.

Уже цитированный проф. Волин указал, что на покупку хутора пошли деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске. Это только его предположение, видимо основывающееся на том, что будто бы Илья Николаевич Ульянов, умирая, никаких денежных сумм семейству не оставил. Анна Ильинична могла бы внести в этот вопрос полную ясность, но, следуя принятому всеми Ульяновыми правилу «прибедниваться» и о действительном своем положении никому не говорить, она вместо этого отделывается туманными словами о том, что семья проживала «понемногу из оставшегося после отца». А у отца были и деньги, которые незадолго до своей смерти ему прислал очень его любивший и воспитавший его старший брат, живший в Астрахани и имевший там какое-то пошивочное предприятие. Можно сказать, что на *эти* деньги, а не на вырученные от продажи дома в Симбирске, был куплен Алакаевский хутор.

В 1897 году от всякого недвижимого имущества М. А. Ульянова постаралась избавиться. Продан дом в Самаре, ликвидирована всякая связь с казанским имением Кокушкино, продан хутор Алакаевка. Деньги, положенные в банк, может быть частью превращенные в государственную ренту, вместе с пенсией М. А. Ульяновой составили особый «фамильный фонд», которым очень умело в течение многих лет распоряжалась всегда расчетливая мать Ленина. Все черпали из этого фонда: старшая сестра Ленина Анна, Ленин, младший брат Дмитрий и младшая сестра Мария. Богатства, как видим, никогда не было, но в течение долгого времени был *достаток,* позволявший членам семьи Ульяновых многие годы не иметь заработка, производить траты вроде частых поездок за границу, которые были бы просто невозможны, если бы «вся семья жила лишь на пенсию матери».

Вот этот достаток и особые заботы, которыми его окружала семья (об этом речь будет ниже), дали Ленину возможность духовно развиваться при крайне благоприятных условиях, недоступных другим его сверстникам и товарищам. Почти до 30 лет ему не было нужно думать о «добыче хлеба». Он мог беспрепятственно заниматься тем, к чему его влекло, тем, что его интересовало. В 1895 году с целью расширить свой горизонт, познакомиться с Европой, укрепить социалистические познания, он впервые выезжает за границу. Он живет там четыре месяца, посещает Швейцарию, Париж, Берлин. Все расходы путешествия покрывает, разумеется, мать.

Нельзя сказать, что он «экономен». Побывав в мае в Швейцарии, он возвращается в нее в июле, чтобы подлечиться от болезни желудка у очень дорогого врача — специалиста, рекомендованного ему «как знатока своего дела». «Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, — пишет он матери, — пансион прекрасный и лечение, видимо, дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда. Жизнь здесь обойдется, по всем видимостям, очень дорого; лечение еще дороже, так что я уже вышел из своего бюджета и не надеюсь теперь обойтись своими ресурсами. Если можно, пошли мне еще рублей сто…» (письмо от 18 июля 1895 года).

Через три недели, находясь в Берлине, он опять просит прислать денег, тратит их довольно быстро и 29 августа снова пишет матери: «К великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда. Приходится опять обращаться за «вспомоществованием»: если можно, пришли мне рублей 50–100».

«Если можно» — façon de parler. Если бы Ленин знал, что мать не в состоянии («живем лишь на пенсию») посылать *еще»* и *«еще»* сто рублей, он к ней не обращался бы в 1895 году и поехать на четыре месяца за границу, конечно, не смог бы.

Возвратясь в Петербург, Ленин вскоре был арестован и, просидев в тюрьме 14 месяцев, выслан на три года в Западную Сибирь.

Быть насильно запертым — вещь вообще неприятная, однако пребывание Ленина в тюрьме было обставлено таким комфортом, что в огромной степени теряло свои тягостные стороны. Вопреки принятому обычаю рисовать мрачнейшими красками жизнь «узников царя», его сестра принуждена признать, что «условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно… даже желудок его, — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом, — был за год сиденья в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле»[8].

Ульяновский достаток и здесь играл большую роль. «Обслуживать» арестованного «Володю» съехались из Москвы мать, сестры Анна и Мария. Ленин имел в тюрьме особый платный обед и молоко. «Мать приготовляла и приносила ему 3 раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой». Получал он и предписанную ему тем же швейцарским специалистом минеральную воду. «Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу», — сообщал Ленин сестре Анне в

письме от 24 января 1896 года. Напомним также о тюках книг, которые ему покупала и из разных библиотек доставляла сестра Анна, чтобы он мог писать в тюрьме свою книгу. Царское правительство не препятствовало заключенным заниматься литературой. Чернышевский в Петропавловской крепости написал «Что делать?» (апологию революционеров), Писарев — свои лучшие статьи, Морозов в Шлиссельбургской крепости — «Откровение в буре и грозе», а Ленин в предварительном заключении подготовил «Развитие капитализма в России», из всех его произведений — самое солидное.

В отличие от товарищей, арестованных вместе с ним по одному и тому же делу, Ленин поехал в ссылку тоже, с комфортом. Мать выхлопотала для него право ехать туда на собственный счет. Такой возможностью не располагали его товарищи, принужденные следовать в Сибирь «по этапу», в вагоне с конвоем, сидеть в пересылочных тюрьмах. Неравенство в положении столь бросалось в глаза, что вызвало у Ленина чувство неловкости. Был момент, когда он даже хотел отказаться от своих льгот, но, в конце концов, пересилил себя и… не отказался. Выехав из Петербурга 1 марта 1897 года, Ленин заехал к матери в Москву, пробыл у нее несколько дней и 6 марта двинулся далее. От Москвы до Тулы — 200 километров — его сопровождала мать, сестра Мария, сестра Анна, ее муж Елизаров. Останавливаясь для отдыха в городах на пути, Ленин прибыл в Красноярск 16 марта, и, пока ждал назначения места поселения, а мать хлопотала, чтобы его не послали на поселение куда-нибудь далеко, он неплохо проводил время. У него были для этого средства. 29 апреля он писал матери: «Здесь я живу очень хорошо: устроился на квартире удобно — тем более, что живу на полном пансионе. Для занятий достал себе книг по статистике (как я уже писал, кажется), но занимаюсь мало, а больше шляюсь».

Последнее не совсем верно. Ленин не только «шлялся» — он в это время усердно посещал за городом обширную библиотеку красноярского купца, библиофила, Г. В. Юдина, проданную в 1907 году в Америку и вошедшую как самостоятельная часть «Славянский отдел» в Вашингтонскую библиотеку Конгресса.

Совсем в другом и мало завидном положении находились его товарищи — Кржижановский, Мартов, Старков, Ванеев и др. Ленин в письме от 17 апреля 1897 года сообщал о них родным: «Глеб (Кржижановский. — *Н.В.*) с Базилем (Старков. — *Н.В.*) высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно».

Их путешествие в Сибирь было тягостным. Двигаясь без удобств в вагонах под конвоем, отсидев на пути в Московской

пересыльной тюрьме, раздавленные усталостью, они прибыли в Красноярск 16 апреля, на месяц позднее Ленина. И в то время как он «шлялся» по городу и сидел в библиотеке, его партнеры продолжали быть запертыми до 5 мая в тюрьме в ожидании назначения им места поселения. «Ульяновский достаток» помог Ленину избегнуть многого из того, что испытали другие, и тот же достаток, как мы сейчас увидим, превратил ссылку Ленина из наказания в своего рода partie de plaisir.

Чудесная ссылка

На содержание, одежду и квартиру царское правительство выдавало ссыльным 8 рублей в месяц. При сибирской дешевизне продуктов и квартир, то есть комнаты в избе крестьянина, такое пособие гарантировало от голода, но оно могло обеспечить лишь крестьянский образ жизни при полном игнорировании культурных потребностей, присущих попавшим в ссылку интеллигентам. При 8 рублях в месяц нельзя было приобрести одежду вообще и в частности ту, что необходима в условиях сибирского климата: тулуп, валенки, шапку и т. д. Люди без «достатка», прибыв в ссылку, должны были немедленно, особенно если их сопровождали жены и родственники, отыскивать себе какую-нибудь службу, в чём правительство им не препятствовало. «Глеб и Базиль, — сообщал Ленин матери в письме от 24 октября 1897 года, — имеют теперь работу, без нее они не могли бы жить…».

Но Ленину не нужно было об этом думать: достаточно было намекнуть матери, что нуждается в деньгах, и они к нему приходили. В январе 1898 года Ленин писал: «Финансы получил, дорогая мамочка, и первые, и вторые (т. е. и от 28/XI и от 20/XII). Теперь у нас и пособия получаются правильно, так что дело в этом отношении вошло вполне в норму, и я думаю, что долго (сравнительно) не понадобятся никакие экстра-добавления».

Перерыв в обращении за помощью «сравнительно» недолог, и уже в марте 1898 года посылается матери следующее послание: «С Н. К.[9] пришли мне, пожалуйста, побольше финансов… Расходы могут предстоять изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему займу». За две недели до этой просьбы Ленин тоже говорил о возврате своего долга. «Долги свои все возмещу. (Надо только не забывать их.)».

Фраза свидетельствует только о том, что Ленин испытывал некоторую неловкость постоянно обращаться к матери за помощью. Долг его никогда не будет возвращен. Он превосходно знал, что его мать на это никогда не согласится и посылаемые сыну деньги долгом не считает. Обращаясь к матери за деньгами и получая их, Ленин часто указывал, что на возмещение «долга» должен идти гонорар за ту или другую произведенную им литературную работу. Насколько это лишь добрые слова, можно судить по следующему (одному из нескольких) случаю. 28, сентября 1898 года, прибыв из Шушенского в Красноярск для

лечения зубов и разных покупок, он писал матери: «Финансы мои, вследствие поездки, необходимости помочь А.М. и сделать кое-какие закупки, сильно истрепались. Пошли, пожалуйста, Елизавете Васильевне[10] (у которой я сделал заём) около половины той суммы, которую должны были прислать за весь перевод Webb-'a (отправленный в СПб. 27 августа)».

Речь идет о переводе книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Издательство О. Н. Поповой должно было Ленину за нее заплатить около 400 рублей. Если бы мать послала Елизавете Васильевне требуемую сумму («половину» 400 руб.) и возместила ее полученным гонораром, она в этом деле была бы только посредницей. В действительности же она послала свои деньги, так как указанный перевод был напечатан лишь в 1900 году — только тогда Попова стала выплачивать гонорар. В ноябре 1898 года Ленин пишет сестре Анне: «Недоумеваю, отчего это нет все гонорара за перевод, отправленный в СПб. еще 27 августа! Если придет гонорар, отправь, пожалуйста, рублей 50 в книжный склад…».

Пятьдесят рублей были посланы в книжный склад Калмыковой в Петербурге, откуда Ленину приходили пачки купленных им книг, и этот расход, в конечном счете, тоже покрыт не его гонораром.

25 февраля 1899 года Ленин, снова ссылаясь на все тот же непоступающий гонорар, просит прислать ему денег: «Меня удивляет, что О. Попова долго не рассчитывается за Webb'a… У нас финансы пришли опять к концу. Пошлите, пожалуйста, 200 р. на имя Е. В. Если нет все еще ничего от О. Поповой, и не предстоит через 1–2 недели, то я попросил бы уже занять, ибо нам иначе не извернуться».

Нет надобности следить за дальнейшими поступлениями денег Ленину от матери. К их итогу мы еще вернемся. Мы хотели бы лишь обратить внимание на то, как мала *любовь к истине* у его сестры Анны, раз она в предисловии к изданию книги Ленина «Письма к родным» без малейшего смущения могла утверждать: «Видны также из писем Владимира Ильича его большая скромность и невзыскательность в жизни, умение довольствоваться малым; в какие бы условия ни ставила его судьба, он всегда пишет, что ни в чем не нуждается, что питается хорошо; и в Сибири, где он жил на полном содержании на одно свое казенное пособие в 8 р. в месяц, и в эмиграции, где при проверке, во время наших редких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко недостаточно».

Как на самом деле жилось Ленину в ссылке — можно довольно ясно себе представить по свидетельству Крупской.

«Дешевизна в этом Шушенском была поразительная, — писала Крупская. — Например, Владимир Ильич за свое «жалованье» — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья, и то считалось, что дорого платит… Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе — в корыте, где корм скоту заготовляли, — рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, — тоже на целую неделю… В общем ссылка прошла неплохо».

Мало сказать — неплохо. Она была чудесна. Что ссылка была совсем не страшна — Ленин это почувствовал очень скоро по своем водворении в Шушенском. «Сегодня ровно месяц, как я здесь, и я могу повторить то же самое: и квартирой и столом вполне доволен…» (письмо от 20 июня 1897 года).

Бараны и котлеты с добавлением горы картофеля, огурцов, кислой капусты, свеклы, а в качестве десерта сибирских ватрушек, очевидно, шли Ленину впрок. О минеральной воде, прописанной для его желудка швейцарским доктором, «я и думать забыл и надеюсь, что скоро забуду и ее название» (письмо от 20 июня 1897 года). А четыре месяца спустя в письме к матери он добавляет: «Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу, все питерские болести побоку!».

Ленин в ссылке приобрел столь упитанный вид, что приехавшая в Шушенское в мае 1898 года вместе с Крупской ее мать, увидев его, не могла воздержаться от возгласа: «Эк вас разнесло!». «Он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере», — сообщала Крупская Марии Александровне Ульяновой в письме от 22 мая 1898 года. Пожив немного в Шушенском, она сама должна была откровенно признать, что их ссылка действительно одно только удовольствие. «Вообще теперешняя наша жизнь напоминает «форменную» дачную жизнь, только хозяйства своего нет. Ну, да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи, в Питере-то я его привыкла видеть всегда в довольно прихварывающем состоянии» (письмо от 26 июня 1898 года).

Чтобы сделать жизнь еще более удобной и отвечающей их вкусам и потребностям, супруги Ленины перешли от пансиона у чужих людей к собственному хозяйству, приобретя все, что нужно для его ведения. Заботу о нем взяла на себя Елизавета Васильевна, а на подмогу *наняли прислугу*. «Наконец мы наняли прислугу, девочку лет 15, за $2^1/_2$ р. в месяц + сапоги, придет во

вторник, следовательно, нашему самостоятельному хозяйству конец. Напасли на зиму всякой всячины» (письмо Крупской от 9 октября 1898 года). О том же предмете две недели спустя: «Наняли девочку, которая теперь и помогает маме по хозяйству и *всю черную работу*[11] справляет».

Вот эта возможность не думать о заработке, о хлебе насущном, сбросить всю «черную работу» на прислугу, эта удивительная свобода, которой Ленин пользуется в Шушенском, превратили его трехгодичное пребывание в ссылке, по выражению Крупской, в дачную жизнь, полную всяких приятностей. «Пленник царизма» отдается в ссылке спорту, конькам, охоте. Тетерки, утки, зайцы, дупеля не сходят с их стола. Он ездит в гости к другим ссыльным и принимает их у себя, получает через родных тюки журналов, газет, русские, немецкие, французские книги, нелегальные издания. Он ведет обширную политическую переписку, составляет книги, пишет статьи в журналы и революционные брошюры для издания в Женеве. За исключением конца 1899 года, когда он рвался скорее уехать из ссылки, не спал и худел, и начала пребывания в Шушенском, когда он «с горечью» (его слова) чувствовал принудительное удаление в Сибирь, жизнь проходит под знаком спокойствия и довольства при полной свободе интересоваться и изучать то, к чему его влекло. Только недавно вступивший в литературу Ленин, побуждаемый самолюбием, желанием завоевать скорее известность, спешит выступить в печати с каким-нибудь сборником своих произведений. Мало кому известному писателю найти издателя нелегко. Ленина это не смущает. Деньги найдутся. «Насчет финансов, потребных для издания, я думаю, можно бы сделать у мамы «внутренний заём»…» (письмо к М. Елизарову от 13 марта 1898 года).

Ему прекрасно известно, что родные всегда готовы беззаветно ему служить, поэтому все дела по печатанию проектируемого сборника — покупки бумаги, выбора типографии, контроль за ее работой — он намеревался возложить на Елизарова, а Маняше поручается корректура. Решив это и убедившись, что мать не отказывает ему в потребных для издания нескольких сотнях рублей, он составляет сборник «Экономические этюды и статьи», в котором значительную часть представляет статья «К характеристике экономического романтизма», уже напечатанная в апрельской книге (№ 7) журнала «Новое Слово» за 1897 год. Этот сборник, за исключением парадоксальной статьи «От какого наследства мы отказываемся?», содержания весьма тусклого и начатый набором на средства, выданные матерью, в конце концов, благодаря разным протекциям — особенно П. Б. Струве, —

удается для выпуска передать издательнице Водовозовой. Тираж его невелик, гонорар мал, но это литературное выступление не в журнале, не скопом, а в одиночку, отдельной книгой, привлекая к себе внимание, — уже успех для начинающего писателя.

В это же время из материалов, собранных и разработанных в тюрьме, Ленин в Шушенском тщательно составляет книгу «Развитие капитализма в России». Он работает над ней не торопясь, два раза, а помощью Крупской, переписывает текст. Пишет он отнюдь не потому, что ему нужен заработок: это ему приятно, это его увлекает. Он проникнут мыслью об особой важности книги. Уже с 1894 года — после появления на мимеографе его очерка «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — Ленин придает своим произведениям громадное значение. По его глубокому убеждению, подготовляемая им книга лучше и глубже, чем какое-либо из появившихся марксистских произведений, покажет, как, откуда, при каких условиях развивается русский капитализм и какие перспективы он несет. О книге на эту тему он стал думать еще в Самаре в 1893 году, прочитав монографию Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». Позднее, после смерти канонизированного Ленина, его книгу «Развитие капитализма в России» объявят «гениальным произведением» и «Большая Советская Энциклопедия» (изд. 1-е, т. 36, ст. 338) будет писать: «Этот фундаментальный труд Ленина, основанный на длительном изучении громадного конкретного материала, явился как бы завершением серии его предшествующих работ, в которых Ленин теоретически осветил тот экономический плацдарм, на котором уже начинали развертываться гигантские бои русского пролетариата и на котором предстояло действовать русской революционной социал-демократии… В «Развитии капитализма в России» Ленин дал исчерпывающий анализ общественно-хозяйственного (капиталистического) строя России и классового строения русского общества. На этом точнейшем анализе базировалась вся тактика большевиков в революции 1905 – 07 гг.».

Пустые слова! Взгляды, разделявшиеся Лениным во время его ссылки, были прямо противоположны тем, которые он защищал в 1905–1907 годах, но пройдем мимо этого. В силу своего особенного положения Ленин рассчитывал легко найти издателя на книгу «Развитие капитализма в России». «Мне, — писал он сестре Анне, — нет никакого резона торопиться с получением денег». Жизнь его обеспечена (мы видели, какую роль в этом играют займы у матери), и для Ленина важны не гонорар за книгу, не заработок, а другие условия, которые он требует

поставить будущему издателю. Он хочет, чтобы, во-первых, «издание было с внешней стороны безукоризненно, хотя бы и ценой уплаты лишних нескольких сот рублей», и, во-вторых, было «обеспечено вполне хорошей корректурой. Без этого *положительно не стоит* издавать… Безусловно необходим вполне интеллигентный и платный корректор, — это надо поставить непременным условием, и я сам охотно соглашусь заплатить такому корректору хоть *двойную плату…»* (письма от 4 и 18 декабря 1898 года).

Возможность не торопиться с получением гонорара, отказаться от нескольких сот рублей, — а эта сумма по тому времени немалая, — но добиться «безукоризненной внешности» предполагаемого издания, — достаточно говорят о благополучном материальном положении Ленина.

До ссылки его библиотека была бедна. Он редко покупал книги, пользуясь чужими. Приехав в Шушенское с двумя десятками книг, он уезжает оттуда с 15 пудами очень ценных книг, стоящих многие сотни рублей. «Если не очень стесняться в средствах для выписки книг, — писал Ленин Потресову 7 февраля 1899 года, — то можно, я думаю, и в глуши работать, — я сужу, по крайней мере, по себе».

Замечание верное. Все, что его интересовало и требовалось для работы, у него было под руками даже в сибирской глуши. Он имел и русские издания, и немецкие, и французские книги, журналы, газеты. Ленин сначала намеревался просить П. Б. Струве, редактора журнала, в котором он участвует, производить уплату его гонорара *только* книгами. «На выбор его я полагаюсь вполне, а интересует меня эта уплата книгами потому, что это единственный способ получать *тотчас же* важные новинки» (письмо от 29 апреля 1897 года).

Такой способ уплаты гонорара оказался для Струве неудобным — и книги стали заказываться в книжном складе Калмыковой. На оплату их Ленин, «не стесняясь», тратил получаемый гонорар. Гонорар «за следующие 2 статьи я думаю употребить на журналы и книги, — писал он сестре Анне 6 июня 1897 года. — Из полученной тобой трети гонорара половина уходит на высланные Митей (братом Ленина. — Я. В.) деньги для Ел. Вас. Из остальной половины — половину пошли, пожалуйста, в склад Калмыковой (я там задолжал, а выписываю оттуда многонько), а на остальную половину надо выписать журналов и газет на 1899 г.» (письмо от 4 декабря 1898 года). «С моим гонораром что-то вышла заминка, а я все забираю да забираю книги в складе Калмыковой, так что даже совестно», — делился он с матерью в письме от 15 января 1899 года.

Сестру Анну, покупающую и отправляющую ему книги, получающую его гонорары, он нагружает множеством поручений, выполняемых ею с величайшим усердием и чувством лежащего на ней священного долга. Он ей шлет «списочки книг, которые мне очень хотелось бы достать и которые, кажется, только и можно купить у букинистов в Питере». Он требует от нее, не запрашивая его, посылать все «особенно интересное», появляющееся на книжном рынке. Он заказывает ей приобрести для него «оригиналы классиков по политической экономии и философии». Так, на полках его постоянно растущей библиотеки в Шушенском, в числе прочих книг, появляются издания Спинозы, Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Гольбаха, Гельвеция.

Ленин хочет заняться философией. «Очень хорошо сознаю, — пишет он Потресову 9 мая 1899 года, — свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция, и собираюсь перейти к Канту».

До чтения Канта он все-таки не дошел, что не мешало ему вести с Ленгником, находившимся в ссылке в селе Казачинском, большой диспут о заблуждениях Канта. До Канта не дошел Ленин и позднее; в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» (вышла в свет в мае 1909 года) есть критика Канта по Чернышевскому и ни единой цитаты из «Критики чистого разума». Его философский противник — большевик А. А. Богданов уверял, что Ленин судил Канта только по тому немногому, что о нем писали Энгельс и Плеханов.

Ленин, и отчасти Крупская, в Сибири перевели, как о том уже упоминалось, книгу С. и Б. Вебба «Теория и практика английского тред-юнионизма». Перевели не без большого труда, прибегая для помощи к немецкому переводу книги. При выполнении и этой работы на первом месте стояла не столько *цель* заработка, сколько овладение английским языком, который они знали плохо. «Твои сетования на незнание французского языка, — писала 19 марта 1899 года сестре Ленина Марии Крупская, — только еще ярче выставляют то жалкое знание языков, которым обладаем мы с Володей». Когда через четыре года после Сибири «приехали в Лондон, — признается Крупская, — оказалось — ни мы не черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время задевало за живое». Интернационалист Ленин считал знание иностранных языков абсолютно необходимым для углубления своих познаний, ведения литературной работы, политической деятельности, жизни в Европе, куда он и уехал через шесть месяцев после окончания ссылки. «Я заразилась, видно, Володиной idee fixe —

хочется одолеть языки во что бы то ни стало», — писала Крупская матери Ленина 21 ноября 1900 года из Уфы.

Его товарищи по ссылке, вынужденные служить, совсем не имели времени изучать языки. В противоположность им, Ленин и его супруга, окружив себя переводами, иностранными словарями, грамматиками, синтаксисами, занимались языками самым усердным образом. Здесь, как и во всем другом, проглядывает влияние «ульяновского достатка». Очень показателен в этом отношении ответ, данный Лениным на предложение Струве написать краткий курс политической экономии. Нуждающийся литератор, избравший, подобно Ленину, своей специальностью политическую экономию, ухватился бы за такое предложение. Оно было сделано после того, как Ленин, написав «Развитие капитализма в России», имел много свободного времени. Но в том-то и дело, что Ленин не ощущал нужды, не гнался за заработком. К тому же он считал, что может писать лишь на темы, которые он сам выбирает, а не на те, что ему «заказывают». «Я решил отказаться от этого предложения: трудно писать по заказу… Да и вообще мне хочется поменьше писать теперь и побольше подчитать… Я теперь подчитываю кое-что и немного занимаюсь языками. Вообще работаю очень мало и писать ничего не собираюсь» (письмо от 19 июня 1898 года).

Нельзя представить себе наказание, в большом и малом, столь приятное и столь полезное, как ссылка Ленина. Очень трудно себе представить и другое, чтобы кто-нибудь смог лучше, чем его родные, выполнять все его желания, так постоянно думать — как бы доставить ему удовольствие. Следя за тем, с какой силой мысль его родных обращается к Ленину (как растение к солнцу), рождается впечатление, что все они словно не имеют своей жизни, а каким-то магнитом притянуты к нему, живут лишь в орбите отраженного от него света. Они ничего не требуют от него и все, что имеют, готовы ему принести. Это приходится повторять. Не прошло и трех месяцев после отъезда Ленина, едва успел он добраться до Шушенского, как родные начали думать, не следует ли поехать к нему, быть около него. Их не страшит поездка в Сибирь, тысячи километров трудного пути.

Сестра Маняша в мягчайшей форме упрекает его за «негостеприимство», узнав, что мысль об их поездке в Сибирь он не встретил (ни тогда, ни позднее) с должным энтузиазмом. На что Ленин вполне основательно ей ответил: «Насчет моего «ужасного негостеприимства» я буду с тобой спорить. Ведь прежде чем быть «гостеприимным», т. е. принимать гостей, надо же сначала узнать, где будешь жить, — а я этого не знал, когда жил в Красноярске. Нельзя же считать за знание, когда я слышу и

говорю: «Шу-шу-шу», но не представляю себе ни пути к этому Шу-шу-шу, ни местности, ни условий жизни и т. д. Затем, прежде чем быть гостеприимным, надо же сначала убедиться, что гостям можно будет доехать и поместиться, — не скажу удобно, но хоть по крайней мере сносно. А я этого не мог сказать до самого последнего времени… Что поездка сюда — вещь довольно хлопотливая и мало приятная, это ты видела уже, конечно, из моего письма с описанием пути на лошадях» (письмо от 30 июня 1897 года, то есть десять дней после приезда в Шушенское)[12].

Мать Ленина не переставала беспокоиться — подходит ли для его здоровья климат Шушенского и Минусинского района. В августе 1897 года она обращалась к Енисейскому губернатору с просьбой перевести Ленина «ввиду его слабого здоровья» в Красноярск, в город на железной дороге, куда ей было бы легче приезжать из Москвы, чтобы видеться и ухаживать за сыном. В этой просьбе ей было отказано. Это не остановило намерения родных ехать в Сибирь. Планы такого рода разрабатывались все время, и даже в августе 1899 года, то есть когда Ленину до окончания срока ссылки оставалось жить в Шушенском всего пять месяцев, мать с сестрой Анной готовы были ехать к нему.

Наблюдателя со стороны поражает беззаветная готовность родных всячески «обслуживать» Ленина — трудно найти другое слово. Достаточно ему намекнуть, что он хотел бы получить особый сургуч и особую печать для заклеивания писем, или лайковые перчатки для защиты рук от комаров, или «чертову кожу» для охотничьих штанов, или новое ружье вместо сломанного, и все родные — мать, сестры, брат, шурин Елизаров — начинают обсуждать заказ, спешат его выполнить, придавая простейшим желаниям Ленина какой-то высший смысл и характер категорического императива. Скорейшее и точнейшее выполнение требований Ленина являлось для них первейшей обязанностью не только потому, что он любимый сын и брат. Сверх любви было признание его «особенным человеком», «гениальным существом», которому должно быть оказано самое большое внимание. Его письма, обращенные к одному из членов семьи, читались всеми, а находящимся в другом городе пересылались. Говоря о пропавших письмах Ленина, Мария Ильинична сообщает: «Некоторые отдельные выражения из этих пропавших писем живо сохранились в памяти его близких…».

Преклонение пред ним, начавшееся еще в Самаре в 1891–1892 годах, приняло уже явно выраженные формы во время ссылки Ленина и появления его первых литературных произведений. Каждое из них — будь то пустяковая статья «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» или «Еще к

вопросу о теории реализации», в которой, можно быть уверенным, не разбирался ни один из его родных[13],— должно было им казаться великим событием. Семью охватывало волнение, когда подготовлялся выход сборника «Экономические этюды и статьи». Еще более переписки и волнений было при подготовке и печати книги «Развитие капитализма в России». Главы ее посылались Лениным матери и читались его родными, вероятно, с чувством, похожим на то, с каким верующий человек читает Библию и Евангелие. Исполняя желание Ленина иметь хорошую корректуру книги, семья напрягла все свои силы. Этим делом, кроме корректоров издательства Водовозовой, занимались статистик Ионов, специально приглашенный для проверки цифровых таблиц, сестра Анна, брат Дмитрий. Последний, к удовольствию Ленина, с таким вниманием читал и корректуру и рукопись, что обнаружил в последней описку: Ленин вместо 41,3 поставил 14,3.

Иллюстрацией, насколько далеко шли родные Ленина в постоянном стремлении доставить ему удовольствие, могут служить хотя бы два примера. Ленин, имея пристрастие к охоте, решил завести себе собаку. Об этом он известил родных: «Взял щенка у одного здешнего знакомого и надеюсь к будущему лету вырастить и воспитать его: не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутье». Родные из письма увидели, что охота его увлекает, а раз так, то сей вопрос немедленно становится в их ordre du jour, и Марка Елизарова осеняет мысль — не достать ли в Москве хорошую охотничью собаку и отправить ее в Шушенское к Владимиру Ильичу. Ленин в письме от 8 января 1898 года ответил, что «я бы очень сочувственно отнесся, конечно, к подобному плану, но, по всей видимости, это чистая утопия… Марк, должно быть, просто «размахнулся»». Пересылка собаки за тысячи километров, подчеркивает Ленин, «дорога невероятно». И все же его родные были готовы «размахнуться» на удовлетворение прихоти, которая подходила больше к лицу какого-нибудь старорежимного помещика-охотника, из тех, что описывал Тургенев, чем к ссыльному социал-демократу.

Другой случай не менее показателен. В 1897 году в месяц поспевания вишни и появления ее в громадном количестве на рынке Москвы родные, зная, что этого фрукта в Сибири нет, начали обсуждать, нельзя ли как-нибудь послать «Володе» в Шушенское «пудик вишни». Ведь это доставило бы ему большое удовольствие! Может быть, напомнило бы вишни, окружавшие беседку в саду симбирского дома? Ленин расхохотался, узнав о таком проекте. «Ваш план, — писал он в ответ 31 июля 1897 года, — посылки сюда, тысчонок за 6 с хвостиком верст, «пудика вишни» заставил меня только разинуть рот от изумления (а не от

желания схамкать эту вишню…) …перед богатством вашей фантазии».

Ленин, конечно, был в праве смеяться над такими абсурдными проектами. В то же время он свыкался с тем, что входило в семейную систему обожания и преклонения пред ним. Все принималось как должное, укрепляло его самоуверенность, а на этой почве крепче вырастала вера в свою «уникальность» и бесспорное обладание «полнотой истины».

Важнейшим произведением, подготовленным Лениным в тюрьме и написанным в ссылке, было «Развитие капитализма в России». В одном из своих писем (16 апреля 1899 года) он ссылается на издательницу Водовозову, якобы сообщившую, что он может рассчитывать на получение от книги «около $1^1/_2$ тысяч рублей». Так как книга была результатом трехлетней работы, Ленин находил такое вознаграждение малым. Наоборот, указанная цифра гонорара кажется почти невозможной. Книга была напечатана в количестве 1200 экземпляров ценою в магазине в 2 рубля 50 копеек. При продаже без остатка всего издания (исключая авторские экземпляры и разосланные журналам и газетам для отзыва) общая сумма поступлений могла быть 2812 рублей. Невозможно допустить, чтобы автору было уплачено 53 % валового оборота. Это не могло практиковаться ни одним издательством. Учтя затрату на бумагу, типографию и скидку книжным магазинам, это означало бы, что издательница Ленина ничего, кроме убытка, от его книги не получила бы. Редакторы второго полного собрания сочинений Ленина в 1927 году указали, что «Развитие капитализма в России» разошлось в течение одного года. Это преувеличение. Книгу можно было легко найти в книжных магазинах, например в Киеве, даже в 1903 году. Нужно думать, что она была и на складе у издательницы. Если бы книга была продана в один год, Водовозова, вероятно, предложила бы выпустить ее вторым изданием, а это не было сделано.

Ленин не получил следуемого ему гонорара сразу в руки. *Значительная* часть его дошла до него лишь в 1901 году в Мюнхене, что можно усмотреть из трех писем его к матери. Никакого поступления гонорара от книги в год ее выхода, то есть в 1899 году, Ленин не имел, и на него не приходится указывать, определяя литературный заработок, действительно поступивший к нему за его трехлетнее пребывание в ссылке (май 1897 года — конец января 1900 года). В этот период Ленин мог получить небольшой гонорар за сборник «Экономические этюды и статьи» от той же Водовозовой, часть гонорара за перевод книги Вебба от издательницы Поповой и гонорар за пять небольших рецензий и

пять статей в журналах: «Новое Слово» (1897, №№ 7–10), «Начало» (1899, № 3), «Научное Обозрение» (1899, №№ 1, 8, 12) и «Жизнь» (1899, № 12). Остальные две статьи появились уже в 1900 году и в указанный счет войти не могли.

Возникает далеко не лишенный интереса вопрос: в состоянии ли был Ленин с только что указанным заработком прожить в Шушенском так хорошо, как он жил, если бы не было помощи матери, то есть все того же «фамильного ульяновского фонда». Читатель, а на это и рассчитывают партийные издатели писем Ленина, прочитав их и не подвергая анализу, наверное, придет к выводу, что, начав впервые в апреле 1897 года (статья в «Новом Слове») зарабатывать литературными трудами, а Ленину исполнилось тогда 27 лет, он с тех пор стал прочно на ноги и больше в денежной поддержке матери уже не нуждается.

Это было бы неверным и поспешным заключением. Приход от гонорара никак не мог покрыть его расходы в Шушенском. Огромная часть его не проживалась, не тратилась на повседневные нужды, а шла на покупку книг, журналов, газет, не доходя до Шушенского. Кроме того, часть гонорара откладывалась для расходов на возвращение из ссылки, а часть предполагалось сберечь ввиду отъезда за границу, откуда Ленин намеревался вести атаку на самодержавный строй. Без обращения к матери, вроде «пришли мне побольше финансов» или «пришли мне 200 рублей», *он обойтись не мог*. Надлежит притом заметить, что Ленин отнюдь не желал жить в Сибири в стесненных материальных условиях. Он хотел жить по меньшей мере «сносно», представление же о «сносной жизни» у него в то время было весьма *повышенное,* как то можно усмотреть из письма к Анне Ильиничне от 27 июля 1898 года. Сообщая ей, что их самарский знакомый и единомышленник С. И. Мицкевич, тоже находившийся в ссылке, «берет с удовольствием место врача в Средне-Колымске», Ленин обмолвился следующей фразой: «Без этого в ссылке пропадешь. А на $2^1/_2$ тысячи прожить-то, наверное, можно там сносно».

Предположив, что в Шушенском и Минусинском районе уровень «сносной» жизни обеспечивался на троих (Ленин, Крупская и ее мать) расходом в два с половиной раза меньше, мы с помощью самого простого математического расчета, учитывая казенное пособие, легко поймем, что весь полученный им с 1897 года по конец 1899 года литературный заработок никоим образом указанного «сносного» уровня жизни обеспечить им не мог-бы, тем более что громадная часть этого заработка не шла на повседневные нужды.

По опубликованным письмам нет возможности установить

точную общую сумму денег, посланную матерью Ленину в Шушенское. Но в то же время можно уверенно сказать, что именно эта денежная помощь, обеспечивая с самого начала приезда его в Сибирь довольство, покой, устраняя острую необходимость бегать за заработком, позволила ему начать, а потом, в условиях очень большого удобства, развернуть литературную деятельность. Без этой помощи, нужно ли повторять, он не мог бы такую громадную часть гонорара тратить на библиотеку, на покупку интересующих его книг и журналов, не мог бы сберегать деньги для отъезда из Сибири и выезда за границу.

Ленин из Сибири аккуратно, регулярно, каждую неделю, посылал родным письмо (иногда даже два раза в неделю), причем только одно его письмо до них не дошло. С момента водворения в Шушенском до конца 1899 года он послал оттуда минимум 128 писем, а между тем в сборнике его писем опубликовано только 91, не хватает 37, часть которых, нужно думать, изъята семейной и партийной цензурой. Весьма возможно, что в неопубликованных письмах мы нашли бы ответ на интересующий нас вопрос — как велика была помощь его матери.

* * *

Срок ссылки Ленина кончился 11 февраля 1900 года, и сразу же он, Крупская и ее мать покинули Шушенское. Временно, до отъезда за границу, он поселился в Пскове. Он был лишен права жить в столицах, что не помешало ему нелегально приехать в мае в Петербург, попасться в руки полиции и отсидеть 10 дней в тюрьме при Охранном отделении. Крупская же была обязана оставшийся ей третий год ссылки — два года в Шушенском — жить в Уфе. Накануне отъезда за границу к ней приезжал Ленин в сопровождении матери и сестры Анны.

Вместо кратчайшего пути в Уфу ими был избран путь долгий, более дорогой, но неизмеримо более приятный. Мать и Анна из Подольска, Ленин из Пскова съехались в Сызрань, откуда на пароходе поехали по Волге до Казани, чтобы на другом пароходе по Каме и Белой ехать до Уфы. Об этой прогулке вспоминал Ленин в 1902 году в письме из Лондона к матери: «Хорошо бы летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весною 1900 года!». Вряд ли можно сомневаться, что приятное путешествие оплачено матерью и его не затеяли бы, если бы у Марии Александровны Ульяновой было туго с деньгами.

Мимоходом, в связи с этой поездкой, нельзя не отметить некоторые нелепости царской полиции. В 1888 году 18-летний юноша Ленин, исключенный из Казанского Университета за участие в студенческих беспорядках, не получил от департамента полиции разрешения выехать за границу для поступления, согласно с желанием матери, в какой-нибудь университет. Отказ полиции был сделан без серьезных оснований и тем более странен, что, в отличие от коммунистического правительства, почитающего желание советского гражданина побывать за границей величайшим государственным преступлением, царское правительство уже с половины XIX века очень легко выдавало заграничные паспорта даже явно политически неблагонадежным лицам. Отсутствием препятствий в этом деле широко пользовались все члены семьи Ульяновых в их постоянной тяге за границу. Например, Анна и Мария Ульяновы попадали в тюрьму, подвергались высылке, что, однако, ничуть не мешало им получить заграничный паспорт каждый раз, когда они того желали. В 1900 году Ленин, побывавший в тюрьме и ссылке, стал действительно опасным революционером, и полиция не могла не догадываться, что, перейдя границу, он поведет революционный подкоп под существующий строй. Несмотря на это ему беспрепятственно был выдан заграничный паспорт, в котором было отказано в 1888 году. «Вчера, — сообщал он матери, — получил свидетельство от местного полицеймейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей) и через два часа получу заграничный паспорт» (письмо от 18 мая 1900 года из Пскова). Одновременно с этим департамент полиции не разрешил Ленину поехать в Уфу для свидания с женой, и только его матери, ходатайства которой обычно увенчивались успехом, удалось добиться этого разрешения.

При раздельной жизни — он в Пскове, Крупская в Уфе — расходы Ленина, в сравнении с теми, что были бы при совместной жизни, конечно, возросли, к тому же Крупская была в это время больна, и ей нужно было посылать дополнительно деньги на лечение. Но если принять во внимание, что в 1900 году Ленину должен был поступить гонорар от Водовозовой за «Развитие капитализма в России», от Поповой за перевод книги Вебба, от Филиппова за статьи в «Научном Обозрении», можно было думать, что его «финансы» находятся в хорошем состоянии и Ленину (а ему в апреле 1900 года исполнилось *уже 30 лет)* нет надобности снова и снова обращаться за деньгами к матери. Два нижеследующих письма это *опровергают.*

19 апреля 1900 года он пишет матери: «Надя, должно быть,

лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 *недель* лечь. (Я ей послал еще денег (получил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы. Мне пока хватит, а выйдут — так я напишу тебе.)».

А вот другое письмо (18 мая 1900 года), после получения заграничного паспорта: «Немедленно ехать отсюда я не могу, потому что надо еще снестись с редакциями и некоторыми издателями переводов и покончить некоторые денежные дела (надеюсь, между прочим, получить малую толику от Филиппова: если не получу ни от него, ни от Поповой, то напишу тебе с просьбой выслать мне частичку)».

А. И. Ульянова в предисловии к сборнику «Письма к родным» указывала, что «необходимость в его условиях пользоваться дольше, чем обычно, денежной помощью матери вместо того, чтобы помогать ей, всегда тяготила его». В своих обращениях к матери за деньгами он часто подчеркивал, что смотрит на полученные от нее деньги, как на свой «долг», на «заем», в других случаях, избегая прямой просьбы, он ограничивался намеками, вроде: «Мне пока хватит». Все это было лишним. Мария Александровна Ульянова была воплощением безграничной материнской любви и чуткости. Она прекрасно понимала, что сына в его возрасте должно стеснять постоянное обращение, по его выражению, за «вспомоществованием». Но достаточно было малейшего намека, что ему нужны деньги, — и она уже спешила прийти на помощь в той максимальной мере, какую позволял «фамильный фонд». Так было и после двух только что процитированных писем. Состав случайно сохранившихся писем Ленина или их умышленный подбор может навести на мысль, что он отказывался от помощи чаще, чем принимал. Это был бы ложный вывод.

Миф о жизни впроголодь

29 июля 1900 года Ленин выехал за границу с тем ощущением жизни «накануне», которое для него так характерно: впереди него — «Тулон» и «Аркольский мост». Все, что было раньше, — простое преддверие. Не может быть никакого сравнения между покойной, чересчур сытой, полной всяких интеллектуальных и физических удовольствий жизнью в сибирской ссылке и нервной, напряженной жизнью долгих годов эмиграции. Ленину приходится передвигаться из Мюнхена в Лондон, из Лондона в Женеву, из Женевы в Париж, из Парижа в Краков, из Кракова в Берн, мотаться на разные съезды, конгрессы в Брюссель, Берлин, Копенгаген, Стокгольм, Вену, Прагу, Цюрих, Штутгарт, Базель. Прошло то время, когда для него одного, как то было в Сибири, резали на неделю барана и со стола не сходили утки, зайцы, тетерева, куропатки, дупеля, подстреленные им у берегов Енисея.

Как же он жил в эмиграции?

Как мы уже видели, его старшая сестра Анна Ильинична утверждает, что за границей, «во время наших редких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко недостаточно». Нам эта свидетельница знакома. Описывая жизнь Ульяновых в Симбирске, она изображала ее бедной. Это была неправда. Она утверждала, что после смерти отца семья Ульяновых «жила лишь на пенсию матери». Тоже неправда. Она уверяла, что в Сибири Ленин жил «на одно свое казенное пособие в 8 рублей в месяц». Она и здесь убегала от истины. Поэтому нас не должно удивлять ее указание, что в эмиграции бедный Ленин не имел средств, чтобы обеспечить себе достаточное питание. А. И. Ульянова настойчиво проводила партийную линию. Партийный канон требовал: «вождь пролетариата» должен быть бедным, должен быть «народного» пролетарского или вроде того происхождения, ибо лишь пролетариат является носителем высших моральных и социальных ценностей. Вот великий Маркс в Лондоне действительно так нуждался, что временами не имел средств купить даже килограмм картофеля. Так неужели же великий вождь пролетариата Ленин никогда не впадал в благородное состояние бедности? Ведь бедность есть заслуга!

Сам Ленин накануне Октябрьской революции в одном из своих произведений[14] громко, ясно, твердо всему миру заявил, что он *никогда не испытывал нужды.* Но он подвизался в среде, утверждавшей, что верблюду гораздо легче пролезть в игольное ушко, чем богатому, ненуждающемуся человеку войти в Царство

Небесное. По этой причине, едва успел скончаться Ленин, едва успели мощи его быть возложенными в мавзолей на Красной площади перед Кремлем, как тут же стала создаваться легенда о бедной жизни и большой нужде, которую пришлось испытывать «Ильичу». Авгуры, подхватив эту легенду, превратили ее в канон.

В извинение Анны Ильиничны Ульяновой нужно сказать, что не она главный творец легенды. А. И. Ульянова вошла в «линию», когда та уже появилась, была начертана, закреплена. Вступить в спор с партийной установкой она не могла. Ей пришлось следовать за ней и соответственно тому аранжировать рассказы о жизни своего брата. Если это оказалось неудачным — она в том не виновата. Факты — вещь упрямая, и их не всегда удается скрыть.

Следя за историей рождения легенды о бедной жизни Ильича, я нашел, что одно из первых о нем сказаний принадлежит некоему большевику И. М. Владимирову, встречавшемуся с Лениным в 1904 году в Женеве и в 1908–1909 годах в Париже. Со свидетельскими показаниями, что Ленин жил в эмиграции «впроголодь», он выступил в крошечной брошюре «Ленин в Женеве и Париже», изданной Государственным издательством Украины в 1924 году сразу же после смерти Ленина. Рассказывая, что в качестве наборщика он принимал участие в выпуске первых большевистских изданий, Владимиров писал:

«И вот тов. Ленин создает в конце 1904 г. первую большевистскую газету — «Вперед». Эта газета была вначале маленькой и была издана на собранные гроши среди сторонников тов. Ленина. Как сам тов. Ленин, так и все почти другие большевики, жили впроголодь и отдавали последние копейки для создания своей газеты. Владимир Ильич всегда бедствовал в первый период своей эмиграции. Вот почему, возможно, наш *пролетарский вождь так рано умер*»[15].

Уйдя из «Искры» и Центрального Комитета, где в большинстве оказались люди, не разделявшие его политику раскола, Ленин, организуя «Вперед», порывал связи с меньшевиками и закладывал базу для большевистской «фракции», фактически — партии. Первый номер «Вперед» вышел 4 января 1905 года и продолжал выходить (всего 18 номеров) до мая, когда после большевистского съезда был заменен газетой «Пролетарий».

Смешно слышать, что «Вперед» создана «на последние гроши» впроголодь живущих за границей большевиков. Деньги для нее получались из России от совсем не голодающих людей. В январе 1905 года, обращаясь в Петербург к Богданову, Ленин писал: «… тащите (особенно с Горького) хоть понемногу».

И с А. М. Горького тащили. Из «Пролетарской Революции» № 3 за 1925 год (с. 24) можно узнать, что Горький дал на «Вперед» три тысячи рублей. Но «тащили» не с одного Горького. Субсидия поступала, например, и от А. И. Ерамасова, богатого человека, фабриканта, жившего в Сызрани, где жил и П. Т. Елизаров, брат мужа Анны Ульяновой. При посредстве обоих братьев Ленин еще до своей первой поездки за границу (1895 г.) установил связь с Ерамасовым, и тот для Ленина (в области именно добывания «финансов») оказался человеком весьма полезным.

Затеяв «Вперед», Ленин немедленно обратился к Ерамасову за деньгами: «Наши партийные дела были весь год безобразны, как Вы, наверное, слышали. Меньшинство сорвало окончательно второй съезд, создало новую «Искру»… Я начал здесь (с новыми литературными силами) издавать газету «Вперед» (анонс вышел, № 1 выйдет в начале января н. ст.). Сообщите, как Вы относитесь, и можно ли рассчитывать на Вашу поддержку, которая была бы для нас крайне важна».

Из другого письма можно видеть, что Ленин намеревался получить от Ерамасова очень крупную сумму: «Наше дело грозит прямо-таки крахом, если мы не продержимся *при помощи чрезвычайных ресурсов* по меньшей мере полгода. А чтобы продержаться, не сокращая дело, необходимы minimum две тысячи рублей в месяц… Вот почему я и обращаюсь теперь к Вам с настоятельнейшей просьбой выручить нас и добыть нам эту поддержку».

Эти письма напечатаны в собрании сочинений Ленина, и, ознакомившись с ними и с другими документами, легенду о голодающих большевиках, приносящих свои «последние копейки» для создания «Вперед», нужно оставить.

А теперь о жизни «впроголодь». Среди уже сотню лет существующей в Западной Европе российской эмиграции всегда были и по сей день существуют бедствующие, голодные люди. Среди большевиков, не имевших большого партийного чина, тоже были голодающие, не в Женеве 1904 года, а после 1907 года, например в Париже, где бывали случаи, что от голода люди сходили с ума и, как московский рабочий Пригара, бросались в Сену. Ленин не мог не знать о тяжком положении иных своих партийных (фракционных) товарищей. Это не было ему приятно, но у него не было по этому поводу и больших мучений. Он считал, что спасти можно некоторых, но не всех. Он всегда говорил, что партия не благотворительное общество, не «Армия Спасения». Ленин был против «кормления всех без различия». На поддержку могли рассчитывать лишь те профессиональные

революционеры, которых он называл «ценным партийным имуществом».

Свой взгляд на эти вещи он ясно выразил еще в первые годы эмиграции в письме (от 27 сентября 1902 года) к А. М. Калмыковой, дававшей деньги на издание «Искры». Он внушал ей *не* сообщать «участникам дела» точную сумму ее субсидий, так как это лишь могло побудить слишком многих предъявлять претензии на поддержку. «Обилие побегов (за границу. — *Н.В.*) ставит в «распоряжение» «Искры» кучу людей *при условии содержания всех их,* но если за это широко, легко и необдуманно взяться, то мы окажемся через $^1/_2$ года — год «без ничего»[16]. Нужно говорить, — писал он Калмыковой, — что деньги на «Искру» «желаете давать лишь при крайней нужде», рекомендуя изыскивать самим регулярные источники текущих расходов».

Свою тактику скрывать действительное положение кассы газеты «Искры», изображать его хуже, чем оно было, пугать своих товарищей «финансовым крахом», тем самым заставлять их добывать средства, Ленин проводил мастерски. В 1901 году в кассу поступили крупные суммы от Калмыковой, из Киева через проф. Тихвинского и из других мест, но Ленин именно в это время посылал всем отчаянные письма — спасайте нас! «Собирайте деньги, — писал он Дану 22 марта 1901 года. — Мы доведены теперь почти до нищенства, и для нас получение крупной суммы — вопрос жизни». «Финансы — вовсе швах, — сообщал он Бауману 24 мая 1901 года, — Россия не дает почти ничего».

Вернемся, однако, к вопросу, бедствовал ли в эмиграции Ленин. Владимиров в упомянутой выше брошюре приводит тому следующее доказательство: квартира Ленина в Париже *«состояла из одной*[17] комнаты с альковом и маленькой кухни». С Лениным и Крупской в то время жила ее мать и Мария Ильинична. Жить вчетвером в крошечной квартире — в одной комнате — крайне тягостно, и если Ленину пришлось идти на такую тяготу, то, очевидно, у него не было денег, и он действительно бедствовал. «Свидетельство» Владимирова о тяжком жилищном положении Ленина вошло в историю, и вот что 30 лет спустя писала об этой парижской квартире «Правда» 21 января 1954 года: «В четырнадцатом районе города есть скромная улица под названием Бонье. Здесь в доме № 24 жил и работал Владимир Ильич… Друзья Советского Союза в 1945 году установили на стене дома мемориальную доску. На мраморе видны силуэт Владимира Ильича и надпись по-французски: «Ленин. 22 апреля 1870 г, — 21 января 1924 г. Ленин жил в этом доме с декабря

1908 года по июль 1909 года». В этой квартире «маленькая комната была его кабинетом, кухня служила и столовой и приемной».

Нечто другое о той же квартире на улице Бонье писала Крупская в своих «Воспоминаниях»: «Квартира была нанята на краю города, около самого городского вала, на одной из прилегающих к Авеню д'Орлеан улиц, на улице Бонье, недалеко от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над каминами (это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марьи Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, наша комната с Владимиром Ильичем и приемная. Но эта довольно шикарная квартира весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы «мебели»».

Как видим, биографы Ленина, чтобы прославить его «бедность», не стесняются плодить *грубую ложь*. Она становится еще более выпирающей, если напомнить, что сам Ленин писал 19 декабря 1908 года своей сестре Анне: «Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру… Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую 840 франков + налог около 60 frs да + консьержке тоже около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты, кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надеемся, хорошо. Вчера купили мебель для Маняши. Наша мебель привезена из Женевы».

Ленин прав: квартира почти в 1000 франков в то время считалась дорогой; в годовом бюджете квартирная плата вряд ли могла составлять 25 %. Такого процента в Париже нигде нельзя было найти. Но, предположив, что в бюджете Ленина плата за квартиру все-таки занимала такую крупную долю, нужно вывести, что его годовой бюджет должен бы быть около 4000 франков, чтобы иметь возможность располагать нанятой «шикарной» квартирой. А 4000 франков в 1908 году и в последующие годы — весьма значительная сумма. Она не меньше чем в три раза превышала средний заработок рабочих Франции. Ленин не был беспечной богемой. Если бы он не знал, что не может оплатить дорогую квартиру, он ее не взял бы. Значит, у него были деньги и в достаточном количестве. Откуда же легенда, что он «бедствовал»?

Крупская писала, что шикарности квартиры не соответствовала их мебель. Мебель у них всегда была жалкая, но причиной было не бедственное положение, а ненужность при частых передвижениях из одной страны в другую обзаводиться солидной мебелью. При спешном переезде, например из Мюнхена в Лондон, Ленин продал их меблировку за 12 марок, то есть

почти даром, только бы от нее отвязаться. Крупская говорит, что при отсутствии должной меблировки квартира на улице Бонье «была неуютна до крайности». И при лучшей меблировке квартира Ленина все равно казалась бы неуютной, каким-то временным и неустроенным жильем. Это идет уже от самой Крупской, совершенно лишенной присущей многим женщинам способности создавать уют, делать жилье привлекательным.

В июле 1909 года, покинув улицу Бонье, Ленин переселился в дом № 4 по улице Marie-Rose. На этом доме тоже с 1945 года мемориальная доска с барельефным изображением Ленина и указанием, что он жил здесь в 1909–1912 годах[18].

Переезд в меньшую, чем на улице Бонье, квартиру объясняется совсем не тем, что он впал в «бедность». Сестра Маняша решила возвратиться в Россию, и исчез смысл иметь лишнюю комнату и за нее платить. Квартира на Мари-Роз, где за границей Ленин жил дольше, чем где-либо, светла, гигиенична и очень удобна. Из передней направо — большая комната с балконом и видом через улицу на тенистый сад напротив (на его месте теперь церковь). Это кабинет Ленина. Отсюда дверь в поместительный альков не с французским lit national, а с двумя железными, русского образца кроватями Ленина и Крупской. Из передней налево — другая, еще большая комната для матери Крупской, Елизаветы Васильевны, и вместе с тем для занятий Крупской. На той же стороне — маленькая и совсем не темная кухня, в которую вел небольшой коридор. Большим плюсом квартиры было то, что она имела центральное отопление. Хотя в квартиру на улице Бонье приходила прислуга и в круг ее обязанностей входило приносить уголь и зажигать печи, французские «саламандры» Ленину и Крупской очень надоели. Поэтому-то они так и ухватились за квартиру на улице Мари-Роз. Ленин, видимо, придавал большое значение этой стороне. В письмах к родным он и Крупская неоднократно об этом упоминали. «У нас квартира с отоплением оказалась даже чересчур теплой», — сообщал Ленин матери в письме от 4 ноября 1909 года. «У нас паровое отопление и очень тепло», — снова пишет он матери в начале декабря. «Разница от прошлого года только та, что квартира очень теплая» (письмо Крупской к матери Ленина от 20 декабря 1909 года). Квартира на улице Мари-Роз стоила на 140 франков дешевле, чем на улице Бонье, но для тех лет ее справедливо считали дорогой. Если бы Ленин жил «впроголодь» — мог ли он иметь эту квартиру?

Итак, Ленин совсем не бедствовал, живя в эмиграции. Как же он жил? Средства из разных источников (мы остановимся на них позднее), которые он имел в период эмиграции, всегда

обеспечивали ему ровную, конечно, сытую, без каких-либо провалов, жизнь. Он, действительно, имел право заявить, что *никогда не испытывал нужды.*

Бросается в глаза его стремление вести свою жизнь по раз и навсегда твердо заведенному порядку. В этой области он был консервативен до крайности. Под давлением обстоятельств ему приходилось выбиваться из начертанной колеи, но при первой же возможности он спешил к ней возвратиться. Его идеалом было точное расписание дня — время сна, работы, еды, отдыха, прогулок. Обязанности редактора, политического руководителя, принуждали его к постоянным встречам и разговорам со множеством людей. Они для него были и нужны, и интересны, но он и в них хотел внести порядок. Быть целый день на людях, часами и часами говорить с ними, как это делал его товарищ по редакции Мартов, было вне его сил. Он без насмешки, серьезно, с каким-то ужасом говорил: «Мартов может одновременно писать, курить, есть и не переставать разговаривать хотя бы с десятком людей». В первые годы эмиграции Ленин так уставал от разных деловых и неделовых разговоров, что делался от них совершенно больным и неработоспособным. В Мюнхене, пресекая визиты к себе и разговоры в неположенное время, он отправил Крупскую просить Мартова больше не ходить к нему. «Условились, — сообщает Крупская, — что я буду ходить к Мартову, рассказывать ему о получаемых (для редакции) письмах, договариваться с ним». Сутолока отягощала Ленина.

Ленин не переносил жизни скопом, в «коммуне», в доме, «где все окна и двери никогда не запираются, постоянно открыты на улицу, и всякий проходящий считает нужным посмотреть, что вы делаете». Он был скрытен. Он не любил, чтобы заглядывали, как он живет. Идя на дополнительный расход, он всегда искал отдельной квартиры, в крайнем случае, изолированных комнат, где мог бы быть chez soi, в привычной для него обстановке, со всеми нужными ему книгами. Во время первой революции, приехав нелегально в Петербург, он страдальчески чувствовал, что выбит из усвоенного им порядка жизни. Ему приходилось жить у разных лиц, обычно в хороших, комфортабельных квартирах, хозяева которых предоставляли ему все, что нужно, и тщательно избегали какого-либо вмешательства в жизнь их гостя. И все-таки всюду в этих чужих квартирах он чувствовал себя скованным, обузой для других. Этот человек, свергавший буржуазную планету, был очень «стесняющимся», боящимся стеснить других. М. П. Голубева рассказывает: «В 1906 году у меня была штаб-квартира для свиданий Владимира Ильича с членами Центрального и Петербургского Комитета. Владимир

Ильич всегда приходил первым, ни разу не опоздал. Зная, что каждый из нас считает за честь предоставить в его распоряжение свою квартиру, зная мое личное хорошее отношение к нему, Владимир Ильич, тем не менее, всякий раз извинялся и говорил: «Вот опять часа на два придется занять вашу квартиру». В местечке Огльбю, близ Гельсингфорса, в конце 1907 года, прежде чем бежать снова в Женеву, Ленину пришлось прожить некоторое время у двух сестер-финок «в изумительно чистенькой и холодной, по-фински уютной, с кружевными занавесками комнате… где за стеною все время шел смех, игра на рояле и болтовня на финском языке», — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Крупская. Ленин писал тогда об аграрной программе социал-демократии в революции 1905–1907 годов и по обыкновению ходил по комнате. Не желая беспокоить хозяек стуком шагов, он «часами ходил из угла в угол на цыпочках».

В Петербурге тяга к утерянной жизни chez soi была так велика, что, несмотря на связанные с этим опасности, Ленин трижды сделал попытку поселиться совместно с Крупской (тоже жившей по фальшивому паспорту), чтобы снова, как прежде, вкушать удобства семейной жизни. И все-таки он сбежал (именно «сбежал») с квартиры и на Греческом проспекте, и на Пантелеймоновской улице, и на Забалканском проспекте. Доведенная до крайности осторожность и боязнь быть арестованным (он несомненно считал, что с его арестом рушится и вся революция) порождали у него своего рода шпиономанию: ему всегда казалось, что около дома, где он поселился, появлялись шпионы.

Ленин не только был способен «стесняться», но у себя, в семейной обстановке, он мог предаваться и некоторым сентиментальным реминисценциям. Например, живя в эмиграции, он любил по вечерам подолгу рассматривать альбом с фотографиями всех своих родных[19]. Уехав из Пскова за границу, он из предосторожности (в альбоме была и карточка повешенного брата) не взял его с собой, но очень скоро попросил мать при первой возможности этот альбом ему выслать: «Дорогая мамочка!.. Я уже успел соскучиться по карточкам и непременно буду просить Надю привезти мой альбом, а если будут у вас новые карточки, то присылайте» (письмо от 27 января 1901 года).

В Женеве и особенно первый год жизни в Париже Ленин очень часто посещал кафе, однако не любил и избегал ресторанов и жизни в пансионах. Последними пользовался в крайних случаях. Летом в 1911 году в Лонжюмо, где жила большевистская колония и существовала школа, в которой Ленин, Каменев, Зиновьев и другие читали лекции, была общая для партийцев

столовая. Для завтраков и обедов ходил туда и Ленин с Крупской, но Ленин делал это очень неохотно, шел туда только потому, что было неловко держаться от всех в стороне. Шарлю Раппопорту, читавшему в школе историю французского рабочего движения, он сказал однажды: «Не люблю общих обедов с их разговорами. Если это важные разговоры, им не место во время еды, а если просто болтовня, зачастую как в пансионах очень раздражающая, то она только мешает есть».

И Ленин и Крупская обладали, по ее выражению, «в достаточной мере поедательными способностями», хорошим аппетитом, и, удовлетворяя его, Ленин хотел иметь у себя дома излюбленные им простые, но очень сытные блюда. Особенно Ленин любил всякие «волжские продукты»: балыки, семгу, икру, которые в Париж и Краков ему посылала мать иногда в «гигантском количестве». «Ну уж и балуете вы нас в этом году посылками! — писала Крупская сестре Ленина Анне 9 марта 1912 года. — Володя даже по этому случаю выучился сам в шкап ходить и есть вне абонемента, т. е. не в положенные часы. Придет откуда-нибудь и закусывает».

Крупская признавалась, что «хозяйка я была плохая… люди, привыкшие к заправскому хозяйству, весьма критически относились к моим упрощенным подходам». Она щеголяла своим отвращением к домашнему хозяйству и неумению его вести. Еду, ею изготовляемую, она презрительно называла «мурой» и говорила, что умеет «стряпать только горчицу». Ленин, относившийся отрицательно ко всем видам неумения, все-таки не осуждал Крупскую, ведь освобождение женщин от кухонных дел стояло в его программе, но тем благосклоннее он относился к присутствию ее матери, Елизаветы Васильевны, в течение многих лет, начиная с жизни в Шушенском, умело ведшей их хозяйство, хотя совместная жизнь с нею нарушала его некоторые привычки и вынуждала иметь жилье с лишней комнатой.

Ни Елизавета Васильевна, ни Крупская, — первая потому, что не могла (она очень уставала от хозяйства), вторая, главным образом, потому, что не хотела, — не занимались тем, что называется грязной стороной домашнего хозяйства (топка печей, мытье полов, посуды и т. д.). Для такой работы всегда приглашалась на несколько часов приходящая прислуга. А в Кракове, где на помощь одряхлевшей Елизаветы Васильевны уже нельзя было рассчитывать, в семье Ленина служила уже *постоянная работница*. Нигде нет указаний, что Ленина это смущало.

Он придавал огромное значение здоровью. «Хворать и подрывать свою работоспособность, — вещь недопустимая во всех

отношениях… а запускать (болезнь. — *Н.В.*) — прямо безбожно и преступно», — писал он Горькому 30 сентября 1913 года.

В его терапевтике — есть и спать играли первенствующую роль. «Ешь и спи больше, — писал он Крупской, — тогда к зиме будешь *вполне* работоспособна». Такие же советы он давал и жившей у него сестре Марии: «Я ей советую усиленно пить больше молока и есть простоквашу, — писал он матери 24 августа 1909 года. — Она себе готовит ее, но на мой взгляд недостаточно все же подкармливает себя: из-за этого мы с ней все время ссоримся».

В случае болезни Ленин обычно обращался к очень хорошим врачам или знаменитостям. У брата своего Дмитрия он не стал бы лечиться. Из Женевы в конце 1903 года он ездил в Лозанну к знаменитости — доктору Мермоду. В Париже оперировать сестру Марию от аппендицита позволил только в хорошей клинике известному хирургу д-ру Дюбуше. Крупскую, страдавшую базедовой болезнью, свез из Кракова в Берн к знаменитому специалисту Кохеру.

Свой взгляд на лечение и на докторов он весьма оригинально формулировал в письме к Горькому, узнав, что того лечит от туберкулеза по новому методу какой-то неизвестный русский врач — Манухин: «Дорогой Алексей Максимыч!.. Известие о том, что Вас лечит *новым* способом «большевик», хотя и бывший, меня ей-ей обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же в 99 случаях из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне раз сказал один *хороший* врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо *только* у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретение большевика — это ужасно!!»[20]

При взглядах Ленина на здоровье и лечение — трудно понять, как могло случиться то, что он испытал в Лондоне, доверившись Крупской, в медицине совершенно невежественной, никакого касательства к ней не имеющей. Накануне переезда из Лондона в Женеву он заболел тяжелой нервной болезнью, воспалением — по позднейшему определению докторов — кончиков грудных и спинных нервов, и покрылся сыпью. «Нам и в голову не приходило обратиться к английскому врачу, — рассказывает Крупская, — ибо платить надо было гинею». И, ничтоже сумняшеся, она сама взялась за лечение: заглянув в медицинский справочник и решив, что у Ленина стригущий лишай, она густо вымазала его йодом. «Дорогой в Женеву Владимир Ильич метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели». Не после ли этого Ильич пришел к убеждению, что «пробовать на себе изобретение большевика или большевички —

ужасно»?

Ненарушимый, правильный порядок жизни всегда, сказали мы, был стремлением Ленина. Он считал за правило каждый год летом бросать работу и ехать с женой отдыхать в горы, к морю, в деревню. Это правило ведет свое происхождение еще со времен выезда на лето в имение Кокушкино и позднее в Алакаевку. Каждый день между работой или после работы Ленин считал нужным выйти погулять или прокатиться на велосипеде. В эти интервалы его дня он любил иметь компаньона. По воскресеньям выходы часто превращались в большие прогулки за город. Утром, проснувшись, полуголый Ленин, в одних кальсонах, в течение 10–15 минут усердно проделывал установленную им самим порцию и систему гимнастики: приседал, разводил руки, сгибал корпус. Но если, нарушая правильный образ жизни, что часто с ним случалось, Ленин читал или писал до поздней ночи, гимнастика отменялась: «В этом случае, как показал опыт, гимнастика не рассеивает усталость, а ее увеличивает», — поведал мне он в одной из наших бесед.

Каждое утро, перед тем как начать читать газеты, писать, словом, начинать день — он наводил порядок в своей комнате. На то, что делалось в других частях квартиры, он по выражению Крупской, смотрел «отсутствующими глазами», в той же комнате, где читал и писал, беспорядка не переносил. Масса книг, повсюду с ним передвигавшаяся, располагалась не только на полках, этажерках, но часто и на полу. В этой внешней беспорядочности был, однако, установленный им порядок: он знал, что где находится. Нужные ему книги, папки, газеты всегда держал под рукой, в удобном месте. Нигде ни пылинки, ни чернильных пятен. Их он не терпел, как не терпел грязных гранок в типографии его статей. Он называл их «свинством» и требовал, чтобы ему давали другие, чистые.

Не было беспорядка и в его дешевом, но всегда чистом костюме. Плохо держащуюся пуговицу пиджака или брюк иногда укреплял собственноручно, не обращаясь к Крупской. Елизавета Васильевна находила, что он это делал лучше, чем ее дочь. Если на костюме появлялись пятна, он старался немедленно вывести их бензином.

Ленин — воплощение порядка, аккуратности, изумительного прилежания и усидчивости в работе. У него нет ничего от бестолкового образа жизни прежней российской интеллигенции и ничего от богемы, Ему, как будто, чужды всякие эксцессы. Его нельзя вообразить выпивающим лишнюю кружку пива или вина. Его нельзя себе представить пьяным. Вид одного пьяного товарища (Шулятикова) в Париже вызвал у него содрогание и

отвращение. Из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убегал. В Париже в 1911 году в кафе на авеню д'Орлеан между двумя фракциями большевиков — группой «Вперед» и той, что стояла за Ленина, была готова разразиться драка. Опытный по этой части хозяин кафе потушил электричество, оставив в темноте антагонистов. Ленин выскочил из кафе и, как передает Крупская, «долго после этого, чуть не всю ночь, бродил Ильич по улицам Парижа, а вернувшись домой, не мог заснуть до утра».

Хотя Ленин давал самые детальные советы и даже директивы как драться с царской полицией, бить шпионов, поджигать полицейские участки (см. его письмо от 29 октября 1905 года в Боевой Комитет при Петербургском Комитете)[21] никак нельзя себе представить, что лично он может все это проделывать. Этого величайшего революционера нельзя себе представить идущим во главе демонстрантов на бой с полицией или стоящим в первых рядах на баррикаде.

Почему? Потому ли, что у него не было личного мужества, или потому, что, по его убеждению, такие люди, как он, будучи призваны на пост верховного главнокомандующего, не должны заниматься тем, что делают простые солдаты?

Л. Троцкий, которому, конечно, бросалась в глаза эта загадка Ленина, разрешил ее следующим противоположением: «Либкнехт был революционером беззаветного мужества… Соображения собственной безопасности были ему совершенно чужды… Наоборот, Ленину всегда была в высшей степени свойственна забота о неприкосновенности руководства. Он был начальником генерального штаба и всегда помнил, что на время войны он должен обеспечить главное командование»[22].

Этой в высшей степени заботой охранить в своем лице от какого-либо риска «неприкосновенность руководства», нужно думать, объясняется, например, и то происшествие с Лениным в январе 1919 года, в котором он, по мнению многих, обнаружил «поразительную трусость». Ленин со своей сестрой Марией Ильиничной выехал вечером 19 января на автомобиле из Кремля, чтобы навестить в Сокольниках Крупскую, которая после болезни отдыхала там в доме лесной школы, и принять там участие в детском празднике «Новогодней елки». В пути на них — это было тогда в Москве почти обычным, бытовым явлением — напали бандиты. Ленина сопровождал телохранитель в лице чекиста Чебанова. Но сей муж так растерялся, что не оказал бандитам ни малейшего сопротивления. Никакого мужества не проявил и Ленин, хотя в кармане его пальто под рукой находился заряженный револьвер. Рисковать собою Ленин не пожелал. Он

беспрекословно вышел из автомобиля, дал себя обыскать, ни слова не говоря, отдал бандитам паспорт, деньги, револьвер и в придачу автомобиль, на котором бандиты укатили.

Товарищи Ленина, из его же рассказов видевшие, что он имел полную возможность стрелять и одним выстрелом разогнать нападающих, удивлялись, почему же он не стрелял? Ленину эти вопросы и удивления так надоели, что в одну из своих статей он вставил следующий пассаж: «Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо несомненно. «Do ut des» — («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым»…»[23]

В переводе на другой язык это означает: бросьте говорить глупенькие речи о храбрости. Мудрость вождя революции и государства заключается в том, что, не поддаваясь рефлексам, он должен уметь уходить «подобру-поздорову» из опасности…

Если бы заснять фильм из повседневной жизни эмигранта Ленина в пределах его, только что отмеченных правил, привычек, склонностей, — получилась бы картина трудолюбивого, уравновешенного, очень хитрого, осторожного, без большого мужества, трезвейшего, без малейших эксцессов мелкого буржуа.

Когда он стал у власти, многие художники, рисуя его портрет, пытались в нем передать, отжать, наиболее бросавшиеся им в глаза психологические черты Ленина. И замечательно, что во всех рисунках и портретах 1920–1921 годов Малявина, Пархоменко, Бродского, Чехонина, Альтмана, — это была эпоха начинавшегося нэпа, — Ленин представляется именно таким, то есть уравновешенным, трезвейшим, пунктуальным, взвешивающим, спокойным, рассудочным человеком.

Однако это только одна половина Ленина. А вот если бы параллельно с первым, «немым» фильмом, заснять другой, с записью звуковой, передающей то, что проповедует Ленин, то, что чистенько, аккуратно он заносит на бумагу (без писания, сводящегося к наставлениям, команде, приказам, директивам — он не мог бы жить), предстанет феномен, бьющий своей противоречивостью. Этот трезвый, расчетливый, осторожный, уравновешенный мелкий буржуа — далек от уравновешенности. Он считает себя носителем абсолютной истины, он беспощаден, он хилиаст. Он способен доводить свои увлечения до ража, от одного ража переходить к другому, загораться испепеляющей его

самого страстью, заражаться слепой ненавистью, заряжаться таким динамитом, что от взрыва его в октябре 1917 года будут сдвинуты с места все оси мира. Две души, два строя психики, два человека — в одной и той же фигуре. Как Фауст Гете он мог бы сказать о себе:

> Zwei Seelen wohnen, achl in meiner Brust.
> Die eine will sich von der andern trennen.

Возвращаясь из эмиграции и подъезжая 16 апреля 1917 года к Петрограду, Ленин, волнуясь, спрашивал: «Арестуют ли нас по приезде?» Это — одна ипостась Ленина.

Двадцать минут спустя, после торжественного его приема на вокзале представителями Совета рабочих и солдатских депутатов, Ленин несся на броневике через весь Петроград к дворцу Кшесинской, ставшего помещением Центрального Комитета большевиков, бросая встречным толпам: «Да здравствует мировая социалистическая революция!» Это — другая ипостась Ленина.

От одной души пойдет нэп и завещание Ленина — «надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед»[24] От другой — Октябрьская революция и хилиастические видения кровавой мировой коммунистической революции. По-видимому, вторую ипостась и пытались запечатлеть художник Гринман (в 1922 году), скульптор Н. Аронсон (в Париже, в 1925 году), скульптор Королев (в 1924 году), последний — лучше других. У Гринмана — Ленин слишком уж «красив», а у Аронсона желание подчеркнуть волю, суровость и мудрость Ленина зашло так далеко, что в результате появилась символическая и стилизованная фигура, а не Ленин.

Благополучие Ленина в годы первой революции

В первый период эмиграции и до 1905 года из бюджета Ленина полностью выпадает гонорар от легальных русских изданий. Он ничего в них не пишет. К нему поступает лишь то, что должна за книгу «Развитие капитализма в России» издательница Водовозова. О получении от нее гонорара упоминается в некоторых письмах Ленина из Мюнхена в 1901 году. «От своей издательницы я получил на днях 250 р., так что и с финансовой стороны теперь дела недурны» (письмо от 7 июня). «Моя издательница прислала мне кое-что и я надеюсь обойтись этим еще довольно долго…» (письмо от 21 сентября).

Как и три остальных редактора «Искры» (Плеханов, Мартов, Засулич), Ленин получал в это время жалованье от партии.[25] Получал ли он в то время денежную помощь от матери? Вот письмо к матери из Мюнхена 19 сентября 1900 года: «Белья и денег у меня достаточно, дорогая мамочка, так что ни того, ни другого посылать пока не надо; надеюсь, что не скоро придется писать об этом, — а когда понадобится, я постараюсь рассчитать заранее».

Посылка белья производилась матерью в течение нескольких лет; находя, что некоторые вещи удобнее покупать за границей, Ленин затем от этих посылок отказался. В сентябре 1900 года (это дата цитированного письма), он только два месяца за границей и, естественно, взятого им с собой белья для него «достаточно». По той же причине ему «пока» достаточно денег. Но слова, что посылать денег «пока» не надо, а когда они понадобятся, он постарается «рассчитать заранее», ясно свидетельствуют, что между матерью и им существует на этот счет соглашение. Другими словами, отправляясь за границу, Ленин твердо знал, что это не прыжок в неизвестность: пока у матери есть деньги, он без средств не останется. Его бюджет, следовательно, слагается *в это время из партийного жалованья и того, что посылала мать*. Определить по письмам сколько и когда она — посылала — нет возможности. Писем за 1901–1904 годы сохранилось или напечатано ничтожное число. Он и тогда родным писал аккуратно, не менее чем письмо в неделю, то есть 52 письма в год, — в сборнике же мы находим за 1901 год лишь 18 писем, за 1902 год — 9, за 1903 год — всего 3, за 1904 год — 6. О деньгах упоминается в письме от 1 июля 1901 года. Это благодарность брату Дмитрию за перевод 75 рублей, вырученных, «должно быть,

за продажу моего ружья». В другом письме (21 сентября) Ленин шлет матери благодарность за присланные ему 35 рублей. Их «мы наконец получили после долгой проволочки, происшедшей случайно по вине одного приятеля». Из этого брошенного вскользь Лениным видно, что по разным соображениям мать переводила Ленину не только обычным путем, открыто, через банк, а пользовалась и разными другими оказиями. На одной такой оказии и необходимо остановиться.

Ленин выехал за границу не один. Еще раньше его (в апреле 1900 года) выехал туда Потресов, имевший беседы с немецкими социал-демократами и благодаря их указаниям нашедший техническую возможность наладить в Германии издание газеты «Искра». Сделав свое дело, Потресов уехал на время в Россию (Ленин остался в Мюнхене) и возвратился через несколько месяцев, в конце 1900 года или начале 1901 года. И тут, при встрече его с Лениным, произошло маленькое, быстро рассеявшееся недоразумение следующего рода. Первые взносы для издания «Искры» были сделаны Калмыковой, давшей 2000 рублей, Потресовым, внесшим такую же сумму, и Жуковским, знакомым Потресова, пожертвовавшим 1000 рублей. Ленин, со своей стороны, обещал, что его знакомый, некий «волжский капиталист», фамилию он не называл (мы знаем теперь, что он имел в виду Ерамасова), тоже сделает взнос в фонд для «Искры». Перед отъездом за границу Потресов получил из Москвы для передачи Ленину *500 рублей* и был убежден, что это и есть первый взнос «волжского капиталиста». Ему показалось несколько странным, что при разговоре о субсидировании «Искры» Ленин не упоминает о переданных ему деньгах, и он на это намекнул. «Вы заблуждаетесь — разъяснил Ленин — относительно назначения и происхождения этих 500 рублей. Это совсем не те деньги, о которых вы думаете, они посланы *лично мне матерью».*

Так совершенно случайно стало известно, что в конце 1900 года или начале 1901 года Ленин получил от матери изрядную сумму — около 1100 немецких марок, которая, вместе с жалованьем редактора «Искры», надолго обеспечивала ему в Мюнхене неплохую жизнь, «Мы устроились здесь совсем хорошо своей квартирой… Обзаведение мы себе купили из подержанных вещей недорого, с хозяйством Елизавета Васильевна и Надя справляются сами без особого труда» (письмо от 7 июля 1901 года).

Получка им этой крупной суммы объясняет, почему в сентябре 1901 года он пишет не посылать ему денег, ибо «насчет финансов у нас вообще дело ничего себе». Сие нелепое, непереводимое на другие языки, ходовое русское выражение

должно означать, что его «финансовое положение» весьма удовлетворительно. В связи с этим, становится понятной и сравнительная скромность суммы 35 рублей, посланной ему в этот месяц матерью. Это не фундаментальная поддержка, а только маленький подарок. Пользуясь оказией, она послала его сыну, чтобы он мог иметь какое-нибудь дополнительное удовлетворение.

Переводы из дому денег Ленину имели место и в последующие годы и, однажды, в 1904 году, опять таки только случайно, обнаруживается их след. В мае этого года Ленин выпустил брошюру «Шаг вперед, два шага назад», о которой Плеханов тут же писал по ее выходе, что она «в истории наших внутренних распрей будет играть роль масла, подлитого в огонь» (см. статью «Теперь молчание невозможно!», «Искра», 1904, № 66).

Ленин превосходно видел последствия своего шага. После того, что написано в его брошюре — ров между ним и меньшевиками углублялся. Раскол становился неизбежным. Ленин, выпустивший в конце года газету «Вперед» против «Искры», шел на него. Еще недавно любимая им «Искра», с его уходом из редакции, превращалась в его глазах в ненавистную, мерзкую, «новую» «Искру». Все же на раскол Ленин не шел с легким сердцем. Его «две» души мучительно боролись. Он худел, бледнел и нервничал. «Я был свидетелем, — писал Лепешинский, — такого подавленного состояния его духа, в каком никогда мне не приходилось его видеть ни до, ни после этого периода… — Я, кажется, — говорил Ленин, — не допишу своей книжки. Брошу все и уеду в горы…»[26]

Он все-таки дописал ее и лишь потом уехал из Женевы для продолжительного отдыха и приведения в порядок больных нервов. Ленин и Крупская поселились сначала в Лозанне, потом сменили ее на Montreux, отправной пункт их многонедельного путешествия по горам. «Мы, действительно, выбирали всегда самые дикие тропинки, — рассказывает Крупская, — забирались в самую глушь, подальше от людей. Побродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали».

Их путешествие было интересным: от Montreux, к Aigle, потом десятки километров вдоль реки Роны, отдых в Loeche-les-Bains, спуск через Gemmipass в горы Бернского кантона, заход к подножию Юнгфрау, снова отдых в Изентале на Brienzersee, оттуда путь в Женевский кантон, где перед возвращением в Женеву Ленин и Крупская жили в пансионе около lac de Bret в компании с Богдановым. С ним у Ленина был тогда нежный

контакт, через несколько лет, как и полагается Ленину, превратившийся в ненависть. Крупская, с некоторым намеком на поэзию, писала, что прогулка оказала благодетельный эффект на Ленина: «Нервы пришли в норму. Точно он умылся водой из горного ручья и смыл с себя всю паутину мелкой склоки». Отлично отдохнув, он чувствовал себя достаточно бодрым, чтобы броситься в очень большую склоку.

Сколько времени заняло оживившее Ленина путешествие? На это можно ответить точным образом. Их экскурсия началась в начале июля и продолжалась без малого два месяца. Могла ли она иметь место, если бы у Ленина обстояло плохо дело с «финансами»?

Крупская в своих «Воспоминаниях» не в такой степени искажала правду, чтобы утверждать, что Ленин и она в эмиграции жили «впроголодь» и очень нуждались. Тем не менее, для придания «пролетарского» колорита их жизни и фигуре Ленина, она подобно Анне Ильиничне, любила «прибедниваться», что отвечало требованиям и партии, и читательской среды. Ее упражнения в этом направлении бывали очень неловки и зачастую комичны. Так, описывая «плохонькую комнатешку», где Ленин до ее приезда жил в Мюнхене, кормясь мучными блюдами у какой-то немки, она сообщала: Владимир Ильич «утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана».

Допустим, что он это проделывал. Будучи стесняющимся человеком, возможно, он считал неловким просить хозяйку пансиона заменить «жестяную кружку» другой посудой. Есть ли это доказательство отсутствия у него денег? Фаянсовая посуда стоила в Германии гроши. Неужели Ленин не мог купить себе чашку с блюдцем, а предпочитал портить чай, наливая его в «жестяную» кружку?

Не могла Крупская не придать «бедненький» характер и их продолжительной прогулке по Швейцарии. «Деньжат у нас, — внушает она, — было в обрез, и мы питались больше всухомятку — сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка».

На диких горных тропинках, куда они забирались, не на каждом повороте выстроен ресторан, и в должный час эти путешественники не всегда могли иметь завтрак или обед. Зачем только это изображать как следствие, что «деньжат было в обрез»? Правда, Ленин в это время уже не был в «Искре» и редакционного жалованья не получал, но, как видим, это не помешало ему совершить почти двухмесячное, весьма приятное и требующее затрат путешествие. Здесь, как и в других случаях, ему на помощь

опять пришла мать, и это кое-кому из его окружающих товарищей случайно (от матери Крупской) стало известно. Сам Ленин *никогда и ни с кем из чужих* в разговоры о своих денежных делах не входил. По его письмам из Петербурга и Сибири можно вынести впечатление, что в этой области он совсем не был прям даже со своими родными. Из Шушенского в Сибири в 1898 году он сообщал матери в письме от 8 марта: «Получаю теперь большой перевод с английского (из Питера) Адама Смита, за который должно что-нибудь перепасть. Поэтому долги свои все возмещу». Он как бы хотел этим показать, что для уплаты долга готов приняться за любую работу. Однако никакого перевода «Адама Смита» (давно переведенного) он не получал и не делал. В 1904 году такого же рода «сочинительство» и, вероятно, с той же целью, можно усмотреть и после получения от матери денег, сделавших возможным только что описанное длительное путешествие Ленина и Крупской по горам Швейцарии. «Я получил теперь, — писал он матери 28 августа, — книгу Гобсона об империализме и начал переводить ее». Никакого перевода книги Гобсона, появившейся в 1902 году, Ленин в то время не делал. Он будет думать о том лишь в *1916 году* и будет писать сестре Маняше, что если она найдет издателя, он примется за перевод.

С фальшивым паспортом, нелегально, Ленин из Женевы приехал в Петербург 20 ноября 1905 года и на следующий день уже заседал в редакции газеты «Новая Жизнь».

То была странная газета, если судить по опубликованному списку имен ее сотрудников. С одной стороны, беспартийные писатели — поэты, символисты, декаденты, мистики, вроде Минского, Гиппиус, Бальмонта. С другой стороны, партийцы большевики — Богданов, Румянцев, Базаров (два первых — члены Центрального Комитета большевиков) и М. Горький, с политически шедшими за ним писателями — Л. Андреевым, Е. Чириковым, Скитальцем и др.

Каким образом мог появиться сей странный симбиоз, соединение несоединимого? Газета возникла в своеобразной обстановке «политической весны», всем кружившей голову. Русское общество, не знавшее до сих пор настоящей свободы слова, печати, собраний, союзов, с упованием ухватилось за свободы, открывшиеся перед ним, сначала в порядке захватного права, а потом в порядке самого широкого толкования царского манифеста. Беллетристы, поэты, адвокаты, артисты, инженеры, состоятельные люди разных слоев, до сих пор чуждавшиеся какой-либо общественной активности, бросились в политику, увлекаясь революционными лозунгами и идеалами. Кое-что здесь сильно напоминало французский 1848 год на страницах

«L'Education sentimentale» Флобера.

Благонамеренному философу Минскому удалось получить еще до манифеста 30 октября разрешение на выпуск газеты. Он хотел ее сделать беспартийной, но очень левой, и для этого обратился за сотрудничеством к большевикам. С намерением в дальнейшем придать газете желательную им физиономию, те приняли предложение, — и так возникло соединение несоединимого. Официальным редактором был Минский, официальным издателем — М. Ф. Андреева, жена в то время М. Горького. В одном из примечаний к 10-му тому 4-го, «очищенного», издания сочинений Ленина, на странице 479-й, указывается, что газете «большую материальную помощь» оказал М. Горький. Из собственного кошелька Горький, кажется, ничего не вложил в газету. Он был только влиятельным посредником. Он привлек для поддержки газеты купца Савву Морозова и Шмита[27] сына богатого московского купца.

Искусственный союз беспартийных писателей и ультрапартийных большевиков с приездом Ленина быстро окончился. 23 ноября в газете появилась статья Ленина «О реорганизации партии», 25 ноября «Пролетариат и крестьянство», не оставляющие никакого сомнения в том, что Ленин намерен из «Новой Жизни» — беспартийной левой газеты — сделать чисто партийное большевистского типа издание. А 26 ноября, то есть через четыре дня после вступления Ленина в редакцию, в «Новой Жизни» появилась его статья «Партийная организация и партийная литература», после которой в газете произошла реорганизация: некоторым лицам, приглашенным Минским, пришлось уйти, другим замолкнуть или слагать поэмы в честь пролетариата и большевистской гегемонии.

«Литература должна стать партийной, — провозгласил Ленин. — Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса…

Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма… Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации.

Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным.

За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать.

Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

— Успокойтесь господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю».

Статья Ленина зловещая. Его фразу «успокойтесь, речь идет о партийной литературе» следовало бы дополнить одним словом *«пока»*. «Пока речь идет о партийной литературе». Ленин в 1905 году, хотя многое его на то уже наталкивало, еще не дошел до простой соблазнительной мысли, что при строительстве социализма удобнее всего свободу печати уничтожить и иметь лишь одну партийную большевистскую прессу, подчиненную, конечно, не контролю пролетариата, а контролю командующего партийного центра или диктатора. К этому он пришел после 1918 года. «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг — меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит, облегчать дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем»[28].

Никто не предвидел, что ленинская статья от 26 ноября 1905 года была страшна тем, что вела к тоталитарному уничтожению свободы печати и мысли, к тому, что позднее осуществил Сталин, превративший искусство и печать, действительно в «колесико и винтик» его охраняющей и прославляющей государственной машины.

Руководимая Лениным «Новая Жизнь» не продолжалась долго. Вышло всего 28 номеров, последний уже нелегально. В числе 8 газет она была закрыта правительством 16 декабря за опубликование призыва не платить налогов. Вместо нее появилась «Волна». Даже после подавления декабрьского восстания в 1905 году — правительство не решалось уничтожить

свободу печати, узаконенную манифестом 30 октября. Запрещая наиболее зло берущие его за горло революционные газеты, царское правительство позволяло появляться их заместителям. Так, после закрытия «Волны», появился «Вперед», за ним «Эхо», «Зрение», «Новый Луч», «Наше Эхо».

Откуда шли средства на эти издания, как и на руководимую Лениным нелегальную газету «Пролетарий», печатавшуюся в Выборге и договаривавшую то, что не всегда казалось удобным в легально появлявшейся большевистской прессе? Три года спустя в издававшемся в Париже большевистском сборнике «Вперед», разбиравшем положение дел в партии, указывалось на одну кричащую «ненормальность»: значительнейшую часть средств партийных организаций «образуют пожертвования *со стороны* и доходы от случайных предприятий, тогда как действительно прочную и надежную материальную опору для партии могут составлять только трудовые гроши самих борющихся и сознательных рабочих». Такие «гроши» в небольшом количестве стали поступать в кассу большевистских газет лишь в 1912–1914 годах, когда появились большевистские газеты («Правда» появилась 5 мая 1912 года, преследуемая цензурой, она все-таки до войны 1914 года продолжала выходить под названием «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Путь Правды», «Трудовая Правда»). В 1905–1907 годах «трудовые гроши» в издании большевистских газет никакой роли не играли. На многие фабрики и заводы, больше всего вне Петербурга, газеты доставлялись просто как прокламации, как бесплатный агитационный материал, подлежащий распространению, невзирая на расходы и убыточность. Все революционные газеты были в огромном дефиците. Хозяйство газет, их бухгалтерия, велись неопытными партийными людьми, и были в хаотическом состоянии. Кратковременность жизни газет не позволяла приступить к упорядочению дела. Средства на большевистскую печать и на всю партию создавались не грошами из кармана пролетариев, а пожертвованиями, дарами *из кошелька буржуазии и свободных профессий,* шли из источников, подобных тем, что питали «Новую Жизнь» — первую легальную большевистскую газету в России.

Это парадоксально, с точки зрения дальнейших событий, это кажется невероятным, но это факт. На политическом рынке, если можно так выразиться, замечалось тогда изобилие денег. Пробужденное от спячки, русское общество с азартом субсидировало политические начинания всех направлений. Нелегальные партии, вышедшие из подполья, перебросившие

свои штабы из Женевы в Россию (большевики, меньшевики, социалисты-революционеры), конституционно-демократическая партия, основное ядро которой сложилось также за границей около журнала «Освобождение» бывшего марксиста П. Б. Струве, образовавшиеся после октября правые буржуазные партии: октябристы, партия мирного обновления, партия демократических реформ — все быстро находили средства для организации своих сил, газет, пропаганды. И любопытнейшей чертой некоторых обладателей капитала была их поддержка именно *крайних* революционных течений, хотя цель и их тактика в конечном счете не могли принести ничего утешительного тем социальным группам, к которым принадлежали эти люди.

Сколь легко отыскивались и давались деньги, показывает субсидирование хотя бы меньшевистских изданий в Москве. Средства на вышедшую в 1905 году после октября «Московскую Газету»[29] меньшевиков дал сын одного камергера, пришедший потом в ужас оттого, что получилось совсем не то, что он предполагал: «Я курица, которая вывела диких и злых утят».

Другие предприятия меньшевиков — издательство «Новый Мир» появилось на свет, благодаря банковскому кредиту, выданному вне обычных банковских правил и при исключительно выгодных условиях. Еженедельник московских меньшевиков «Наше Дело», выходивший в сентябре и октябре 1906 года, а после его закрытия еженедельник «Дело Жизни» (январь 1907 года — не смешивать с другим, более поздним, меньшевистским журналом в Петербурге с тем же названием) — печатались на средства одного торговца бумагой.

В поисках средств меньшевики были все-таки вялыми, никогда не были особенно расторопными. В противоположность им большевики оказались великими мастерами извлекать, с помощью сочувствующих им литераторов, артистов, инженеров, адвокатов — деньги из *буржуазных карманов* во всех городах Российской империи. Большим ходоком по этой части был член большевистского Центрального Комитета инженер Л. Б. Красин, и еще более замечательным ловцом купеческих и банковских бабочек, летевших на большевистский огонь, был М. Горький, умевший вытягивать деньги и на «Новую Жизнь», и на вооружение, и на всякие другие предприятия. Если бы какой-нибудь историк, хотя теперь это вряд ли возможно (время стерло людей и следы), захотел бы заняться исследованием, сколько на святой Руси было купеческих и банковских «Маякиных» и «Гордеевых», внесших деньги в большевистские кассы, и какова в итоге общая сумма их субсидий, получился бы документ большого социального интереса. Он был бы особенно интересен

со стороны психологической и идейной: какого характера мотивы толкали на поддержку революции — в виде большевизма — этих будущих «смертников», дотла уничтоженных большевистской революцией? С психологией некоторых таких «смертников» мы познакомимся немного дальше.

Пожертвованиями не ограничиваются средства первой революции. У нее были, что отмечал и сборник «Вперед», доходы «от случайных предприятий». Среди них на первом месте стояли не концерты и тому подобные предприятия, а так называемые *«эксы»* (экспроприации), «партизанские выступления» с целью захвата денег налетом на казенные банки, учреждения почты, а иногда и на капитал частных лиц. В отличие от добровольных даров — то был насильственный способ увеличить ресурсы революционных партий. Первую грандиозную экспроприацию учинили максималисты, — левое крыло партии социалистов-революционеров (значительная часть их после 1917 года перешла к коммунистам), — захватившие в Москве 20 марта 1906 года в частном банке «Купеческого общества взаимного кредита» 875 000 рублей. Этим был как бы дан сигнал для больших и малых «эксов» по всей стране. Оба крыла социал-демократии осуждали «эксы» частного капитала, но меньшевики, допуская захват денег в казенных учреждениях[30], относились к ним все-таки с брезгливостью и в 1907 году на V съезде партии добились их полного запрещения. Ленин и его товарищи, наоборот, ничего предосудительного в том не видели. В октябрьском номере «Пролетария» за 1906 год Ленин, критикуя меньшевиков, писал, что называть «эксы», как некоторые меньшевики, «анархизмом, бланкизмом, терроризмом, грабежом, босячеством» значит уподобиться либералам, а, по мнению Ленина, это уже крайний позор. Главный недостаток «эксов» Ленин видел в их неорганизованности, беспорядочности, в частом отчуждении этих экспроприированных средств на содержание «экспроприаторов». При устранении этих недостатков и передаче захваченных денег в кассу партийных организаций, «эксы» почитались им законнейшим актом революции.

«Эксы» несомненно увеличивали денежные средства большевиков. Так, Высшая социал-демократическая школа в Болонье в Италии в конце 1910 года была организована отчасти и на деньги от уральцев, свершивших «экс» в Миассе. Мы не имеем данных, чтобы судить какую общую сумму принесли «эксы» большевикам. Упомянем лишь, что Л. Мартов в брошюре «Спасители или упразднители?» утверждал в 1911 году и не встретил возражений, что ко времени Лондонского съезда партии, то есть к маю 1907 года, собранные Большевистским Центром

громадные денежные средства были приобретены «частью путем экспроприаций».

Большевикам не всегда удавалось воспользоваться полностью экспроприированными деньгами. К числу неудачных предприятий принадлежит экспроприация 341 000 рублей, совершенная в казначействе в Тифлисе. «Деньги, — писала Крупская, — от тифлисской экспроприации были переданы большевикам на революционные цели. Но их нельзя было использовать. Они были в пятисотках, которые надо было разменять. В России этого нельзя было сделать, ибо в банках всегда были списки номеров взятых при экспроприации пятисоток… И вот группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов». В Париже при этой попытке попался Литвинов — будущий народный комиссар иностранных дел, а в Женеве подвергся аресту и имел неприятности Семашко — будущий народный комиссар народного здравоохранения. Впрочем, часть добычи удалось реализовать. Группа «Вперед», отколовшаяся от Ленина, издала за 1910–1913 годы семь сборников на средства, полученные от тифлисской экспроприации. Чтобы не было в Европе компрометирующих партию новых попыток размена экспроприированных пятисоток, в 1909 году, по настоянию меньшевиков, оставшиеся неразмененные билеты было решено сжечь.

Перечисляя средства, поступившие большевикам, не следует забывать довольно значительную сумму, собранную М. Горьким в 1906–1907 годах в Америке. Сбор шел от имени всей партии, но полученные средства поступили в Большевистский Центр и от общепартийного контроля, то есть с участием меньшевиков, бундовцев и т. д., ускользнули.

Общая сумма средств, которыми в первую революцию располагала центральная большевистская организация, была несомненно значительна. О ней можно догадываться по одной фразе ведавшего делами *вооружения* (будущего представителя Советов в Париже и Лондоне) Красина. Профессору М. М. Тихвинскому, скептически относившемуся к возможности собрать для этого достаточное количество денег, Красин ответил: «Да совсем не в деньгах дело! У нас их столько, что я мог бы на них купить не жалкие револьверы, а самые настоящие пушки. Но как их доставить, где спрятать? Вот в чем дело».

В какой мере это «изобилие» партийных средств коснулось Ленина, в какой мере оно изменило его жизнь?

В 1895 году, живя в Петербурге, Ленин обращал на себя внимание как человек, по выражению Л. Мартова, сделанный из материи, из которой выкраиваются «вожди». Но если тогда он и

был «вождем», то только для полутора десятков интеллигентов и двух десятков рабочих. В 1905–1907 годах он снова в Петербурге, и за спиной его и «Тулон», и «Аркольский мост». Теперь он уже вождь большевистской партии, насчитывавшей в октябре 1906 года — 33 тысячи членов. За ней идут массы. Среди большевиков не было в то время другой политической фигуры, более яркой, авторитетной, целеустремленной. Мысли его накладывают отпечаток на ход революции. Партия почтительно за ним ухаживает, оберегает. Он по словам Ногина *«партийное сокровище».* В кругах близких к партии почитается особой честью ему — нелегальному предоставить квартиру или явку, выполнить его поручение. Центральная и Петербургская организации, тем более, что недостатка в средствах нет, снабжают его из партийного фонда так щедро, таким количеством денег, какого *он никогда до сих пор в своем кармане не носил.* «Новая Жизнь» немедленно по его приезде ему вручает большой аванс. Его товарищи-считают, что «Ильичу» нужно всегда иметь с собой достаточно денег, быть прилично одетым, хорошо питаться, в случае опасности, не считаясь с затратами, быстро переменить одну квартиру на другую или перекинуться из Петербурга в Финляндию. Ленин писал в 1906–1907 годах много статей во все большевистские газеты, составил ряд брошюр вроде «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Социал-демократия и выборы в Думу», «Роспуск Думы и задачи пролетариата». Он не требовал за них гонорара… Зачем ему эта плата? Получаемых им из партийного фонда денег более чем достаточно, чтобы обеспечить себе и Крупской существование в новых условиях.

В декабре 1905 года и в марте 1906 года он ездил в Москву повидаться с матерью. Она, наверное, интересовалась, есть ли у него деньги, наверное, ему их предлагала. Можно быть уверенным, что он ничего не взял. Деньги у него есть, сверх того, что он считает своим жизненным уровнем, ему ничего не нужно. В 1905 и 1906 годах ряд появившихся новых издательств, зная, что публика падко бросается на то, что до сих пор являлось запрещенной, нелегальной литературой, усердно, с согласия и без согласия автора, перепечатывало почти все, что в течение многих лет издавалось в Женеве. Одесское издательство «Буревестник» в числе прочих женевских изданий перепечатало из журнала «Заря» статьи Ленина и выпустило их в виде брошюры под заглавием «Аграрный вопрос и «критики Маркса»». Ленин весьма настойчиво потребовал уплаты за нее высокого гонорара. Повышенного гонорара он добивался и за статьи об аграрном вопросе, помещенные в февральской книжке за 1906 год журнала «Образование», руководимого меньшевиком Н. И. Иорданским.

Последний был несколько удивлен настойчивостью в этом направлении Ленина, даже предположил, что Ленин нуждается в деньгах. Нет, в деньгах он совсем не нуждался, но Иорданский был в то время меньшевиком, и потому разговор с ним должен был быть иным, чем тот, который Ленин вел в большевистских изданиях.

Ленин в Петербурге имел вид несколько отличный от Ленина женевского. Он носил лучший, но не на много, костюм, лучшее, но тоже не на много, пальто. Его довольно часто можно было видеть в ресторане «Вена», где он встречался с жившей ради конспирации отдельно от него Крупской. Об этом она рассказывает в своих «Воспоминаниях»: «Так как там разговаривать на людях было не очень-то удобно, то мы, посидев там, или встретившись в условленном месте на улице, брали извозчика и ехали в гостиницу, что против Николаевского вокзала, брали там особый кабинет и заказывали ужин».

Подобных привычек у расчетливого «Ильича» *до сих пор не было*. Жизнь Ленина в 1906–1907 годах» некоторыми своими чертами была mutatis mutandis как бы своего рода предвосхищением будущей жизни в Кремле, в качестве правителя России. При освобождении от необходимости о том думать и заботиться, его материальные нужды, его жизненный уровень, были вполне обеспечены в 1906–1907 годах *партийным* фондом, а после 1917 года *общегосударственным*. Но следует это отметить, что и в том, и в другом случае, в отличие от всех появившихся после Ленина диктаторов, у него никогда не было жажды излишеств.

Ночевки у чужих людей, смена квартир из боязни быть выслеженным и арестованным, «холостая жизнь» так докучали, так мучили Ленина, что в феврале 1906 года он решил с этим покончить и переселиться в Финляндию, в Куоккала, 60 километров от Петербурга. Царское правительство было слишком занято революцией, чтобы соваться в это время в Финляндию, почти стряхнувшую с себя опеку Петербурга. Куоккала была уже как бы «за границей». Ленин и Крупская заняли весь низ большой дачи «Ваза», а наверху поселились другие партийцы и А. А. Богданов — в то время еще близкий товарищ Ленина. На дачу скоро приехала мать Крупской вести — такова была уже ее судьба — хозяйство. Потом приехала сестра Маняша, и Ленин, хотя и нельзя было избежать сутолоки, создаваемой приезжающими к нему партийцами, снова очутился в той семейной атмосфере, отход от которой для него был всегда мучителен. Глубочайше внедренную в него привычку быть chez soi не могли потрясти никакие громы революции. Крупская

каждый день уезжала в Петербург и возвращалась поздно вечером, нагруженная разными новостями, до которых Ленин был большой охотник.

Сам Ленин бывал в Петербурге редко. В мае 1906 года он сделал новую попытку поселиться на некоторое время в Петербурге (на Забалканском проспекте) и снова, боясь слежки, сбежал в Финляндию. Куоккала, где Ленин прожил почти год, стала центром, откуда Ленин руководил большевистской партией. Туда приезжали за его директивами и лозунгами. «Дверь дачи, — по свидетельству Крупской, — никогда не запиралась, в столовой на ночь ставились кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель, на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром часто в столовой мы заставали приехавших ночью товарищей».

Из Куоккала Ленин в начале мая 1907 года поехал на партийный съезд в Лондон, где на этот раз большинство оказалось в руках большевиков. С этого съезда Ленин возвратился в Финляндию в таком виде, что его трудно было узнать: сбритая борода, коротко подстриженные усы, огромная соломенная шляпа. Его трудно было узнать и по другой причине. Полтора года волнений, неистового, лихорадочного ража, с которым в речах, газетных статьях, в брошюрах он грыз и позорил конституционно-демократическую партию, отстаивал идею бойкота Государственной Думы и вооруженное восстание — выжали из него силы. Борьба с меньшевиками на Лондонском съезде его окончательно подкосила. Он еле держался на ногах, почти ничего не ел. Полоса крайней болезненной атонии, сменяющая у Ленина полосу бурного, ожесточенного напора, прилива энергии — есть нечто для него характерное. После приезда Ленина из Лондона его пришлось отправить в глубь Финляндии в тишайшее и безлюдное место в Стирсудден, где, уйдя от всякой политики, он мог в течение июня и июля прийти в нормальное состояние.

За два года революции Ленину пришлось множество раз выступать с речами на закрытых съездах, конференциях, собраниях рабочих и интеллигентов, никогда не бывших особенно многочисленными. Только один раз, 22 мая 1906 года, Ленин, под фамилией Карпов, произнес речь на громадном митинге в Народном доме Петербурга. Первый раз в своей жизни перед ним была аудитория в две с лишком тысячи человек. И самоуверенный вождь, трибун-агитатор, привыкший с апломбом выступать на эмигрантских собраниях в Женеве, совершенно *растерялся* перед тысячами устремленных на него глаз. Он волновался до такой

степени, что некоторое время не мог промолвить ни слова. «Ильич ужасно волновался, — признала и Крупская. — С минуту стоял молча, страшно бледный. Вся кровь прилила у него к сердцу». Крупская утешалась тем, что партийцы, узнав Ильича, огласили зал громкими рукоплесканиями, а после его речи «необыкновенно подъемное настроение» будто бы охватило всех присутствующих и «в эту минуту все думали о предстоящей борьбе до конца».

Призывая к новому восстанию, Ленин глубочайше ошибался, что революция шла по восходящей линии. В действительности она потухала. Правительство, сохранив полицейский и военный аппарат, было достаточно сильным, чтобы справиться с уже обессиленной революционными конвульсиями страной. 16 июня 1907 года изменен избирательный закон и, вместо прежней революционной Думы, 14 ноября, при молчании страны, охваченной исключительными законами, появилась III Государственная Дума, где огромное большинство принадлежало правым группировкам. Революция умерла, чтобы возродиться только через десять лет и снова в обстановке, созданной войной. Ленин, долгое время веривший, что «самодержавие выпустило свои последние выстрелы, израсходовало свои последние резервы»[31], теперь видел свою ошибку. В изменившейся политической обстановке, Куоккала перестала быть в его глазах безопасным приютом, и в конце ноября он перебирается в глубь Финляндии, в Огльбю, местечко около Гельсингфорса.

Через три недели, чувствуя себя и здесь в опасности, Ленин, списавшийся с Крупской, решает уехать хорошо ему известным путем через Або в Швецию и там дожидаться приезда жены. Из Або в Стокгольм пароходы, снабженные ледорезами, ходили и зимой, однако, приехав в Або, Ленин, до крайности осторожный, побоялся сесть на пристани на пароход. Ему сказали, что агенты охранки следят за приезжающими и якобы были случаи ареста при посадке на пароход. Бухта Або окружена многочисленными островами, около одного из них пароход всегда останавливается, и кто-то из финских социал-демократов указал Ленину, что ему лучше всего добраться до этого острова, а там уже в полной безопасности он сможет сесть на пароход. Идти к этому острову несколько километров нужно было только ночью. Лед, несмотря на декабрь, не считался надежным: «не было охотников рисковать жизнью, не было проводников». В конце концов Ленин нашел двух финнов, храбро решивших быть его проводниками, вероятно, потому, что он соблазнил их высокой оплатой, кроме того, они были так пьяны, что им по пословице и «море было по колено». Путешествие едва не окончилось катастрофой. В одном месте

широкий пласт льда стал уходить из-под ног Ленина и его проводников. Убегая с этого пласта, они попали на другой, сломавшийся под их тяжестью. Только чудо спасло их. Ленин потом рассказывал, что, теряя надежду на спасение, он думал: «Эх, как глупо приходится погибать».

Что было бы, если бы 15 декабря 1907 года Ленин утонул в Ботническом заливе? Произошла бы Октябрьская революция 1917 года? А если бы произошла, — приняла ли бы она, без Ленина, тот особый социально-политический характер, который он своими декретами ей «насильственно навязал», вопреки марксизму Плеханова, доказывавшего, что «никакой великий человек не может *навязать* обществу такие отношения, которые уже не соответствуют состоянию производительных сил или еще не соответствуют ему». В ходе великих исторических событий, определенных Октябрьской революцией, не сыграл ли роль такой пустяк, как пласт более крепкого льда, на который, ища спасения, вскочил тонувший Ленин? Мелкая случайность в крупнейших событиях истории играет роль более важную, чем это принято думать.

Наследство Н. П. Шмита

В январе 1908 года Ленин снова в той же Женеве, откуда в ноябре 1905 года он спешил в Петербург, веруя увидеть победоносную революцию под флагом диктатуры пролетариата и крестьянства. Он у разбитого корыта. «Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву. У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал».

Начался долгий период его второй эмиграции. В декабре 1908 года он переедет в Париж, через четыре года осенью 1912 года переберется в Краков, откуда с началом войны 1914 года уедет снова в Швейцарию, уже не в «проклятую» Женеву, а в Берн, а потом в Цюрих. Только в Кракове он снова войдет в контакт с начинающими оживать после разгрома революционными элементами рабочего класса, будет руководить снова появившимися большевистскими журналами и газетами, будет наставлять, дрессировать, вызывать к себе в Краков депутатов из большевистской фракции IV Государственной Думы.

Несмотря на присущий ему революционный хилиазм и оптимизм, у Ленина в Париже бывали моменты такой крайней депрессии, что осенью 1911 года в разговоре с приехавшей в Париж сестрой Анной он ставил необычайный для него вопрос: *«Удастся ли еще дожить до следующей революции?».* «Я запомнила при этом, — писала Анна Ильинична, — грустное выражение его лица, похожее на ту фотографию, которая была снята с него в 1895 г. в охранке».

За исключением первой половины 1908 года, когда Ленин в рекордное по скорости время сфабриковал философскую книгу, в течение последующих семи лет он не написал ни одного большого (хотя бы по объему) произведения. Его энергия целиком уходит на склоку, на распрю со сбежавшими за границу другими руководителями разбитой революции. Во множестве мелких статей он будет поносить меньшевиков за все их грехи, в том числе за такой важный, как «отрицание *гегемонии пролетариата* в нашей буржуазной демократической революции» («Пролетарий», 6 августа 1909 года). Ко всем обычным обвинениям у Ленина появятся новые: меньшевики борются против *подпольного,* заговорщицкого, дорогого Ленину, характера партии. Они хотят уйти из подполья, используя для этого, как бы они ни были малы, легальные возможности, появившиеся в России после 1905 года.

Критика меньшевиками подполья приводит Ленина в ярость. Он убежден, что только на сем камне он может воздвигнуть церковь свою. «Только подполье ставит и решает вопросы

нарастающей революции», только оно «направляет революционную социал-демократическую работу, привлекает рабочие массы именно этой работой»[32]. Ленин называет меньшевиков преступными «ликвидаторами» партии. В письме к Гюисмансу, секретарю Международного Социалистического Бюро, он заявлял, что меньшевики уничтожают существующую партийную организацию, пытаясь «заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы тактики и традиции партии»[33].

Борьба между большевиками и меньшевиками (имеем в виду последовательный меньшевизм), будучи еще очень далекой от ее конечного современного выражения — противоположности между коммунизмом и демократическим социализмом, — коренилась в самой натуре этих социальных течений, и было бы неестественно, если бы ее не было. Наоборот, с первого взгляда непонятный характер носит борьба Ленина с частью большевиков, названных им «отзовистами». Спор с ними возник в связи с вопросом, как относиться к III Государственной Думе, явившейся в результате изменения избирательного закона и разгрома революции. В двух первых революционных Думах Ленин видел вредных сеятелей «конституционных иллюзий», отвлекающих массы от «вооруженного восстания», основной, по его мнению, задачи революции. Во время I Думы он писал прокламации: «Долой Думу, полицейское измышление». А когда пришла полная правыми и реакционными группами III Государственная Дума, Ленин, круто изменив свою политику и заимствуя многие аргументы у ненавистных ему меньшевиков, стал доказывать, что социал-демократии следует использовать Государственную Думу в интересах революции и принять активное участие в ее работах. Не соглашаясь с Лениным, значительная часть партии, во главе с Богдановым, стояла на старой точке зрения: III Государственная Дума не есть орган, в котором и около которого есть возможность развернуть революционную деятельность; в Государственной Думе социал-демократам нужно ставить ультимативные крайние требования и в подходящий момент просто «отозвать» (отсюда новое варварское слово: «отзовисты») своих депутатов из Государственной Думы. Летом 1907 года большинство большевиков, по словам самого Ленина, стояло за бойкот III Думы, следовательно, «отзовизм» нужно было признать лишь оттенком, вполне законным, в общих рамках большевистского мировоззрения. Между тем, Ленин объявил взгляды близких ему по духу большевиков-«отзовистов» недопустимой ересью. Насколько было велико его желание разбить, покорить, задавить

«отзовистов» видно из письма к Воровскому: если «отзовисты» получат большинство в большевистской фракции — «я выйду из фракции».

Что может быть большей угрозой и в то же время свидетельством, сколь мало считался Ленин с признанием воли большинства в партийной организации? Непримиримое отношение Ленина к «отзовистам» можно пытаться объяснить тем, что в их рядах были «махисты», люди, в той или иной мере принимавшие философию венского ученого Э. Маха, не разделявшие философского материализма, защищавшегося Лениным в качестве неотъемлемого фундамента марксистского здания. Но если среди «отзовистов» были Богданов и Луначарский, действительно критиковавшие философский материализм, то такого рода «преступления» никак нельзя приписать всем «отзовистам», в подавляющем своем большинстве к философии и к махизму никакого отношения не имевшим.

Основную причину ленинской борьбы с «отзовистами» нужно искать в другом плане. Большевизм себя обнаружил, сложился и рос как течение психологически расположенное *к авторитарной* форме партийной организации. Те, кто вступили в большевистскую партию, с самого начала подсознательно испытывали склонность быть «ведомыми, повиноваться крепкому руководству», меньше рассуждать, а больше действовать по указанию властного центра, вождя, почерпывающего директивы из «цельного» и признаваемого абсолютной истиной мировоззрения. Для них таким бесспорным вождем и идейным законодателем с 1903 года (может быть, даже с 1902 года — времени появления его «Что делать?») был Ленин. Большевистская партия жила только его идеями. Все, что до 1900 года для нее было характерно в области политической, тактической, организационной, было дано Лениным. Он почитался непогрешимым папой партии. Но в конце 1907 и 1908 годов он оказался в роли вождя разбитой революции, в которой наиболее пострадавшими были именно идеи и пути, провозглашенные Лениным. Вера в его руководство, его непогрешимость, несколько пошатнулась. Вместе с этим в авторитарную по духу партию ворвался совершенно ей чуждый, несвойственный дух критики вождя, разбор его ошибок. В части партии произошел в своем роде бунт, сначала на коленях, а потом и в более смелой форме, чему способствовала психология злого уныния и безнадежности, с которой часть эмигрантов прибежала из России. Некоторые из большевиков оказались чувствительными к указаниям меньшевиков, критиковавших ошибки Ленина, и на этой почве среди них создалось

«примиренческое» отношение (термин, пущенный Лениным) к меньшевикам, их взглядам, и, следовательно, признание возможности вместе с ними работать. У Ленина разбитая революция не поколебала веры в свою непогрешимость. Он был слишком умен, чтобы не видеть, каким опасным прецедентом для единства авторитарного типа большевистской партии является образование в ней «фракций» с «отзовизмом», «махизмом», «эмпириомонизмом», «примиренчеством», отклоняющихся от его линии. Отсюда стрельба по, «отзовистам» — и не из пистолета, а из пушки самого большого калибра.

Психологию большевистской публики Ленин превосходно знал, он обладал для этого особым чутьем. Он считал, что беспощадными, с ссылкой на Маркса, ударами по черепу можно у настоящего большевика — изгнать всякие ереси и уклоны и тем восстановить идейное единство его партии. Как нужно действовать по отношению к партийцам, делающим попытки не следовать за его идейными директивами, он поведал однажды Инессе Арманд, с которой был наиболее откровенен. Говоря о полемике с Ю. Пятаковым и Е. Бош, он писал к Арманд: «Тут дать «равенство» поросятам и глупцам — никогда! Не хотели учиться мирно и товарищески, так пеняйте на себя. (Я к ним *приставал*, вызывая беседы об этом в Берне: воротили нос прочь! Я писал им письма в десятки страниц в Стокгольм — воротили нос прочь! Ну, если так, проваливайте к дьяволу. Я сделал все возможное для *мирного* исхода. Не хотите — так я вам набью морду и ошельмую вас, как дурачков, перед всем светом. Так и только так надо действовать.)»[34]

Опыты 1908–1914 годов, да и позднейшие, вполне подтвердили его убеждение. Метод «мордобития» и «шельмования» он применил ко всем против него бунтующим: к группе на Капри, у М. Горького, к группе школы в Болонье, к группе «Вперед» в Париже и т. д., и все эти большевистские группы с «уклонами» под его ударами в конце концов разваливались, и их участники, за исключением очень немногих (непокоренным из видных большевиков оказался лишь Богданов) возвращались в «отчий дом», где Ленин радушно принимал покаявшихся, предавая полному забвению их бунт и, точно ничего не произошло, восстанавливал с ними нормальные личные отношения[35].

Иное отношение было у Ленина к меньшевикам. Психологическую материю меньшевизма он считал неисправимой, органически порочной, чуждым ему миром. Он ни в какое прочное объединение с меньшевиками не верил. «Невозможно, — писал он в 1912 году, — единство с

меньшевиками и вполне возможно и настоятельно *необходимо единство против меньшевиков».* Поэтому борьба Ленина с меньшевизмом в 1908–1914 годах идет нарастающим темпом, принимает ожесточенный характер, осложняющийся тем, что в распрю привносится огромной важности и для Ленина и для всей партии *денежный вопрос.*

«В это время, — писала в своих «Воспоминаниях» Крупская, — большевики получили прочную материальную базу». Слово «прочную» нужно сугубо подчеркнуть, речь идет о действительно солиднейшей сумме денег, часть которой в конце 1908 года появляется на текущем счете Ленина в отделении Credit Lyonnais, на Avenue d'Orleans № 19 в Париже.

В истории появления этой «прочной базы» многое кажется фантастическим, чем-то выдуманным, каким-то детективным романом. Не кажется ли прежде всего выдумкой, что партия Ленина, через десять лет уничтожившая всех крупных собственников, фабрикантов, купцов, домовладельцев, получила от члена богатейшей купеческой династии Москвы огромный капитал, позволявший Ленину организовывать большевистские силы и готовиться к будущим подвигам. Туманный намек о появлении у большевиков денег, путанный и с ошибочными указаниями, впервые появился в печати в 1911 году в изданной в Париже брошюре Мартова «Спасители или упразднители?». Она немедленно вызвала негодующий ответ Каменева, главного помощника Ленина. В книжке «Две партии», изданной тоже в Париже, он писал: «В главе об «экспроприации партийных денег большевистским центром» г. Мартов первый в рядах партии позволяет себе вынести в печать дело настолько *конспиративное,* что до сих пор, в самой ожесточенной борьбе, все, знавшие это дело, считали своим долгом всячески охранять его».

Покрывало над «делом» держали, действительно, крепко. В тайну полученных денег были посвящены очень немногие. Сначала о них знала лишь верхушка партии — Ленин и Богданов, тогда еще не бывшие врагами. В партийных документах того времени, например, в резолюции Пленума Центрального Комитета в январе 1910 года пункты, относящиеся к этому делу, не были опубликованы, вместо них стоят точки. После Октябрьской революции кое-кто, например Крупская, Ярославский касались появления у большевиков этого капитала, но это было сказано мимоходом, с явным намерением не вдаваться в детали и, конечно, ни слова не говорить о том, что появление «прочной материальной базы» имело значение не только для партии, но и для личного бытия Ленина. Излагая то, что удалось собрать об этой экстраординарной истории, *заранее*

оговариваюсь, что для меня остаются темными и неизвестными некоторые стороны этого дела. Вряд ли мы когда-либо узнаем о них: кажется, никого из главных участников, свидетелей этого кусочка истории, уже нет в живых.

Послушаем прежде всего Крупскую: «Двадцатитрехлетний Николай Павлович Шмит, племянник Морозова, владелец мебельной фабрики в Москве на Пресне, в 1905 г. целиком перешел на сторону рабочих и стал большевиком. Он давал деньги на «Новую Жизнь», на вооружение, сблизился с рабочими, стал их близким другом. Полиция называла фабрику Шмита «чертовым гнездом». Во время московского восстания эта фабрика сыграла крупную роль. Николай Павлович был арестован, его всячески мучили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом *зарезали* его в тюрьме. Перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам.

Младшая сестра Николая Павловича — Елизавета Павловна Шмит — доставшуюся ей после брата долю наследства решила передать большевикам. Она, однако, не достигла еще совершеннолетия, и нужно было устроить ей фиктивный брак, чтобы она могла располагать деньгами по своему благоусмотрению. Елизавета Павловна вышла замуж за т. Игнатьева, работавшего в боевой организации, но сохранившего легальность, числилась его женой — могла теперь с разрешения мужа распоряжаться наследством, но брак был фиктивным. Елизавета Павловна была женой другого большевика, Виктора Таратуты. Фиктивный брак дал возможность сразу же получить наследство, деньги переданы были большевикам… Виктор Таратута летом (1908 г.) приехал в Женеву, стал помогать в хозяйственных делах и вел переписку с другими заграничными центрами в качестве секретаря Заграничного бюро Центрального Комитета».

Дополним рассказ Крупской выпиской из «Большой Советской Энциклопедии» (изд. 1-е, т. 62, ст. 556):

«Шмит, Николай Павлович (1883–1907) — видный участник революции 1905, примыкал к партии большевиков, студент Московского университета. Унаследовав мебельную фабрику на Пресне, Шмит провел на ней ряд мероприятий для улучшения положения рабочих. Активно участвовал в подготовке декабрьского вооруженного восстания 1905; купил большое количество оружия, которым были вооружены шмитовская и некоторые другие боевые дружины. Дал московской большевистской организации (через М. Горького) крупные денежные средства на вооружение рабочих. В разгар декабрьского

восстания Шмит был арестован и подвергнут пыткам. Фабрику сожгли правительственные войска по приказу генерала Мина. 13/26/II 1907 (после года с лишним одиночного заключения) Шмит был найден мертвым в камере тюремной больницы (по одной версии, он был зарезан тюремной администрацией, по другой — покончил самоубийством). Его похороны превратились в большую политическую демонстрацию. Свое состояние еще в 1905 завещал большевикам».

Что здесь верно, что ложно? Есть несомненно разноречие между Крупской и Советской Энциклопедией. По словам первой — Шмит «стал большевиком», по словам Энциклопедии — он только «примыкал» к большевикам, то есть им в чем-то сочувствовал, им чем-то помогал. На большевистском языке это очень важное отличие, а не простой нюанс. Ярославский называет Шмита просто «сочувствующим большевизму». Крупская категорически заявляет: «Шмита зарезали». Энциклопедия допускает, что он «покончил самоубийством». Энциклопедия утверждает, что Шмит завещал свое имущество большевикам еще в 1905 году, то есть, можно предположить, составил тогда на этот счет какой-то акт. По словам же Крупской и Ярославского, он только перед смертью, следовательно, *незадолго до февраля 1907 года* «сумел передать на волю», что завещает свое имущество большевикам.

Оба цитированные документа дают огрубленное и упрощенное, лишенное всякой психологии, описание обстановки, в которой произошло интересующее нас событие. В действительности она много сложнее. Николай Шмит не был только владельцем лучшей в России мебельной фабрики на Нижней Прудовой улице в Москве в квартале Пресни. Он был сыном дочери Викулы Елисеевича Морозова, членом знаменитой купеческой династии Морозовых, королей русских текстильной индустрии, владевших огромной фабрикой (15 тысяч рабочих) в Твери, еще большей фабрикой «Никольской мануфактурой» (18 тысяч рабочих) в Орехово-Зуеве и двумя меньшими фабриками в окрестностях того же города.

Эта династия в своем большинстве уже не состояла из представителей «темного царства», каким в свое время изображал Островский русское купечество. Морозовы не ограничивались постройкой для себя дворцов в мавританском стиле на Воздвиженке в Москве или на Спиридоновской улице — особняк Саввы Морозова. В фамилии Морозовых, а иные из них оставались верующими старообрядцами, существовало навеянное религией убеждение: «Господь мне дал богатство, я должен помнить, что придется пред Богом дать ответ, как я с ним

поступил». Капиталу своему многие Морозовы хотели по возможности дать «богоугодное» употребление и не столько в виде даров церквам или монастырям, сколько в виде поддержки общей культуры, искусства и просвещения. Один из Морозовых — брат матери Николая Шмита, собирал и собрал драгоценную коллекцию русского фарфора, составляющую ныне важнейшую часть советского Государственного музея фарфора. Иван Абрамович Морозов собирал картины французских художников Моне, Сислея, Писсарро, Ренуара, Дега, Сезанна, Гогена, Ван-Гога и других. Его собрание, соединенное при советской власти с замечательным собранием картин купца Щукина, по общему признанию, и в том числе самих французов, представляет по богатству и ценности единственную во всем мире коллекцию. Другие Морозовы давали огромные деньги на клиники и больницы Москвы. На их деньги были основаны известные Пречистенские рабочие курсы, сыгравшие большую роль в просвещении (и революционизировании) московских рабочих. С денежной поддержкой Морозовых существовала пользовавшаяся всеобщим уважением лучшая в России либеральная газета «Русские Ведомости», на чтении которой в течение десятков лет воспитывалась русская интеллигенция. С денежной поддержкой Саввы Морозова зародился Московский Художественный Театр Станиславского и Немировича-Данченко.

Но в лице Саввы Морозова, миллионера, не считающего мезальянсом жениться на простой работнице его фабрики[36], Морозовы выходят из области поддержки только искусства, культуры, просвещения, народного здравия. Савва Морозов идет уже дальше: нужно освободить народ от гнета, создать для него лучшую жизнь. И приходит к мысли о необходимости и нравственном долге поддерживать революцию. В 1901–1903 годах он дает каждый месяц по две тысячи рублей на содержание «Искры». Через М. Горького он связывается с большевиками, дает на устройство побегов из ссылки, на постановку нелегальных типографий. Он прячет у себя на квартире революционеров — в частности Н. Баумана. Он вносит залог для освобождения в 1905 году из тюрьмы Горького. В мае 1905 года вдруг уезжает за границу и в Каннах, 26 мая вечером, в номере гостиницы Royal-Hotel кончает с собой выстрелом в сердце. Застраховав свою жизнь в 100 тысяч рублей, завещает свой страховой полис М. Ф. Андреевой, жене в то время М. Горького, которая передает этот полис в руки Красина, Ленина, Богданова. О деньгах, таким образом полученных большевиками, много говорилось на V Лондонском съезде в 1907 году.

Горький, превосходно знавший Савву Морозова и даже

бывший с ним на ты, — писал о нем: «Смерть Саввы тяжело ударила меня. Жалко этого человека славный он был и умник большой и — вообще — ценный человек. В этой смерти — есть нечто таинственное. Савва Морозов жаловался на свою жизнь. «Одинок я очень, нет у меня никого! И есть еще одно, что меня смущает: боюсь сойти с ума. Это — знают, и этим тоже пытаются застращать меня. Семья у нас — не очень нормальна. Сумасшествия я действительно боюсь. Это — «хуже смерти…»».

Смерть Саввы Морозова действительно окружена тайной. Незадолго до смерти, объясняют одни, он был в крайне подавленном настроении, говорил о надвигающихся на него больших неприятностях, намекал, что предан каким-то близким существом. Причина самоубийства, утверждают другие — несчастная любовь к Андреевой, которая, бросив мужа, в это время стала женой М. Горького. Ни то и ни другое — замечают третьи: он ушел из жизни потому, что душа этого кающегося миллионера, глубоко заболевшая вопросом «как жить», не нашла на него ответа. Какое из объяснений ближе к истине — не знаем.

Это маленькое предисловие нам кажется необходимым, чтобы правильно подойти к «делу Шмита». Крупская говорит: «он был племянником Морозова», и не отдает себе отчета, что такое указание имеет гораздо больше значения, чем она думает. Шмит, вероятно, ознакомился с изрядным количеством революционных брошюр (в университете все-таки его интересовало естествознание, а не политика), но не они склонили его к революции. Влияние на него Саввы Морозова психологически было во сто крат *больше,* чем влияние всех большевистских прокламаций и произведений Ленина. Николай Шмит — продолжатель покаянной струи, появившейся в богатой московской купеческой среде, и если он буквально не повторял, что нужно дать отчет пред Богом за употребление имеющегося у него богатства, по сути дела нечто подобное, в виде мысли об «уплате долга народу», у него в голове несомненно сидело. Уплату долга он начал с того, что настоял на проведении ряда мер, улучшающих положение рабочих на его мебельной фабрике. Твердых и определенных политических и социальных убеждений у этого свободолюбца не было. Двери его дома были открыты лицам всех революционных течений: у него бывали социалисты-революционеры, меньшевики (например Я. В. Сорнев) и большевики, среди которых наиболее частым посетителем был сначала Андриканис и позднее, в 1906 году, *Тарапута.*

Это Савва Морозов представил Шмита М. Горькому, и юный студент был польщен неожиданным вниманием, оказанным ему знаменитым писателем, слава которого в то время была в зените.

А так как Горький, что хорошо известно всем его знавшим, производил впечатление не только пролитием в подходящую минуту слезы, но, когда хотел, и находил это нужным, умел очаровывать людей, быть большим charmeur'ом, — Шмит ни в чем отказать ему не мог и откликался на все намеки помочь освободительной борьбе. В итоге Шмит передал Горькому изрядную сумму денег на разные революционные цели, на вооружение, на поддержку «Новой Жизни», хотя приходилось слышать, что последняя получила субсидию не из рук Шмита, а от Саввы Морозова. Почти одновременно с вручением денег Горькому, тот же Шмит передал обратившемуся к нему князю Д. Шаховскому какую-то сумму на нужды организующейся конституционно-демократической (буржуазной) партии.

Этот факт показывает, что Шмит хотел помогать не *одной* партии, а *всем* участникам освободительной борьбы, говорит — сколь ошибочно его зачислять в число «правоверных большевиков» и с какой осторожностью нужно употреблять даже более эластичную формулу о его «примыкании к большевизму».

Во время подавления декабрьского восстания в 1905 году фабрика Шмита была дотла разрушена пушками правительственных войск. В этом акте появилось нечто большее, чем желание подавить один из главных революционных бастионов, — это была месть. Бомбардировка шла и после того как стало ясным, что никакого сопротивления никто из фабрики не оказывает. Некоторые рабочие были расстреляны, многие арестованы, был арестован и Шмит.

Вопреки тому, что рассказывает Крупская и Энциклопедия, Шмит *никаким физическим пыткам не подвергся.* Охранка никогда бы не посмела применить к нему, члену фамилии Морозовых, приемов, ставших вещью нормальной и обычной в практике ГПУ и НКВД. Жандармский офицер из московского охранного отделения, ведавший делом Шмита, «обработал» его другим способом. Играя роль доброжелателя, имеющего миссию спасти члена именитого московского купечества, он вел с ним «сердечные» разговоры, как бы тайком, без всякой протокольной записи. Есть указание, что обстановка, в которой происходили «сердечные» беседы, походила более на отдельный кабинет ресторана (стол с разными яствами и напитками), чем на камеру допроса. Наивный, не умеющий лгать Шмит, ловко обрабатываемый следователем (предполагают и под действием выпитого вина), однажды назвал фамилии рабочих, получивших через него оружие, назвал и других лиц, говорил о Савве Морозове и его субсидиях революции. Тогда жандармерия перестала вести игру, открыла свои карты и показала Шмиту

полную запись того, что он говорил: за стеною «кабинета» сидели стенографы. По словам людей, интересовавшихся этой драмой, с этого момента Шмит и подвергся пытке. Но то была моральная пытка, *самопытка.* Его ужаснуло, что сделал он нечто навеки непоправимое: предал!

Шмит от природы не был крепким человеком, и наследственность его была тяжкая. Моральный удар согнул его слабый организм. Разлагаемый мрачными угрызениями совести, Шмит превратился в комок нервов. Он перестал есть, спать. День и ночь мучаясь, он пришел к выводу, что загладить, хотя бы отчасти, свое преступление, свою вину, он может тем, что откажется от всего своего богатства и для блага народа передаст его революции. Об этом решении категорического характера он говорил своим сестрам, имевшим с ним свидание в тюрьме. Было ли им сделано прямое указание, что его имущество должно быть передано именно партии большевиков и только ей одной? Этого утверждать нельзя, но такое толкование было дано — заинтересованными в том людьми, интимно сблизившимися с сестрами Шмита. В конце 1906 года признаки психического расстройства у Шмита стали столь явны, что он был переведен в тюремную больницу. Его родственники, имея протекцию в влиятельных сферах, получили обещание, что Шмит будет освобожден на поруки семьи. Он знал об этом, но дождаться освобождения не пожелал. В феврале 1907 года в камере тюремной больницы, разбив окно, он крупным стекольным осколком перерезал себе горло.

Это выдумка, что при его похоронах будто произошла «большая политическая демонстрация», о которой говорит «Большая Советская Энциклопедия». Ничего подобного не было, но в печати смерть Шмита была отмечена. Это сделал в частности пишущий эти строки в еженедельнике «Дело Жизни» (1907, № 5): «На рассвете 26 февраля, — гласит сделанная мною заметка, — в каземате московских «бутырок» с перерезанной сонной артерией «нашли» труп товарища Николая Павловича Шмита. Арестованный в декабрьские дни в связи с вооруженным восстанием, Шмит в продолжение 14 месяцев находился в одиночном заключении, претерпевая все муки тюремного режима. Он умер, замученный жестокими преследованиями своих палачей, и на кладбище жертв российской революции выросла лишняя могила. В годовщину праздника освобождения пролетариат не забудет своих товарищей, павших в борьбе, и в их числе Николая Павловича Шмита».

Моя заметка составлена в стиле и духе того времени. Что произошло в тюрьме со Шмитом, *я никакого понятия тогда* не

имел, помню только, что, когда моя заметка появилась, Сорин и другой меньшевик, только что вышедший из Бутырской тюрьмы (фамилию его я забыл), мне сообщили, что никаких «физических мук» тюремного режима Шмит не испытывал, «материально», например относительно всякой еды, находился в исключительно благоприятных условиях, имел в тюремной больнице комнату даже с комфортом, но уже с половины 1906 года был явно ненормальным. Тюремные сторожа, получавшие от родственников Шмита весьма изрядную мзду, выполняли потихоньку по его поручению все сношения Шмита с внешним миром, но говорили, что речи, которые им держит Шмит, часто таковы, что ничего в них разобрать нельзя. Странным им казалось и его отношение к приходящим к нему на свидание сестрам. То он плакал, что их около него нет, то говорил сторожам: «Гоните их в шею, не допускайте ко мне». «Делом Шмита» интересовался позднее Дорошевич — фельетонист «Русского Слова» и Боборыкин — бытописатель купеческой среды Москвы. Кроме них с делом Шмита меня знакомили Сорнев, Бурышкин и Крицкий.

Имущество Шмита в долях, соответствующих закону, должны были наследовать — совершеннолетняя сестра Екатерина, несовершеннолетняя (18 лет) Елизавета и 15-летний брат. Для перехода наследуемого ими имущества в руки большевиков нужно было, чтобы все эти три лица (уже обеспеченные наследством от их отца) этого хотели, и этому способствовали. Брат Шмита, даже при желании исполнить волю покойного, мог это сделать лишь с согласия опекуна. Последний в эту историю не был затянут. Все говорит за то, что она шла мимо него. Главными передатчиками капиталов Шмита партии Ленина должны и могли быть только сестры покойного.

Говоря о сестрах, нужно немедленно перейти к фигурам, стоящим за их спиной в этом деле.

Первая фигура — Таратута, лицо, в советское время управлявшее различными банковскими учреждениями. В 1906 году некоторыми большевиками, в том числе известной своей ехидностью особой, носившей кличку «Землячка», по адресу Таратуты было брошено обвинение в доносительстве и провокации. Обвинение, тщательно и дважды рассматривавшееся, оказалось вздорным. Но во время распри между большевиками в 1909–1911 годах Богданов, ставший врагом Ленина, снова поднял вопрос о провокаторе Таратуте, с целью указать, из каких грязных, аморальных субъектов состоит окружение Ленина. На это обвинение Таратута ответил большим письмом, интересным для нас в том отношении, что в нем упоминаются факты, которые, дополняясь другими нам известными, позволяют

очертить его роль в истории с наследством Шмита. Бежав из ссылки и побывав на Кавказе, Таратута приехал в Москву в ноябре 1905 года и, следовательно, имел возможность познакомиться с Николаем Шмитом, арестованным лишь во второй половине декабря. Таратута сделался секретарем Московского Комитета большевиков, «ведал его кассой и издательством», а так как для сего нужны были деньги, Таратута, узнав, что доступ к кошельку Николая Шмита очень легок, стал посещать дом богатого студента и с большим рвением ухаживать за Елизаветой Шмит. Весной 1906 года Таратута уехал на партийный съезд в Стокгольм, а позднее, осенью того же года, «по личным делам жил (вместе с Елизаветой Шмит?) в Финляндии». Весной 1907 года он уехал на партийный съезд в Лондон, где по распоряжению Ленина был избран кандидатом в члены Центрального Комитета. Возвратясь со съезда, Таратута, заметив, что за ним весьма следит полиция, покинул Москву. В августе мы находим его среди тех, кто посещает дачу «Ваза» в Куоккала, где живут Ленин и Богданов. Исключая время, проведенное в Стокгольме, Лондоне, Финляндии и Ярославле (откуда он получил делегатский мандат на Лондонский съезд), — в Москве он пробыл немного более кода, но и такого короткого времени для сего ловкого человека было достаточно, чтобы наладить поток денег в большевистскую кассу. Елизавета Шмит стала его женой, принося ему и сердце, и деньги. Деньги большие, как можно судить по его письму — ответу Максимову, он же Богданов. Считая, что провокаторство связано всегда с корыстными целями, — Таратута бросил следующую фразу: «… Максимов знал другой факт не менее показательный, но известный лишь тесному кружку. Он знал, что я передал в партийную кассу сумму денег, превышающую во много раз плату самых крупных провокаторов. Я не могу здесь называть цифры, но Максимов знал, что тут были единовременные передачи в сотни тысяч, что эти суммы приходилось лично мне выручать от всяческого полицейского риска. И все эти суммы (во много раз превышающие личное благосостояние не только мое, но и всех моих близких) хранились и передавались мной под контролем и под отчет всей коллегии и самого Максимова, подпись которого имеется под большинством документов, относящихся к этим пожертвованиям. Максимов знал, что достаточно было мне упустить хотя бы одну предосторожность из тех, которые мы вместе с ним намечали, чтобы партия лишилась этих пожертвований».

В этом заявлении многое для нас туманно, а оно большой важности. Таратута указывает, что передавал в партийную кассу

«сотни тысяч». Так как он делал свое заявление в Париже, то, говоря о «сотнях тысяч», он очевидно имел в виду не рубли, а франки. И в этом случае обнаруживается огромность суммы, попавшей в руки большевиков, — она будет уточнена в дальнейшем. Из письма Таратуты выясняется, что в перекачивании к большевикам капитала Шмита, кроме Ленина — горячее участие принимал Богданов-Максимов, что бросает неожиданный и особый свет на сего создателя «эмпириомонистической философии». Мне всегда казалось, что по самому складу и своей психики, и своего ума, интересующегося абстрактными вещами, он не может стоять близко к «операциям», проделывавшимся Таратутой. Таратута указывает, что добываемые деньги ему пришлось выручать от «всяческого полицейского риска». Фраза безграмотная. Он, по-видимому, хотел сказать, что, «выручая» деньги, ему приходилось рисковать, чтобы не попасться полиции. Какой год тут имеет в виду Таратута? Очевидно, не 1908 год. Тогда он был уже за границей и мог не бояться царской полиции. Время, о котором он рассказывает, вне всякого сомнения — вторая половина 1907 года, когда Таратута приезжал в Куоккала на дачу «Ваза» и намечал с Богдановым (об этом, несомненно, знал Ленин) «предосторожности», которые нужно было принимать, чтобы партия не лишилась пожертвований. Можно таким образом установить, что деньги от наследства Шмита *начали* поступать к большевикам уже в 1907 году, шесть-семь месяцев спустя после смерти Шмита. Если это так, то Таратута не потерял много времени, ухаживая за сестрой Шмита. Он, как Цезарь, «пришел, увидел, победил» — и Елизавета Шмит стала его женой, принося большое приданое. Но она была несовершеннолетняя и не могла распоряжаться ни принадлежащим ей имуществом, ни доставшимся ей от брата наследством, а Таратута, живя на нелегальном положении и будучи то Вильяминовым, то Сергеевым, то Грибовым, не мог вступить с ней в законный брак и в качестве мужа распоряжаться ее деньгами. Для замещения Таратуты была кем-то придумана упоминаемая Крупской хитроумная комбинация с «т. Игнатьевым», а раз Крупская о ней знает, еще лучше знал о ней Ленин. Роль этого таинственного человека в предоставлении Елизавете Шмит права и юридической возможности распоряжаться деньгами — разумеется, очень велика. Без его подписи, доверенности, она не имела бы денег, не имел бы их и Таратута. В своих воспоминаниях Войтинский рассказывает, что Ленин смотрел на Таратуту, как на сутенера, тем не менее очень ценил его финансовый подвиг. Члену Большевистского Центра Рожкову (Рожков одно время жил в

Куоккала на той же даче «Ваза») Ленин сказал: «Тем-то он (Виктор Таратута. — *Н.В.*) и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы вы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый».

В какой мере верно, что Таратута был на содержании у богатой купчихи? Средства Елизаветы Шмит были двоякого рода. У нее были деньги, полученные ею в наследство от отца. На эти деньги жила она, и вместе с нею жил и деньгами пользовался Таратута. С другой стороны, были деньги, полученные в наследство от умершего брата, и они передавались партии, причем Таратута, зная, что его кое-кто называет сутенером, стремился в своем ответе Богданову парировать это обвинение указанием, что суммы, им передаваемые партии, «во много раз превышают личное благосостояние не только его, но и всех его близких», то есть личные капиталы Елизаветы Шмит.

Обратимся к другой фигуре в этом деле — помощнику присяжного поверенного большевику Андриканису. В затеянной афере — переводе капитала Шмита в руки партии, Андриканис и Таратута сначала несомненно действовали в полном согласии, практикуя разделение труда: один ухаживал за Екатериной, другой за Елизаветой. О сестрах Шмит вот что мы знаем. Ухаживавшие за ними «партийцы» представлялись им большими героями таинственного, им неизвестного мира, гонимыми пророками какой-то новой религии, к которой, как они знали, склонялась и симпатия их трагически погибшего брата. Обе сестры были свободолюбивы, романтически настроены и, по-видимому, весьма влюбчивы. Екатерина Шмит полюбила Андриканиса, он со своей стороны, стал весьма искренно ею увлекаться, а так как, в отличие от Таратуты, Андриканис не был человеком на «нелегальном положении», ничто не мешало ему сочетаться законным браком с богатой наследницей. Это весьма устраивало *партийные дела,* вводя в семью Шмитов еще одного своего человека. Пользуясь своими законными правами и влиянием на жену, он должен был способствовать, чтобы достающееся обеим сестрам наследство от брата конспиративно, умело и без проволочек было передано партии. Андриканис должен был следить за реализацией имущества Шмита (в наследстве, насколько нам известно, были значительные пакеты паев мануфактур Морозовых). По какому-то поводу Андриканис был арестован, но, благодаря связям, удалось добиться сравнительно скоро его освобождения, и в качестве наказания он подвергся высылке за границу, И вот в Париже оказались Андриканис со своей супругой и Таратута с Елизаветой Шмит.

Была ли тому виной «парижская атмосфера», со всеми ее влияниями и соблазнами, или другие причины, но в психологии Андриканиса произошел резкий перелом в сторону «буржуазного перерождения». Большевистская партия настолько утратила в его глазах всякий ореол и кредит, что он пришел к убеждению, очевидно склоняя к тому и свою жену, что незачем передавать партии наследство Шмита. С этого момента между Андриканисом и большевистским Центром начинаются столкновения, переходящие в свирепую борьбу. Большевистский Центр, представленный в этом деле Таратутой, требует денег, Андриканис отказывает, — и Таратута грозит ему убийством. Попытка Андриканиса жаловаться в Большевистский Центр на «недопустимые угрозы» вызывает следующий ответ, подписанный *Лениным, Зиновьевым, Каменевым и Иннокентиевым:*

«Мы заявляем, что все дело Z. (то есть Андриканиса, — *Н.В.*) т. Виктор (Таратута. — *Н.В.*) вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем. Мы целиком отвечаем за это дело все и протестуем против попыток выделить по этому делу т-а Виктора».

О ходе распри и ее финале можно найти следующие строки в книге «Две партии» Каменева, в которой он обвиняет Мартова в неверном освещении этого дела. По конспиративным соображениям, следуя за Мартовым, Каменев тоже называет Андриканиса буквой Z. — нам, разумеется, этого делать не нужно.

«Большевики поручили попечение о деньгах, которые они должны были получить, Андриканису. Когда же наступило время получения этих денег, то оказалось, что Андриканис настолько «сроднился» с этими деньгами, что нам, подпольной организации, получить их от него неимоверно трудно. Ввиду целого ряда условий, о которых немыслимо говорить в печати[37] Андриканис не мог отрицать прав Большевистского Центра полностью. Но Андриканис заявил, что большевикам принадлежит лишь часть этого имущества (очень ничтожная), что эту часть он не отказывается уплатить, но ни сроков, ни суммы указать не может. А за вычетом этой части *все остальное принадлежит ему,* Андриканису… Большевистскому Центру осталось только отдать Андриканиса на суд общественного мнения, передав третейскому суду свой иск. И вот здесь-то и наступила труднейшая часть дела. Когда зашла речь о суде, Андриканис письменно заявил о своем выходе из партии и *потребовал, чтобы в суде не было ни социал-демократов, ни бывших социал-демократов.* Нам оставалось либо отказаться от всякой надежды получить что-либо, отказавшись от такого суда, либо согласиться на состав суда не из социал-

демократов. Мы избрали последнее, оговорив только ввиду конспиративного характера дела, что суд должен быть по составу «не правее беспартийных левых»[38]. По приговору этого суда мы получили максимум того, чего вообще суд мог добиться от Андриканиса. Суду пришлось считаться с размерами тех юридических гарантий, которые удалось получить от Андриканиса до суда. Все-таки за Андриканисом осталась *львиная доля* имущества».

В отличие от Андриканиса, из захваченного им богатства, давшего партии очень немного и с запозданием, Таратута передал много, и деньги Николая Шмита начали входить в партийный оборот уже во вторую половину 1907 года. Ленин, прибыв из Финляндии в Женеву, мог с помощью *этих денег* начать собирать около себя разбитую большевистскую гвардию и с февраля 1908 года — издавать газету «Пролетарий». Из его письма в Одессу к Воровскому можно понять, что большевистская касса была уже полна. Вызывая Воровского в Женеву, Ленин писал: «В августе нового стиля все же непременно рассчитываем на Вас, как на участника конференции… Деньги вышлем на поездку всем большевикам… Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно»[39].

Революционные газеты и журналы не имели обычая платить гонорар. Значит, «прочная материальная база», как назвала Крупская поступившие к большевикам капиталы, начинала приносить плоды. За два года в Женеве, а потом в Париже, было издано 30 номеров «Пролетария». В среднем каждый номер (редакция, гонорары, печать, экспедиция) требовал затраты около 4000 франков, следовательно, на одно только издание «Пролетария» пошло 116 тысяч франков. Учитывая другие расходы, — оплату членов Большевистского Центра, Заграничного бюро Центрального Комитета, затраты на делегатов, приезжавших в конце 1909 года на пленум ЦК, и т. д., — нужно считать, что за 1908–1909 годы из большевистской кассы ушло, минимум, 200–220 тысяч франков. Но в январе 1910 года произошло событие с последствиями, сделавшее капитал московского самоубийцы предметом новой ожесточенной борьбы, которую тщетно и безнадежно пытались смягчить и затушить представители немецкой социал-демократии и Международного Социалистического Бюро.

Дело в том, что на бесконечных заседаниях, тянувшихся с 15 января по 5 февраля 1910 года, была сделана последняя попытка создать объединение формально объединенной, фактически глубоко разъединенной партии. Ленин, мы уже говорили, ни на минуту не верил в возможность такого объединения. Идя на него,

он хотел лишь дать «примиренцам» предметный урок: пусть попробуют примирение, произведенный опыт раз и навсегда отобьет у них желание его повторять. Главным условием объединения Ленин ставил осуждение «ликвидаторства» и «отзовизма», признание «борьбы с этим течением за неотъемлемый элемент политической линии партии». Ленин шел на прекращение большевистской газеты «Пролетарий» с тем, чтобы был закрыт и меньшевистский орган «Голос Социал-Демократа». Органом всей партии оставался «Социал-Демократ», в редакцию коего должны были входить Ленин и Зиновьев, один большевиствующий представитель польских социал-демократов и два меньшевика (Мартов и Дан). Раз происходило объединение, должны были исчезнуть и кассы фракций, и потому капиталу Шмита, находившемуся в руках Большевистского Центра, предназначалось стать общепартийным достоянием, служить только общепартийным целям и назначениям. Такое признание подводило к острому практическому вопросу: кто будет хранить это общепартийное достояние, кто без фракционного пристрастия будет выдавать деньги? Ленин не доверял меньшевикам, меньшевики не доверяли ему. Нужно было найти третьих лиц, пользующихся доверием обеих сторон.

Таких, как их называли, «держателей» капитала Шмита нашли в лице К. Каутского, Ф. Меринга, К. Цеткин, авторитетных и уважаемых представителей немецкой социал-демократии. Им было представлено право решать вопрос о выдаче и невыдаче денег и кому именно. В случае нарушений условий объединительного договора «держатели» были уполномочены решить вопрос о дальнейшей судьбе порученного им имущества, опираясь на постановление пленума Центрального Комитета, специально для сего созываемого.

Какую же сумму большевики должны были передать «Держателям»? Ленин настоял, чтобы за большевиками (в некотором роде компенсация за прекращение «Пролетария») было оставлено 30 тысяч франков на издание большевистской, но «не фракционной» литературы. Что же касается основного фонда, оставленного наследства Шмита, из него передавались «держателям» немедленно 75 тысяч франков, а «остальные 400 тысяч франков намечались к передаче в *два срока* на протяжении *двух лет».*

Точную сумму поступлений от реализации наследства Шмита, кроме нескольких лиц, *никто знать не мог.* При перечислении передаваемых сумм верхушка Большевистского Центра имела полную возможность кое о чем умолчать, и Мартов, на основании каких-то имеющихся у него сведений,

категорически утверждал, что именно так и произошло. Но даже если бы не была скрыта часть капитала, показанная сумма 500 тысяч франков плюс около 220 тысяч франков, истраченных до попытки объединения, — всего 720 тысяч, достаточно говорит, насколько был значителен этот подарок революции. Ем. Ярославский в «Очерках по истории ВКП(б)» (Москва, 1937, т. I, стр. 204) называет несколько большую сумму — 280 тысяч золотых рублей или 756 тысяч золотых франков. С. Шестернин, принимавший участие по заданию Ленина в реализации наследства Шмита, в статье «Реализация наследства после Н. П. Шмита и мои встречи с В. И. Лениным» (Сборник «Старый Большевик», 1933, № 5 (8), стр. 155) сообщает: «В 10 минут рысак доставил меня с Варварки (где помещалась контора Морозовых) на Кузнецкий мост в отделение Лионского кредита, где тотчас же и были сданы для перевода в Париж по телеграфу все причитающиеся на долю Елизаветы Павловны деньги. К сожалению, у меня нет копии определения окружного суда об утверждении Елизаветы Павловны в правах наследства (где точно указана сумма), но хорошо помнится мне, что было послано до 190 тысяч рублей золотом. Елизавета Павловна со своей стороны тоже припоминает, что в Париже было получено 510 тысяч франков, что по тогдашнему курсу составляет те же 190 тысяч рублей». В отношении части наследства, причитавшейся Екатерине Павловне, жене Андриканиса, С. Шестернин пишет: «После я слышал, что по решению этого (третейского) суда Андриканис выдал партии только половину или даже одну треть того, что получила Екатерина Павловна после покойного брата».

Нужно думать, что все поступления по наследству Шмита, включая непоказанный капитал (Ярославскому, как и нам, неизвестный), значительно превышали эту сумму.

В наши намерения не входит ни описание начавшейся после «объединения» (вернее никогда не прекращавшейся) борьбы, ни разбор, кто в ней прав, кто виноват. С точки зрения чисто формальной — договор об объединении нарушили несомненно меньшевики: в Париже они не прекратили свой журнал «Голос Социал-Демократа», а в России их товарищи отказались войти в словесно общепартийный, фактически зависящий от Ленина Центральный Комитет. Но так как Ленин не верил в возможность объединения с меньшевиками и не хотел его, то даже и в том случае, если бы меньшевики не нарушили договор, он постарался бы создать положение, при котором они не могли бы избегнуть его нарушения.

Свои агрессивные замыслы он скоро после объединения (в апреле) поведал Горькому: «Мы сейчас сидим в самой гуще этой

склоки. Либо русский ЦК обкорнает голосовцев (меньшевиков, идущих за «Голосом Социал-Демократа». — *Н.В.*), удалив их из важных учреждений (вроде Центрального Органа и т. п.), — либо придется восстановлять фракцию»[40].

Считая, что игра в объединение продолжалась слишком долго и ее нужно прекратить, Ленин 5 декабря 1910 года объявил, что договор меньшевиками нарушен и деньги, переданные «держателям», должны быть немедленно возвращены большевикам.

Вот здесь и обнаружилась большая ошибка Ленина, основанная на переоценке эффективности приемов, всегда применяемых им в партийной борьбе. Он согласился на передачу денег «держателям» не только потому, что при формальном объединении иначе нельзя было поступить. Он был уверен, что при ультимативном напоре на «держателей», при представлении им аргументов, имеющих лично для него бесспорный и решающий характер, ему будет очень легко взять у них деньги обратно. И ошибся. «Держатели», и прежде всего Каутский, хотели добросовестно выполнить данное им поручение. Они не могли согласиться с Лениным, что истина только на его стороне. Они считали необходимым выслушать и другую сторону.

Убедившись, что при невероятной склоке в русской партии, превратившейся в осиное гнездо, он честно не может выполнить возложенные на «держателей» задачи, Каутский отказался и от роли третейского судьи, и роли «держателя». За ним вслед отказался и Меринг. Единственной «держательницей» денег осталась К. Цеткин.

Это тогда у Ленина зародилась, а после 1917 года перешла в ненависть, крайняя неприязнь к тому самому Каутскому, которого он долгие годы с великим почтением считал своим учителем и «самым замечательным последователем Маркса». Взгляд на Каутского как на «врага», «интригана», Ленин внушил своему парижскому окружению. О том можно судить по письму слушателя Лонжюмовской-Ленинской школы, не блиставшего умом грузина Орджоникидзе (при Сталине, который его впоследствии угробил, он руководил всей советской индустрией). Сообщая, что Каутский в Берлине якобы ставит препятствия возвращению большевикам денег, и придавая этим деньгам огромное значение в «судьбе партии», Орджоникидзе в ноябре 1911 года безграмотно писал большевикам в Россию: «Если судьба партии до сих пор решалась в Париже, то теперь это решается в Берлине, только с той разницей, что она в руках самого бессовестного интригана, который, вместо того чтобы не вмешиваться своим рылом в русские дела, совсем захотел

господствовать, но это не долго»[41].

Развязный грузин забыл, что Каутскому давали именно полномочия «вмешиваться» в русские дела и объявили его «бессовестным интриганом» только потому, что он не подчинился ультиматуму Ленина.

Ждать очередной антрепризы Ленина не пришлось «долго». В январе 1912 года в Праге состоялась инспирированная, организованная, дирижированная Лениным так называемая VI «Всероссийская общепартийная конференция», на которой присутствовало 15 делегатов (13 большевиков и 2 меньшевика-партийца). Конференция приняла все политические резолюции Ленина, объявила себя единственной законной представительницей всей партии, признала давно расторгнутым договор 1910 года об объединении с меньшевиками. Она постановила объявить «меньшевиков-ликвидаторов» вне партии и избрала Центральный Комитет, а ему поручила принять все меры для немедленного возвращения денег, находящихся у К. Цеткин.

«Наконец, — писал Ленин Горькому, — удалось, вопреки ликвидаторской сволочи, возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами»[42].

В Центральный Комитет были избраны Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе и другие, в том числе Роман Малиновский, член Государственной Думы, одновременно агент полиции и провокатор. Кроме него, в числе делегатов конференции находился еще другой агент полиции Романов (кличка Аля Алексинский), бывший слушатель социал-демократической школы на Капри у М. Горького. «Историческое решение» Пражской конференции, навсегда устранившее попытки объединиться с меньшевиками, таким образом, было принято при активнейшем участии двух крупнейших агентов царской полиции. Удивляться не приходится: ряды большевистской партии (см. о том «Воспоминания» Крупской) кишели провокаторами[43].

Заявления и решения Пражской конференции объявить себя единственным представителем партии вызвали негодование среди остальной части партии и всех оттенков. Состоявшееся 12 марта 1912 года совещание с участием меньшевиков из «Голоса Социал-Демократа», представителей Бунда, троцкистов, плехановцев, примиренцев, группы «Вперед» — обвинило Пражскую конференцию в «узурпации партийного знамени». «Впрочем, среди наших идет здесь, — писал Ленин 24 марта 1912 года из Парижа сестре Анне, — грызня и поливание грязью, какой давно не было, да едва ли когда и было. Все группы, подгруппы ополчились против последней конференции и ее устроителей, так что дело буквально до драки доходило на здешних собраниях».

Считаясь с такой обстановкой, К. Цеткин ответила отказом на требование Ленина передать деньги организованному им Центральному Комитету, так как было ясно, что его нельзя считать законным представителем всей партии. Для выяснения положение дел в русской партии и распределения между ее группировками денег в связи с избирательной кампанией в IV Государственную Думу, правление германской социал-демократической партии предложило созвать летом 1912 года совещание всех партийных фракций и течений. Ленин и большевики *отказались* участвовать в таком совещании, продолжая настойчиво требовать передачи им денег. В примечании к XIV тому сочинений Ленина (см. стр. 546–548) мы читаем, что «борьба вокруг большевистского имущества затянулась вплоть до империалистической войны (1914 года), во время которой она замерла сама собой».

Как это понять? В том ли смысле, что капитал, находившийся последнее время в руках К. Цеткин, никому не был дан и пропал? Мы видели, что Ленин в 1910 году Обещал передать «держателям» 475 тысяч франков, из них 75 тысяч франков немедленно в начале года, а остальные в «два срока на протяжении двух лет». Но так как уже в декабре 1910 года Ленин объявил договор с меньшевиками расторгнутым, ни о каких передачах после этого не было и речи. «Держатели» могли до декабря 1910 года получить *максимум 200 тысяч франков* (меньшая цифра гораздо вернее), и эти деньги в подавляющей доле поступили в партию в течение 1910–1911 годов. Например в 1911 году, несмотря на протесты меньшевиков, К. Цеткин выдала крупную сумму так называемой технической комиссии, организовывавшей Пражскую конференцию. Можно уверенно сказать, что после передачи «держателям» все-таки какие-то большие суммы остались в руках Большевистского Центра и *остатки пригодились Ленину во время войны в 1914–1916 годах для его изданий.*

Конечно, было бы нелепо думать, что борьба Ленина за удержание в руках Большевистского Центра, а потом за возвращение ему капитала Шмита, инспирировалась лишь корыстными намерениями личного характера. Сей капитал был нужен для организации революции, а такая цель пронизывала все существо Ленина. Было бы вместе с тем детской наивностью утверждать, что этот капитал ни с какой стороны и ни в какой мере не имел отношения к личному материальному положению Ленина. В 1902 году в брошюре «Что делать?» Ленин настаивал, что «профессиональный революционер», — и он мог бы сказать: «из них же первый есмь аз», — отдающий свои силы революции,

должен быть освобожден от обязанности думать о хлебе насущном. Он должен получать содержание от партии. Ленин и стал его получать с 1901 года в качестве одного из редакторов «Искры». К жалованью был добавок из «ульяновского фонда», но, пользуясь выражением, которое Ленин часто употреблял, то была Privatsache, и ничьи заглядывания сюда он не допускал. Жалованье от партии в период второй революции, начиная с 1908 года, Ленин получал с таким же правом и основанием, как и в период первый. В этом не может быть никакого сомнения: на этот счет, как увидим, есть прямое указание самого Ленина. Более спорно, сколько он получал, причем попытки это узнать обычно в СССР встречают указание, что личные потребности Ленина были так малы, и он требовал лично для себя так мало, что вопрос, сколько он получал, никакого интереса и важности не представляет.

Так ли это? Из людей, которые могли бы точно указать размер жалованья Ленина, никого уже нет в живых. Одни умерли естественной смертью, другие — Каменев и Зиновьев, с 1909 года в течение лет близко стоявшие к Ленину, — погибли в подвалах НКВД. Бесполезно искать ответа в соответствующих денежных отчетах большевистской партии, — их не найти, они оставались лишь в узеньком кругу лиц и не подлежали публикации.

После объединительного пленума, в январе 1910 года, открывшего «эру» мнимого объединения меньшевиков и большевиков, пришлось давать отчет о расходах, производимых из капитала Шмита, объявленного, согласно договору, общепартийным. В 1910 году появились печатные отчеты Заграничного Бюро Центрального Комитета — один за время с 1 февраля по 30 апреля с расходной суммой в 49 600 франков, другой — от 1 мая по 31 октября с расходом в 60 375 франков; всего за 9 месяцев — 110 тысяч франков. Вследствие соображений конспиративного и другого порядка, отчеты так кратки и маловразумительны, что вытянуть из них сведения кто и сколько получал — очень трудно. Вместо слова «жалованье», звучащего слишком по-казенному, отчеты употребляют более благозвучный термин — *«диета»:* «диета» членам редакции Центрального органа, «диета» представителям Центрального Комитета, «диета» экспедитору партийных изданий.

В какой же рубрике искать «диету» Ленина? Только ли в рубрике вознаграждений редакторов Центрального органа? Но наряду с этими «диетами» — из общепартийного капитала у большевиков практиковались дополнительные выдачи из чисто фракционного фонда, не исчезнувшего при состоявшемся формальном объединении партии. Например, Л. Б. Каменев в

качестве представителя Центрального Комитета в издававшейся в Вене газете Троцкого «Правда», что можно вывести из указанных отчетов, получал 200 франков в месяц, но его общая «диета» и в Вене, и тогда, когда он возвратился в Париж, нам достоверно известно, составляла 300 франков[44]. По какой статье и из какого фонда шло дополнение в 100 франков, — мы не знаем. Цитированный нами наборщик Владимиров, по словам которого Ленин жил «впроголодь» и в тяжелых жилищных условиях, писал, что «тов. Ленин всегда говорил, что наборщики должны получать жалованье больше редактора, и я лично получал на три франка больше, чем тов. Ленин»[45]. Алин, заведовавший в 1911 году типографией и экспедицией партийного органа, вносит в это маленькую поправку: «члены Центрального Комитета получали жалованье 50 франков в неделю, а работники типографии 57 франков», то есть даже не на три, а на семь франков больше»[46]. Плата партийных типографщиков-большевиков явно превышала средний заработок наборщиков французских типографий. Она была 228 франков в месяц, тогда как французы наборщики при 200 часах работы в месяц, и средней часовой платы в Париже в 80 сантимов, могли иметь лишь 160 франков.

Но верно ли, что официально члены Центрального Комитета, Центрального органа, и Ленин в том числе, получали не более 200 франков в месяц? Отчет Заграничного Бюро Центрального Комитета указывает, что за шесть месяцев 1910 года с 1 мая по 31 октября редакции «Социал-Демократа» уплачено 5825 франков. Редакционная коллегия состояла тогда из пяти лиц (от большевиков — Ленин и Зиновьев, от меньшевиков — Мартов и Дан, от польской партии — Барский), следовательно, средний месячный заработок их действительно 200 франков (из отчета выходит 194 франка, но расхождение объясняется просто тем, что один из редакторов — Дан вступил в редакцию почти на месяц позднее других). Вознаграждение Ленина и других редакторов было такое же, что получал Каменев в венской «Правде». Однако мы знаем, что вся «диета» Каменева *была не 200 франков, а 300 франков*. Мы не видим никакого основания предполагать, что Ленин получал меньше, чем Каменев, то есть не получал из какой-то специальной части фонда того дополнения в 100 франков, которые имел Каменев. Кроме того, вряд ли Крупская, принимавшая энергичное участие в партийной работе и неустанно поддерживавшая с помощью шифрованных писем сношения Центрального Комитета с Россией, не получала никакого вознаграждения, даже 100 франков в месяц. Один из бывших членов большевистской группы «Вперед» в Париже (1910–1914 годы) нам указал, что максимальной «диетой»,

установленной для руководящих членов большевистской фракции, было *350 франков* и, как он слышал, именно эту цифру и представляла «диета» Ленина. Так как у нас нет никакого другого свидетельства, подтверждающего эту цифру, и в наши руки не попал ни один отчет, хотя бы намекающий о ней, — в качестве наиболее вероятной «диеты», получаемой Лениным из партийного фонда, нужно считать 300 франков в месяц, то есть то, что получал Каменев и, наверное, Зиновьев. А триста франков в месяц до первой войны представляли сумму, в два с лишком раза превышавшую среднюю месячную плату рабочих Франции. На эти деньги Ленину и Крупской можно было жить в Париже, конечно, без роскоши, но очень далеко от жизни «впроголодь».

Наследство Шмита, сына московского купца, племянника Морозова, оказалось весьма полезным Ленину. Много позднее вошло в его жизнь и кое-что другое из купеческих богатств Морозовых, имеем в виду загородный дворец, построенный одним из Морозовых в Горках, в 27 километрах от Москвы. С 1918 года Ленин проводил в нем дни своего отдыха, жил там во время болезни и там же умер. В письме от 9 июля 1919 года к Крупской, которая в это время плавала по Волге на «агитационном пароходе» «Красная Звезда», — этот загородный дворец в Горках Ленин называет «нашей дачей». «Мы живем по-старому: отдыхаем на «нашей» даче по воскресеньям».

От просперитэ к ненадежности

С 1908 года доходы Ленина не ограничивались «диетой». В начале второй эмиграции у него такое просперитэ, какого он, будучи в эмиграции, до сих пор не знал. Еще в Куоккала он договорился с издательством «Паллада» о выпуске с небольшими добавлениями второго издания «Развития капитализма в России». Тираж первого издания в 1899 году был только 1200 экземпляров, тираж второго, появившегося в 1908 году, уже пять тысяч экземпляров и должен был принести Ленину 2000 рублей. В том же Куоккала Ленин договорился с издательством «Звено» о выпуске трех томов его сочинений под общим заглавием «За 12 лет». В состав первого тома входили: его первое печатное произведение «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Задачи русских социал-демократов», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Второй том должен был состоять из двух частей. В первой — «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/5 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», «Аграрный вопрос и «критики Маркса»». Во второй — «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов», очерк, написанный Лениным в Финляндии. Наконец, в третий том должны были войти политические статьи Ленина.

Первый том вышел в ноябре 1907 года (на обложке стоит 1908 год) и подвергся конфискации. Подавляющую часть напечатанных экземпляров все же удалось спасти. Издательство не потерпело на этом томе больших убытков, и Ленин получил гонорар. Получил он гонорар и за первую часть второго тома, подвергшегося преследованию. Иначе было со второй частью — она целиком была конфискована еще в типографии, издатель привлечен к судебной ответственности и после этого уже не рискнул печатать третий том.

Убегая из Финляндии, Ленин поручил сестре Анне получение причитающегося ему гонорара от указанных издателей и за написанные предисловия к некоторым сборникам. Видимо, не желая, чтобы сестра Анна смешивала его деньги с деньгами семейными, он просил ее иметь *специальную книжку* в сберегательной кассе и класть на нее собираемый гонорар и постепенно ему высылать. Приехав в Париж, Ленин в 1909 году открыл, недалеко от своей квартиры, текущий счет в Лионском

Кредите, агентство Z, 19, avenue d'Orleans.

В этом банке на его имя были положены и партийные (шмитовские) деньги, и через этот же банк сестра совершала переводы из Москвы. «Деньги, — писал он ей 6 апреля 1909 года, — лучше всего переводить через Лионский Кредит, на имя «г-на Ульянова (W. Oulianoff), текущий счет № 6420»[47]. «Чтобы здесь не взяли лишку за размен, — поучал расчетливый Ленин, — лучше всего купить франков в Москве и перевести уже точную сумму франков в Париж… Это самый удобный способ. Оказиям доверять не стоит».

Охранное отделение превосходно знало, что Ульянов есть Ленин, вождь большевиков, которого полиция искала в Петербурге и Финляндии как важнейшего государственного преступника, обвиняемого в призывах к вооруженному восстанию, к военным бунтам. Это не мешало находящейся под надзором полиции его сестре Анне открыто, легально переводить ему деньги из Москвы на «текущий счет № 6420», на котором Ульянов-Ленин хранил и партийный капитал, питающий революцию. Об этом полиция не могла не знать, ибо ряды большевиков, повторяем, кишели провокаторами и агентами полиции. Могло ли происходить нечто хотя бы отдаленно похожее, когда Россией стали править ленинцы, а потом сталинцы? Не говорит ли это о том, до какой степени, при полной осведомленности в том, что делается в большевистском лагере, была халатна, бездеятельна и слаба царская полиция и какое в сущности искаженное представление о силе ее имела Европа?

Судя по всему, Ленин в 1908 и 1909 годах тратил деньги намного больше, чем в прежние годы эмиграции. В апреле 1908 года он едет к Горькому на Капри, потом в Лондон, где в Британском музее подбирает материал для своей философской книги. Возвратясь из Лондона, бродит по горам Швейцарии в Западных Бернских Альпах. «Ездил в горы погулять. Дурная погода помешала побыть там подольше. Но все же погулял превосходно» (письмо к Маняше 9 августа 1908 года). Устав от борьбы с «отзовистами», он едет в марте 1909 года отдохнуть на Cote d'Azur в Ниццу. «Я сижу на отдыхе в Ницце. Роскошно здесь: солнце, тепло, сухо, море южное» (письмо от 2 марта к сестре Анне).

Ленин, со времени пребывания в Финляндии, так привык к поступлению в его карман денег, что при получении переводов из Москвы даже забывает о них известить отправителя. «Анюте все забывал написать, что 340 р. получил. Пока что деньги мне не нужны» (письмо к Маняше 13 июля 1908 года).

Что у Ленина есть деньги, подтверждается очень многими

фактами. Например, желая возможно скорее издать свою философскую книгу, он в письме от 27 октября 1908 года дает сестре Анне совет при поисках издателя и при переговорах с ними идти в области денежной на максимум уступок: «Имей в виду — я теперь не гонюсь за гонораром, т. е. согласен пойти и на уступки (какие угодно) и на отсрочку платежа до получения дохода от книги, — одним словом, издателю никаких рисков не будет».

Ленин столь мало «гоняется за гонораром», что соглашается свою книгу отдать для издания большевику Бонч-Бруевичу, хотя сомневается — получит ли он от него что-либо. «Бонч издает в долг, через кое-кого, как-нибудь, и не очень достоверно, что я получу что-либо, но все же издаст». И все-таки Ленин рекомендует сестре: если нет другого издателя, «посылай прямо и тотчас Бончу: пусть только никому не дает читать и бережет сугубо от провала!» (письмо к сестре Анне от 26 ноября 1908 года).

Отсутствие у Ленина нужды в деньгах видно из его письма от 10 марта к той же Анне. Ее муж, Елизаров, получив какую-то выгодную командировку с отпуском больших подъемных, то есть денег, выданных ему на транспорт и расходы в пути, решил (это было не первый раз) часть их презентовать Ленину, о чем Анна его и известила. Ленин отказался от подарка. «Марк собственно напрасно оставил такую большую сумму из своих подъемных, ибо мне сейчас достаточно платит мой издатель». Зная, что его сестра Мария болела тифом, а мать, за нею ухаживавшая, очень утомилась, он рекомендовал Анне: «Само собою разумеется, что ты непременно должна расходовать эти (Елизаровские. — *Н.В.*) деньги, чтобы лучше устроить Маняшу и маму или помочь им выехать куда-нибудь в лучшее место».

Несколько странно, что, желая «лучше устроить Маняшу и маму», Ленин предлагает тратить на то не его деньги, хранимые Анной в сберегательной кассе, а деньги ее мужа. Впрочем, чувствуя себя в это время особенно богатым, он готов был тратить и свои деньги. Он приглашал приехать к нему и сестру и мать: «Я очень надеюсь, что ты осенью приедешь к нам надолго. Не правда ли? Непременно приезжай! Очень хорошо бы было, если бы и мама могла приехать» (письмо к Маняше от 9 августа 1908 года). В сентябре, обращаясь к матери, он жалеет, что приезд Маняши откладывается: «Хорошо бы было, если бы она приехала во второй половине здешнего октября: мы бы тогда прокатились вместе в Италию… Почему бы и Мите не приехать сюда? Надо же и ему отдохнуть после возни с больными. Право, пригласи его тоже, — мы бы великолепно погуляли вместе. Если бы затруднились из-за

денег, то надо взять из тех, которые лежат на книжке у Ани. Я теперь надеюсь заработать много. Отлично бы было подгулять по итальянским озерам. Там, говорят, поздней осенью хорошо» (письмо от 30 сентября 1908 года).

Получаемое *партийное жалованье* и *прилив из России собираемого сестрой гонорара* создали у Ленина такое чувство материальной обеспеченности, что, как видим, он приглашал к себе за границу и мать, и сестру, и брата. Сестра Мария к нему на самом деле скоро приехала, что же касается приезда матери или брата вряд ли Ленин в это верил. Его приглашение лишь широкий жест.

В феврале 1909 года, за несколько недель до поездки Ленина в Ниццу, заболела воспалением легких его престарелая матушка (ей шел 74-й год) и после долгой болезни, провожаемая Анной, поехала в Крым, в Алупку, поправлять свое здоровье. 21 мая Ленин ей писал: «Чрезвычайно рады мы были все узнать, что вы устроились в Крыму и ты наконец отдохнешь сколько-нибудь сносно».

Во время болезни матери он был по горло занят выпуском своей философской книги. Анна Ильинична ему присылала корректурные листы, и он занимался их правкой, исправлениями и вставками. Болезнь матери находит в письмах Ленина очень небольшой отклик — лишь стереотипные фразы, но это объясняется тем, что всю основную переписку по поводу болезни вела приехавшая к Ленину сестра Маняша. Но шокирует другая вещь. Читатель его писем, зная, что он желает матери «наконец отдохнуть сколько-нибудь сносно», все время ждет от него предложения, которое сделали бы на его месте все, кто любит свою мать. Чтобы мать имела возможность дольше и в лучших условиях отдохнуть в Крыму — почему не предложить ей для этого денег? Что может быть проще и естественнее? В прежние времена, обращаясь к ней за деньгами, Ленин любил прибавлять, что считает взятые деньги своим долгом. Теперь мать больна, стара, и ее нужно лучше устроить — не есть ли это самый подходящий момент начать расплачиваться со своим долгом? Это нечто более полезное и осуществимое, чем приглашение ехать к нему за 3000 километров. Ведь деньги есть у него, именно в это время он поехал отдыхать в Ниццу. Деньги у него не только за границей, а в самой Москве на сберегательной книжке сестры Анны, которую 26 мая, то есть *пять дней после его письма* с пожеланием матери сносно отдохнуть, он просит перевести ему *пятьсот рублей.*

Мать свою Ленин несомненно любил. Эту чудесную женщину, чуткую, готовую ради своих детей идти на всякие жертвы, —

нельзя было не любить. Почему же Ленину не приходит в голову сделать то предложение, о котором мы говорим? Мы не можем думать, будто он считал, что поддержка матери в силу его особого положения совсем не касается его, а должна целиком падать только на живущих в России, то есть на Елизаровых и на брата Дмитрия. Не могло быть и речи о сестре Марии, заработок которой, что Ленин знал, всегда был ничтожен и непостоянен. Но когда мать болела, отпадала помощь Елизарова — ибо в это время Елизаров был без заработка.

Если мы не желаем видеть в Ленине до крайней степени черствого эгоиста — на поставленный вопрос можно дать только следующий объясняющий ответ. Ленин думал, что «ульяновский достаток», небольшой капитал, находившийся в распоряжении матери и о существовании которого он знал с юношеских лет, еще не окончательно исчерпан, и потому мать в какой-либо специальной помощи от него, Ленина, совершенно не нуждается. И когда в октябре 1910 года его матушка приехала из Москвы в Стокгольм, чтобы еще раз (он был последний) увидеть своего обожаемого сына, она, привозя ему разные подарки, наверно, для его спокойствия поддержала в нем мысль, что *ее средства не исчерпаны.* А так как Ленин с молодых лет всегда стоял на первом плане забот родных, возможно, что он и они (Елизаров, сестра Анна) с той же целью, то есть не желая его тревожить беспокойной мыслью о возникающей для него обязанности помогать старой матери, — поддерживали ту же версию.

Если эти предположения верны, тогда станут понятными без этого непонятные и странные некоторые письма Ленина к родным в начале 1911 года. В письме от 3 января, обращаясь к Елизарову, перекочевавшему в Саратов, и поблагодарив за всякие посылаемые ему наблюдения и впечатления с «Волги», Ленин писал ему: «Насчет моей поездки в Италию дело теперь (и в ближайшем будущем), видимо, не выгорит. Финансы (о которых меня, кстати, спрашивала Аня) не позволяют. Издателя не нашел. Статью послал в «Современный Мир», но, видимо, и там есть трудности; ответа нет несколько недель. Придется отложить до лучших времен дальние поездки. Но из Италии ведь сюда рукой подать: не может быть, чтобы Вы не заехали в Париж, если соберетесь в Италию. И недаром, должно быть, говорят, что кто раз в Париже побывал, того потянет и другой… Мы живем по-старому. Веселого мало».

Первое впечатление от письма — это подчеркнутое различие материального положения Ленина от положения Елизарова. Тот собирается поехать в Италию, и Ленин даже полагает, что, располагая средствами, Елизаров оттуда «завернет» в Париж,

тогда как Ленин хотел бы поехать в Италию, но не может — «финансы не позволяют», иначе говоря, денег у него нет.

Все, что писал Ленин одному из своих родных, немедленно сообщалось другим и становилось предметом долгого обсуждения. Письмо к Елизарову стало, конечно, известно и матери Ленина. А так как подобное же письмо с указанием на финансовые затруднения получила и она (это письмо *не напечатано)* — сердце матери встрепенулось. Слова сына «финансы не позволяют» в письмах к ней и Елизарову — ее ужаснули. Она поняла, что «просперитэ» сына («я теперь надеюсь заработать много», «у меня деньги есть», «приезжайте ко мне») оказалось кратковременным, значит, нужно делать, что она делала всю жизнь, нужно *спасать* «Володю» от нужды. И Мария Александровна спешит его известить, что деньги ему высылаются.

Вот что отвечает ей Ленин в письме от 19 января 1911 года: «Дорогая мамочка! Сейчас получили твое письмо… Что до меня касается, то я тороплюсь исправить недоразумение, которое, оказывается, невольно вызвал. Пожалуйста, не посылай мне денег. Теперь нужды у меня нет. Я писал, что не устраивается ни книга, ни статья — в одном из последних писем. Но в последнем письме я уже писал, что статью, говорят, принимают. О книге я написал Горькому и надеюсь на благоприятный ответ. Во всяком случае *теперь* мое положение не хуже; теперь нужды нет. И я очень прошу тебя, моя дорогая, ничего не посылать и из пенсии не экономить. Если будет плохо, я напишу откровенно, но теперь этого нет. Издателя найти нелегко, но я буду искать еще и еще, — кроме того, я *продолжаю* получать то «жалованье», о котором говорил тебе в Стокгольме. Поэтому, не беспокойся, пожалуйста».

Разберемся в этом письме и письме к Елизарову. Ленин жаловался ему, что «финансы» не позволяют ему поехать в Италию.

Восстановим факты.

Летом 1910 года Ленин с Крупской и ее матерью провел целый месяц в Порнике на берегу океана. Оттуда он сообщал Маняше: «Отдыхаем чудесно. Купаемся и т. д.» (письмо от 28 июля). «Владимир Ильич, — вспоминала Крупская, — много купался в море, много гонял на велосипеде — море и морской ветер он очень любил, — весело болтал о всякой всячине… с удовольствием ел крабов, которых ловил для нас хозяин».

Из Порника Ленин поехал в Италию, на Капри, к Горькому — это второй визит к нему. В 16-м томе 4-го издания сочинений Ленина, на странице 439-й, в таблице дат жизни и деятельности Ленина указывается, что Ленин выехал на о. Капри между 1 и 8 августа. Зачем такая неопределенность, раз в сборнике писем к

родным есть открытка Ленина из Неаполя от 1 августа: «Дорогая мамочка! Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дешево и приятно. Ехал как по Волге. Двигаюсь отсюда на Капри ненадолго».

У Горького Ленин пробыл действительно недолго, всего пять дней. 6 августа он уже уехал от него в Париж, а на пути посетил Неаполь, Рим и Геную[48]. Об этом путешествии Ленина *нет нигде ни одного слова.* Крупская, путая даты, сообщает, что из Порника Ленин прямо поехал в Копенгаген на Международный социалистический конгресс, откуда отправился в Стокгольм для свидания с матерью[49].

Жалуясь Елизарову, что ему не удастся посетить Италию, Ленин словно забыл, что хотя и ненадолго, проездом, он был в ней четыре месяца с половиной перед этим!

Более чем странно и другое: ссылка на посланную статью в журнал «Современный Мир», помещение которой встречает «видимо, трудности», и отражается отрицательно на его «финансах».

Во-первых, можно ли думать, что его «финансы» будут улучшены от помещения только одной статьи в журнале, а во-вторых, что это за статья, которую «говорят, принимают»? Редакторы ленинских «Писем к родным» (стр. 370) несколько сконфуженно замечают: «О какой статье идет речь, установить не удалось, но в «Современном Мире» статьи В.И. не было».

Если бы Ленин действительно послал свою статью в этот редактируемый меньшевиком Иорданским журнал (в нем участвовал тогда и Плеханов), и она не появилась, то есть не была принята, это было бы в литературном и партийном мире событием, о котором многие знали и говорили. К этому событию, то есть непринятию его статьи, до пылкости самолюбивый Ленин не мог бы относиться с печальной покорностью столь явной в его письмах к Елизарову и матери. Следует думать, что никакой статьи в «Современный Мир» Ленин не посылал. Это легкое «сочинительство», вроде известных уже нам его переводов Гобсона (в 1904 году) или Адама Смита (в 1898 году), о которых он писал матери.

Странное впечатление оставляют и его сетования, что не может найти издателя на свою книгу. В этом случае уже точно известно, что он имеет в виду свой очерк «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–7 годов». Уже упоминалось, что это произведение Ленина вошло во вторую часть второго тома задуманного им издания «За 12 лет» и было еще до выхода конфисковано в типографии в 1908 году и уничтожено, а издатели его привлечены к судебной

ответственности. Оно было напечатано лишь в 1917 году после Октябрьской революции. Ленин не мог не знать, что в 1910 году и в последующие годы в России не нашлось бы такого глупого издателя, который захотел бы добровольно сесть в тюрьму, демонстративно издавая незадолго до этого конфискованное издание. Что значат в таком случае его жалобы на отсутствие издателя, когда, в сущности, нет и книги, которую можно было бы издать?

Этими «странностями» письмо Ленина к матери не исчерпывается. Он хотел ее успокоить и вместе с тем создает беспокойство. Он дважды пишет *«теперь нужды нет»*. Значит она была? *Когда?* Конечно, не в 1908 и 1909 годах. Мать по деньгам на сберегательной книжке Анны могла заключить, что в деньгах он тогда совсем не нуждался. В 1910 году? Но в этот год он продолжал занимать дорогую с отоплением квартиру на rue Marie-Rose, имел приходящую прислугу — эльзаску, ездил на отдых к океану, посетил Горького в Италии.

Где тут признаки нужды?

Ее не могло быть и вот по какой причине. В начале мая 1909 года вышла философская книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Едва успела она выйти, как до ненормальности недоверчивый Ленин писал сестре: «Денег издатель все еще не прислал. Начинаю бояться, что надует» (письмо от 26 мая 1909 года).

Издатель — Крумбюгель — его не надул[50]. По договору книга Ленина должна была напечататься в количестве 3000 экземпляров и за печатный лист в 40 000 букв авторский гонорар установлен в 100 рублей. Ленин исчислил по рукописи, что в его книге 24 печатных листа (письмо к Анне от 27 октября 1908 года), в действительности же, в ней около 20 листов и, следовательно, он должен был за все получить 2000 рублей. Часть этих денег поступила Ленину в 1909 году, большая часть в 1910 году, а это еще более колеблет предположение, что в этот год он мог испытывать нужду.

Не забудем добавить, что Ленин получал «жалованье». Редакция ленинских «Писем к родным» объясняет, что «партийное жалованье Владимир Ильич получал, когда у него не было никаких других источников существования». Комментарий абсолютно ложный. Заработок от литературы (книг и статей в легальной прессе) отнюдь не замещал жалованье от партии, а с ним совмещался. Ленин ясно пишет — «кроме того», то есть *кроме* гонорара от книги и статьи, который он надеялся получить, он имеет «жалованье». Ленин подчеркивает, что *продолжает* его получать, то есть в этом отношении в сравнении с прошлыми

годами ничто не изменилось. Даже в том случае, если у него ничего бы не было, кроме «диеты», нужды он испытывать не мог.

Разбираемые письма Ленина создают очень двойственное впечатление. С одной стороны, опираясь на сомнительные факты и не отличающиеся правдивостью аргументы, он как бы хочет обратить внимание родных на ухудшение его положения и намеками вызвать с их стороны помощь. С другой стороны, в письмах к матери — эту помощь отклоняет. Прибегание к помощи матери Ленин никогда не отвергал, тем более, что ясно из всего его поведения, он был уверен, что «ульяновский фонд», пусть сильно уменьшенный, обтаявший, все-таки существует. Поэтому, мы думаем, что когда в силу повышенных трат в 1908–1910 годах его просперитэ, период относительно «жирных коров» кончался и «капиталы», составленные из поступившего из России гонорара исчезли, Ленин, человек практичный, расчетливый, счел возможным, разумным, да и законным, иметь от матери, по примеру прошедших лет, некоторый *добавок* к партийному жалованью. В этом смысле его письма своего рода тактическая и деликатная подготовка родных, с помощью аргументов, производящих на них впечатление, но, в сущности «сочиненных». У Владимира Ильича — что знал Горький — было очень много *«хитрецы»*. В форме деликатной и *только* в области денежных дел, он допускал ее даже и в сношениях с родными.

Почему же все-таки он отказался от посылки денег, прося мать ничего «из пенсии не экономить»? В переписке Ленина с родными о деньгах вопрос о пенсии[51] матери был затронут впервые только в 1911 году. До сих пор об этом никогда ничего не писалось. В ресурсах семьи Ульяновых, в средствах, находившихся в распоряжении Марии Александровны, ее пенсия, очевидно, не занимала самого существенного веса. Неизвестно, что написала Ленину мать, предлагая ему деньги, нужно предполагать, что в подсчете того, что могла бы выслать сыну, она в какой-то связи, в какой-то фразе, может быть неосторожно, упомянула и о своей пенсии. Именно это и вызвало реакцию Ленина: покушаться на ее пенсию он считал для себя абсолютно невозможным. Получение помощи из этого источника он решительно отвергал, но это отнюдь не означало, что он вообще отказался от помощи родных. «Если будет плохо, я напишу откровенно».

Переехав осенью 1912 года в Краков, он писал сестре Анне: «Материальные условия пока сносны, но очень ненадежны… В случае чего буду писать тебе». Вопреки существовавшему до сих пор правилу в случае нужды обращаться только к матери, Ленин своим конфидентом по части денежных дел отныне избирает

сестру Анну. Он не желает волновать мать перепиской по этому вопросу. У матери, может быть, ничего, кроме пенсии, не осталось. Но что означает это обращение к сестре Анне? Твердого и постоянного заработка лично она никогда не имела, наоборот, в последние годы, начиная с 1910 года, заработки ее мужа повысились и его материальное положение очень окрепло. В том самом письме к Елизарову, в котором Ленин жаловался на свои плохие финансы, есть следующая приписка: «Мама рассказывала мне в Стокгольме про Вашу борьбу с принципалом. Раз фонды поднялись, значит — к выигрышу. Поздравляю!». Ленин знал, что «фонды» — заработки Елизарова — поднялись, следовательно, обращаясь в случае нужды к Анне, — мог рассчитывать на помощь ее мужа. Елизаров, как бы подтверждая возлагаемые на него надежды, несомненно посылал Ленину деньги в Краков.

Однако не все посылаемые Елизаровым деньги принадлежали лично ему. В связи с этим заслуживает внимания следующее письмо Анны Елизаровой к сестре Марии в конце 1914 года, случайно попавшее в собрание писем Ленина к родным (стр. 409): «Прилагаю тебе Володину открытку. Представь, он вообразил, что ему все Марк деньги посылает и написал Гранату в Москву, чтобы гонорар за его статью о Марксе (в Энциклопедии Граната. — Я. В.) (200 с чем-то руб.) переслали Марку».

Из иронического тона этого письма следует, что Ленин плохо разбирался в том, какие деньги и откуда ему посылает Елизаров. Те 200 рублей от Граната, о которых идет речь в письме, Мария Ильинична получила и переслала Ленину. Но он получил не только их, но еще какие-то другие суммы. Для увеличения ресурсов Ленина их весьма энергично собирала в 1913 и 1914 годах Анна Ильинична, обращаясь для этого, конечно, не к рабочим, а к состоятельным лицам. Среди «жертвователей» на первом месте стоял уже упоминавшийся богатый сызранский фабрикант Ерамасов, который, кстати сказать, после Октябрьской революции и национализации его предприятия вступил в коммунистическую партию.

Дальнейшая участь его была незавидной. Вот что сообщают о нем Д. И. и М. И. Ульяновы: «После революции А. И. Ерамасов был некоторое время в партии, но вышел из нее по болезни (туберкулез легких и почек), короткое время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но сам ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов нашей семьи — так велика была его скромность, — пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А. И. Ерамасов

прожил недолго и весной 1927 г. умер в Сызрани».

«Дашь хлеб, и человек преклонится»

В конце ноября 1912 года Ленин из Кракова писал сестре Маняше: «Здесь все полно вестями о войне, как впрочем видно и из газет. Вероятно, придется уехать в случае войны в Вену или даже в тот город (Стокгольм. — *Н.В.*), где мы виделись последний раз. Но я не верю, что будет война». Немного позднее в письме к матери он снова пишет о войне: «Переселяться мы не думаем: разве война выгонит, но я не очень верю в войну. Поживем — увидим». В письме к Горькому от 23 декабря того же года на эту же тему: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»[52].

И война, в которую *не верил* Ленин, пришла. Она застала его на даче в Поронине, куда из Кракова уже второй раз приезжала семья Ленина для длительного летнего отдыха. На другой день после вступления Австрии в войну, то есть 7 августа 1914 года, жандармский вахмистр, произведя у Ленина поверхностный обыск, заявил, что на него поступил донос (обвинение в шпионаже в пользу России) и его на следующий день придется направить в ближайшую тюрьму в местечко Новый Тарг. Ленин воспользовался предоставленным ему днем и пустил в ход все средства самозащиты. В нужные места полетели телеграммы, а жившему недалеко польско-австрийскому большевику Ганецкому, с которым Ленин встречался на партийных съездах, была вменена обязанность выхлопотать через лидера австрийских социалистов Виктора Адлера — освобождение Ленина.

Ленин не обнаружил в те дни ни хладнокровия, ни мужества. Его и Крупскую брал страх, что в военное время легко могут «мимоходом укокошить». Мы с Ильичом, — вспоминала Крупская, — просидели всю ночь, не могли заснуть, больно было тревожно».

Страхи оказались напрасными. Заступничество Виктора Адлера привело к быстрому освобождению Ленина. 8 августа он арестован, а 19-го уже выпущен. «Уверены ли вы, — спросил Адлера австрийский министр внутренних дел, — что Ульянов враг царского правительства?» — «О, да! — ответил тот, — более заклятый враг, чем ваше превосходительство».

«Пленение мое, — писал Ленин сестре Анне, — было совсем короткое. 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы (в их числе — ежедневные свидания с Крупской. — *Н.В.*), вообще «отсидка» была совсем легонькая, условия и обращение хорошие».

Галицию все-таки пришлось покинуть. Прожив некоторое время в Поронине и Кракове, получив при поручительстве швейцарского социал-демократа Грейлиха право въезда в Швейцарию, Ленин и Крупская и ее мать 5 сентября приехали в Берн. По пути остановились в Вене, где было налажено одно *очень важное* для них денежное дело (о нем будет сказано дальше).

Социально-политические взгляды Ленина в нашем очерке не подлежат изложению, вскользь упомянем, что уже на другой день по приезде Ленин, собрав в лесу живших в Берне большевиков, изложил свой взгляд на войну, определивший потом всю тактику большевиков: «Нынешняя война — война империалистическая, грабительская. Нужно провозглашать не мир и долой войну, — это поповский лозунг. Лозунгом пролетариата должно быть превращение войны в гражданскую войну с целью уничтожения капитализма. С точки зрения рабочего класса наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма».

До сего времени Ленин не интересовался тем, что называется мелкими житейскими, хозяйственными делами. В 1912 году в Париже перед отъездом в Галицию он передал свою квартиру одному краковскому жителю, и тот, впервые попав во Францию, стал расспрашивать Ленина об условиях жизни в Париже, о ценах на пищевые продукты и т. д. Ленин ничего ему ответить не мог. У него было слишком много больших «идейных» забот. Думать о таких «пустяках» — сколько стоит масло, мясо, яйца, картофель у него не было желания. Приехав в Берн, он и Крупская увидели, что, в сравнении с очень низкими ценами, с дешевой жизнью, к которой они успели привыкнуть в 1912–1914 годах в Галиции, цены в Швейцарии, окруженной воюющими странами, стоят на высочайшем уровне. Значит, стоимость их жизни повышалась, между тем война вносила пертурбацию в источники их доходов, ставила под сомнение одни, обрывала регулярное получение других, затрудняла сношение с Россией. На способности Елизаветы Васильевны, матери Крупской, по-прежнему экономно и умело справляться с хозяйством — уже нельзя было рассчитывать. Ей пошел 73-й год, она была совсем плоха, дряхла и через полгода после приезда в Берн — скончалась (в марте 1915 года).

Во избежание провалов в привычном, годами созданном, образе жизни, — а в этом отношении Ленин ультраконсерватор — нужно было стараться получить возможно более гонорара из России. Но Ленин понимал, что во время войны ему, «пораженцу», это не будет легко. 17 ноября 1914 года он посылает в Москву для Энциклопедического словаря братьев Гранат начатый еще до

войны очерк о Марксе. О размере статьи, ее оплате он давно договорился, но он не может не видеть, что статья с точки зрения цензуры — весьма сомнительная. Забегая вперед, Ленин сопровождает отсылаемую статью следующим письмом к секретарю редакции Словаря: «Не знаю также, удовлетворит ли Вас цензурная сторона: если нет, может быть, удалось бы сойтись на *переделке* некоторых мест в духе цензурности. Я, со своей стороны, без ультимативных требований редакции, не мог решиться на цензурную «правку» ряда цитат и положений марксизма»[53].

Редакция, получив очерк Ленина, ужаснулась его нецензурности. Она считает нужным сделать смягчения, выбросить из него определение социализма, тактику классовой борьбы, страницы, трактующие об эволюции капитализма в земледелии. Наметив купюры, она сообщает Ленину, что может поместить его очерк только в таком ампутированном виде, прося ответить — согласен ли он на указанные изменения?

Ленин видит, что изымаются мысли и положения для него особенно дорогие. Их он считает *важнейшими* взглядами Маркса. Выбрасывается, например, указание, что борьба с буржуазией «неизбежно» приводит к *«диктатуре»* пролетариата, что в «развитых капиталистических странах рабочие *не имеют отечества*», что промышленное процветание «деморализует рабочих», они «обуржуазиваются» и у них, к несчастью пролетариата, «исчезает революционная энергия». Ленин еще в 1908 году пробовал иметь дело с Энциклопедией Граната. В ней должна была идти его статья об аграрном вопросе в России. Редакция, боясь привлечения к суду, полагала, что присланное ей произведение Ленина можно поместить лишь при условии больших купюр и изменений. Ленин тогда совсем не нуждался в деньгах и отверг предложение. Его вообще приводила в бешенство мысль, что кто-то может исправлять им написанное. Даже в «Искре» в 1901 году и 1903 году, то есть в среде близких партийных товарищей, Ленин с таким ражем отстаивал всякую букву в своих статьях, что, по словам Потресова, «всякое редакционное разногласие имело тенденцию превращаться в конфликт с резким ухудшением личных отношений».

В данном случае ничего подобного не произошло. *«Дашь хлеб,* — говорит Великий Инквизитор у Достоевского, — *и человек преклонится*, ибо ничего нет бесспорнее хлеба». Ленину нужен хлеб (и даже с маслом) и он «преклоняется».

Сравнивая посланное Лениным, а это напечатано в томе XVIII его сочинений, с тем, что появилось в XXVIII томе «Энциклопедического словаря» братьев Гранат (7-е издание), стр.

219–243, можно видеть, что усекновение, произведенное редакцией, весьма значительно. Ленин идет на него. Идет с поспешностью, шлет в Энциклопедию не письмо, а телеграмму «consens», то есть согласен. Его письмо от 4 января 1915 года, вслед за телеграммой посланное секретарю Энциклопедии, — принадлежит к числу весьма интересных документов: «Как ни печально, что редакция выкинула все о тактике (без чего Маркс не есть Маркс), я все же должен был согласиться, ибо против выдвинутого у Вас довода («абсолютно невозможно») ничего не поделаешь»[54].

Не верится, что это пишет Ленин! Выемка из его статьи такова, что после нее Маркс, по его убеждению, перестает быть Марксом и — horribile dictu, на такое кощунство, искажение, фальсификацию Ленин соглашается. Давно ли он писал Горькому, что против искажений марксизма «воевать будем, не щадя живота». Оказывается, что живот-то нужно щадить и ради напитания его идти на большие уступки.

Любопытен при этом маневр хитрого Ленина. Его рука не может святотатственно учинить «цензурную правку» цитат из Маркса, и он подсказывает редакции «Энциклопедического словаря»: если вы сами сделаете эти поправки и ультимативно потребуете от меня их принять, — я их приму.

Ленин не только закрывает глаза, что ею Маркса превратили в «не Маркса», он очень вежливенько сообщает, что с «большим удовольствием» продолжал бы писать для Словаря, и это после того как сделанные им опыты сотрудничества в этом издании ему ясно показывают, что дело сие потребует далеко идущего конформизма. Ну, что же, лиха беда начать, а дальше дело пойдет. Раз без оппортунизма (на языке Ленина это ругательное слово) «абсолютно невозможно», тогда «ничего не поделаешь» — буду конформистом и оппортунистом. «Я позволю себе предложить свои услуги редакции словаря, если есть еще нераспределенные статьи из последующих томов. Я нахожусь сейчас в исключительно хороших условиях по части немецких и французских библиотек, которыми могу пользоваться в Берне»[55], и в исключительно дурных условиях по части работы литературной вообще. Поэтому с большим удовольствием взял бы на себя статьи по вопросам политической экономии, политики, рабочего движения, философии и др.».

Этим Ленин не ограничивается. Он хотел бы, чтобы в Энциклопедии дали работу и его жене, а так как имя писательницы Крупской никому не известно, он рекомендует ее: «Моя жена, под именем Н. Крупской, писала по педагогике в «Русской Школе» и «Свободном Воспитании», занималась

особенно вопросом о *трудовой школе* и изучением старых классиков педагогики. Она охотно взяла бы на себя статьи по этим вопросам».

Ссылка на старых классиков педагогии, вроде Песталоцци, имела целью произвести впечатление на либеральных издателей Энциклопедического словаря братьев Гранат — и не произвела. На предложение Ленина редакция Словаря ничего не ответила…

С просьбой оказать содействие в получении заработка стучится Ленин к М. Горькому, совершенно не обращая внимания на то, что тот в это время от него резко отшатнулся.

На отношениях этих двух лиц, не вдаваясь в подробности, нужно непременно остановиться.

Горький уже с 1897 года участвовал в левых и марксистских изданиях, но лишь с 1899 года, после того как он написал роман «Фома Гордеев» и, отходя от анархических идей, склонился к марксизму, его произведения стали привлекать внимание Ленина. Появившуюся в 1901 году в журнале «Жизнь» и имевшую огромный отклик пламенную поэму Горького о «Буревестнике» («Пусть сильнее грянет буря!») Ленин называл «великолепной прокламацией» и сугубо рекомендовал ее распространять. Особое впечатление произвел на Ленина роман Горького «Мать», а с ним он познакомился еще в рукописи. Эта вещь, по мнению Ленина, дала Горькому право на титул «пролетарского художника». Горький уехал из России в 1906 году, Ленин (у него было только одно короткое свидание с Горьким) не имел возможности с ним ближе познакомиться в бытность свою в Петербурге и в Финляндии. Их первая встреча с длительными разговорами произошла сначала в Германии, а потом в апреле 1907 года в Лондоне во время V съезда партии, куда Ленин пригласил Горького в качестве почетного гостя с совещательным голосом.

От этой встречи у Горького осталось несколько комичное впечатление. Ленин, придя к Горькому в гостиницу, после нескольких приветственных слов, быстро подошел к кровати и молча начал шарить рукой под подушкой, одеялом, простынями. «Я стоял, — рассказывал позднее автору этих строк М. Горький, — чурбаном, абсолютно не понимая, что делает и для чего это делает Ленин. Не с ума ли он сошел? Слава Аллаху, мое смущение и недоумение быстро окончилось: Ленин, подойдя ко мне, объяснил, что в Лондоне климат очень сырой, даже летом, и нужно тщательно следить, чтобы постельное белье не было влажным. Это очень опасно и вредно для лиц, как я — Горький — с больными легкими. А мне-де нужно теперь особенно беречься: написав роман «Мать», вещь крайне полезную для русских рабочих и возбуждающую их волю к решительной борьбе с

самодержавием, я тем самым засвидетельствовал, что революция вправе ожидать от меня в будущем продолжения подобного творчества. За такой комплимент я, конечно, Ленина поблагодарил. Только, сознаюсь, немного досадно стало. Хорош или худ роман — не мне судить. Кончая писать, я почти всегда остаюсь недоволен тем, что написал. Все-таки мне казалось, что мою работу не годится сводить к комитетской прокламации, призывающей на штурм самодержавия. В моем романе я ведь старался подойти не только к политическим, но и большим моральным проблемам»[56].

Вторая встреча Ленина с Горьким произошла через год, в апреле 1908 года, на Капри в Италии, куда Ленин приехал по приглашению Горького. С тех пор между ними завязалась переписка, — не всегда нежная. Одно из первых серьезных столкновений произошло по поводу организации на Капри в 1909 году Первой высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы, где десяток рабочих, посланных нелегально из России, слушали цикл лекций по солидно разработанной программе. Школа была организована при ближайшем участии Горького. Он читал в ней лекции о русской литературе и он же привлек часть необходимых для нее средств.

Ленин с острой неприязнью относился к этому предприятию; он не мог примириться с тем, что главные лекторы и руководители школы Богданов, Луначарский, Станислав Вольский, Покровский и другие — «отзовисты». Еще менее он мог примириться с тем, что некоторые из них не разделяют его философского материализма, ищут философского обоснования марксизма в «махизме». Он заявлял, что «отзовизм» и «махизм» — «не социал-демократическое течение», что под покровом таких идейных уклонов в школе на Капри организуется фракция, абсолютно нетерпимая в рядах большевистской партии. Ленин приходил в состояние полного бешенства от идей, защищавшихся одним из лекторов школы — Луначарским, настаивавшим на внедрение в марксизм религиозных начал, связанных с культом человечества, отождествлявшим Бога и человечество в стремлении последнего к Всесознанию, Всеблаженству, Всемогуществу, Всеобъемлющей Вечной жизни[57]. Весьма близкие к этому идеи развивал тогда и М. Горький в романе «Исповедь».

Как воинствующий ислам не мог мириться с воинствующим христианством, так и Ленин не мог выносить «богостроительские» идеи. В школе на Капри, находившейся под особым покровительством Горького, он видел соединение всех скверн. Он старался развалить школу и, в конце концов, это ему удалось[58].

Травля Ленина вызвала протест совета школы, посланный в Париж в так называемый Большевистский Центр, то есть Ленину. Протест гласил: «С самого начала работ школы Большевистский Центр открыто стремился внести в нее разлад и дезорганизацию. Все время он вел против школы печатную и устную травлю, неверно изображая ее направление, как «богостроительское» и «отзовистское», возводя на нее клеветнические обвинения в том, что она служит ширмой для прикрытия нового фракционного центра. По отношению к слушателям школы Большевистский Центр на страницах «Пролетария» применял тактику систематического запугивания с одной стороны, зазывания — с другой»[59].

Под протестом была подпись и М. Горького, однако, Ленин не отнесся к нему столь сурово, как к другим лекторам школы и авторам протеста. В его намерения не входило портить с ним отношения. Он хотел, чтобы произведения писателя с таким громким именем, как Горький, появлялись на страницах редактируемых Лениным изданий.

Ультрапрактический человек, с обостренным убеждением, что для «дела» нужно иметь и приумножать «финансы», Ленин и по другим мотивам находил нужным быть ласковым с Горьким: его связи, его имя, его мастерство добывать деньги — представляли в глазах Ленина огромную важность. В 1907 году при встрече с Горьким, на партийном съезде в Лондоне, Ленин «использовал» его имя при заключении займа, сделанного у владельца мыловаренных предприятий Ж. Фельца для покрытия расходов, связанных с созывом съезда.

Ходатайство о займе поддерживал М. Горький и английский социалист Ленсбери, и так как оба эти имени импонировали Фельцу, он согласился дать деньги, но поставил условие, чтобы их ему возвратили к 1 января 1908 года.

Стоит напомнить, что Большевистский Центр, имевший в руках капитал Шмита, и не подумал о возврате долга. 29 января 1908 года Ленин писал в Лондон Ротштейну, русскому социал-демократу, члену английской социал-демократической партии: «Следовало бы объяснить это англичанину, втолковать ему, что условия эпохи II Думы, когда заключался заем, были совсем иные, что партия, конечно, заплатит свои долги, но требовать их *теперь* невозможно, немыслимо, что это было бы ростовщичеством и т. д.». Долг был уплачен лишь в 1923 году по настоянию Красина, тогдашнего полпреда в Англии.

К политическим высказываниям Горького Ленин относился с презрительной снисходительностью. «Зачем Горькому браться за политику» — писал он однажды, но к Горькому, по словам

Ленина, человеку с «неподражаемой милой улыбкой и прямодушным заявлением, что я плохой марксист», — Ленин чувствовал симпатию. Горький «парень очень милый, капризничает немного, но это ведь мелочь». Смотря на «милого парня», как взрослый на очень талантливого ребенка, Ленин в письмах 1909–1913 годов все время его учит, подтаскивает к большевизму, вводит в курс партийных (правильнее сказать, его — Ленина) планов, предостерегает от критиков ленинской политики и, вместе с тем, не перестает шпынять и упрекать Горького за всякие прегрешения. В 1912 году по поводу статей Горького «Из далека», помещенных в журнале «Запросы Жизни», он без стеснения ему заявляет: «А в «Запросах Жизни» неудачные Ваши статьи. Странный, между прочим… журнал, — ликвидаторски-трудовическо-вехистский». Немного раньше он выражает недовольство по поводу сотрудничества Горького в журнале «Заветы» вместе с социалистами-революционерами Черновым, Ропшиным. Произведения Ропшина-Савинкова «Конь бледный» и «То, чего не было» — Ленин называл «позорными».

Большие упреки получил от Ленина Горький и за его участие в журнале «Современник» рядом с буржуазным демократом Амфитеатровым. «Я думаю, что политический и экономический толстый журнал, при исключительном участии Амфитеатрова, — указывал Ленин, — вещь еще во много раз худшая, чем особая фракция махистов-отзовистов».

Иногда письма Ленина принимали уже угрожающий характер. Горький в 1912 году ему написал, что очень радуется тому, что большевистская группа «Вперед», то есть Богданов, Луначарский, Станислав Вольский и другие, отказываясь от многих своих взглядов, как будто «возвращается» к Ленину. Ленин на это отвечает: «Вашу радость по поводу возврата впередовцев от всей души готов разделить, *ежели*… Но я подчеркиваю *«ежели»,* ибо это пока еще пожелание больше, чем факт… Поняли ли они, что *марксизм* штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось…? *Ежели* поняли, — тысячу им приветов, все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту насмарку. Ну, а ежели не поняли…» И тут Ленин, памятуя, что многие впередовцы — лекторы школы на Капри — друзья Горького и что сам Горький «плохой марксист», делает ему явное предостережение: «Ну, а ежели не поняли, не научились, тогда не взыщите: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем, не щадя живота».

Горький долгое время с поразительным терпением выслушивал нотации Ленина. Тот восхищал его силой воли,

своим «воинствующим оптимизмом». «Эта нерусская черта характера особенно привлекала душу мою к этому человеку».

Моментами Горький все же терял терпение. Однажды он написал Ленину, что вечная распря в партии ему кажется отвратительной, и он удивляется, почему Ленин постоянно стоит в самом центре склоки. «Людей понимаю, а дела их не понимаю». За что Ленин его немедленно отчитал: «Нехорошую Вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную — отмахиваться: «все вы склокисты»».

Другой раз Горький писал, что было бы лучше, если бы лидеры партии вместо склоки и взаимного поливания грязью взялись за составление полезных книг и брошюр. На что Ленин ответил: «Лидеров ругать дешево, популярно, но мало полезно…».

В ноябре 1913 года Ленин, придравшись к словам в статье Горького, что «Бога у вас нет, вы еще не создали его…», «Бог есть комплекс… идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм», — разразился по адресу Горького грубейшей нотацией: «Все Ваше определение (бога. — *Н.В.*) насквозь реакционно и буржуазно… Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыносимейшая мерзость… Всякий боженька есть трупоположство… Вы против богоискательства *только* ради замены его богостроительством!.. А богостроительство не есть ли *худший* вид самооплевания?? Всякий человек, занимающийся строительством *бога*… «созерцает» самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего «я», обожествляемые богостроительством… Вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость»… *мещанской* души, смущаете эту душу ядом, наиболее сладенькими и наиболее прикрытыми леденцами и всякими раскрашенными бумажками!! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право!»[60].

Не передаем всех грубостей Ленина — укажем лишь, что они очень раздражали Горького. Не обращая внимания на попытки Ленина в следующих письмах смягчить грубость: «Не сердитесь, что я взбесился. Может быть, я Вас *не так* понял?» (письмо от 15 ноября 1913 года) — Горький, не порывая с большевиками, решил отдалиться от Ленина.

И действительно, в течение последующих *пяти лет* он не переписывался и не встречался с ним. Он увиделся с ним лишь осенью 1918 года в Кремле, приехав навестить Ленина после покушения на него Фанни Каплан.

С Капри Горький (попавший под амнистию по случаю 300-летия дома Романовых) уехал в декабре 1913 года в Петербург,

послав Ленину в некотором роде отповедь за все испытанные им нападки. Хранится ли это письмо в каких-нибудь архивах или давно уничтожено — не знаем, в кратких чертах его содержание мне поведал сам Горький при одном разговоре, имевшем место летом 1916 года. «Что я написал Ленину? Написал, что он очень интересный человек, ума — палата, воля железная, но те, которые не желают жить в обстановке вечной склоки, должны отойти от него подальше. Создателем постоянной склоки везде являлся сам Ленин. Это же происходит оттого, что он изуверски нетерпим и убежден, что все на ложном пути, кроме него самого. Все, что не по Ленину, — подлежит проклятию. Я написал: Владимир Ильич, Ваш духовный отец — протопоп XVII века Аввакум, веривший, что дух святой глаголет его устами и ставивший свой авторитет выше постановлений Вселенских Соборов»[61].

После такого письма о прежних отношениях нельзя было и думать. «У меня, — писал в 1916 году Ленин Покровскому, — к сожалению, порвалась отчего-то переписка с ним (Горьким. — *Н.В.*)…». Он превосходно знал отчего.

Отношения между ними стали еще более натянутыми во время войны. Узнав из газет, что Горький подписал протест против немецких методов войны, Ленин написал Шляпникову в октябре 1914 года: «Бедный Горький! Как жаль, что он осрамился, подписав поганую бумажонку российских либералишек».

Знал Ленин и другое. Горький в 1915 году организовал в Петербурге журнал «Летопись», куда Ленина не пригласил, тогда как в числе сотрудников указан А. А. Богданов, а для Ленина он bete noire. Кроме того, направление «Летописи», в основе придерживавшейся лозунга «мир без аннексий и контрибуций», не отвечало политике Ленина — превращения войны в гражданскую войну.

Приехав в 1913 году в Петербург, Горький в течение нескольких лет занимал совершенно особую позицию, противоположную той, что защищал с 1929 года *при Сталине.* Прожив восемь лет за границей, отрешаясь в значительной доле от большевистских идей и чувств, он, как никогда раньше, считал себя «западником» и «европейцем». Он резко противопоставлял Запад, Европу, российскому Востоку. «Европеец, — писал он в «Летописи», — вождь и хозяин своей мысли, человек Востока — раб и слуга своей фантазии. Запад рассматривает человека как высшую цель природы, для Востока — человек сам по себе не имеет значения и цены».

Лозунг «стать Европой» был постоянным рефреном Горького в 1914–1916 годах, и когда ему приходилось объяснять, что значит «быть Европой» — он неизменно отвечал: «это значить быть не

рабами, а свободными и культурными людьми, уметь работать и *знать*». Слова *«знать»* и *«просвещать»* не сходили с его языка, как могли то заметить все, кому пришлось, как мне, в то время часто встречаться с Горьким. Знанию он придавал значение почти все решающего фактора. «Интересы всех людей, имеют общую почву, где они солидаризируются, несмотря на неустранимое противоречие классовых трений. Эта почва — *развитие и накопление знаний.* Знание — это сила, которая, в конце концов, должна привести людей к победе над стихийными энергиями природы и подчинению этих энергий общекультурным интересам человека и человечества».

Идейные заботы Горького в это время можно характеризовать — как своего рода революционное «культурничество», «просветительство», что, вместе с влечением к западноевропейскому духу и укладу жизни, резко расходилось с идейными настроениями Ленина, начавшего писать о сгнившем, продавшемся буржуазии, европейском социализме. Ведь как раз в это время Ленин заимствовал у Гобсона отвратительную карикатурную картину о гниющей будущей Европе, «европейской федерации великих держав», паразитически живущей эксплуатацией народов Азии и Африки.

Идейный разрыв между Горьким и Лениным был явен и можно было думать, что Ленин, а это он часто делал с другими, просто скинет Горького со своего счета.

Нет! Ленин очень практичный человек, ему нужен «хлеб» и, забывая прозвище Аввакума и многое прочее, он в январе 1916 года обращается к Горькому с просьбой посодействовать ему в получении заработка. Не считая уже возможным называть его по-прежнему «дорогим Алексеем Максимовичем», он именует его только «многоуважаемым». «Многоуважаемый Алексей Максимович! Посылаю Вам на адрес «Летописи», но не для «Летописи», а для издательства рукопись брошюры с просьбой издать ее. Я старался как можно популярнее изложить новые данные об Америке, которые, по моему убеждению, особенно пригодны для популяризации марксизма и для фактического обоснования его… В силу военного времени я крайне нуждаюсь в заработке и потому просил бы, если это возможно и не затруднит Вас чересчур, ускорить издание брошюры. Уважающий Вас В. Ильин».

Ответа на письмо нет. Не обращая на это внимание, Ленин шлет Горькому новое письмо на этот раз с просьбой издать брошюру жены «Народное образование и демократия». Он сугубо рекламирует ее: «Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и

материалы о новой школе Европы и Америки… Изменения в школе новейшей, империалистической эпохи очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России».

И на это письмо Горький ничего не ответил и, не намереваясь издавать полученные брошюры Ленина в своем издательстве «Парус», просто передал их в издательство Бонч-Бруевича.

Снова, не обращая внимания на молчание Горького, Ленин в июле 1916 года посылает ему еще одно свое произведение «Империализм, как высшая стадия капитализма», ставшее потом кораном Коминтерна. Относясь отрицательно к «Летописи» — журналу Горького, — Ленин, тем не менее, просит Покровского, жившего тогда в Sceaux, под Парижем, и поддерживавшего переписку с Горьким, «ходатайствовать», если книжка его не будет издана, о напечатании рукописи на страницах «Летописи». Ленин прибавляет: «Что касается до имени автора, то я предпочел бы обычный свой псевдоним, конечно. Если неудобно, предлагаю новый: Н. Ленивцын» (письмо к Покровскому от 2 июля 1916 года).

Никакого ответа и на эту посылку Ленина Горький не дал, но в декабре 1916 года Ленин стороною узнал, что, прочитав рукопись, Горький выразил свое недовольство резкими выпадами в ней Ленина против Каутского. «О, теленок!» — со злостью восклицает Ленин по адресу Горького в письме к Арманд от 18 декабря 1916 года.

Угроза «поколеванием». Наследство тетки Крупской

Хотя Ленин в письмах к секретарю Энциклопедического словаря жаловался на «исключительно дурные условия» по части литературного заработка, но, по-видимому, в первые месяцы по его приезде в Берн это не вызывало у него особенного беспокойства.

К концу 1915 года в настроении Ленина что-то меняется — об этом говорит письмо Крупской к Марии Ильиничне от 14 декабря 1915 года: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро. Тут найти что-либо трудно. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку — тоже ни черта. Предприму еще кое-что, но все сие весьма проблематично. Надо думать о литературном заработке. Не хочется мне, чтобы эта сторона дела падала целиком на Володю. Он и так много работает. Вопрос же о заработке его порядком беспокоит. Так вот я хотела о чем попросить тебя. Я последнее время очень много занималась педагогикой вообще и историей педагогики в частности, так что подкована в этой области недурно. Написала даже целую брошюру: «Народная школа и демократия»[62]. Вот я и хотела попросить тебя поискать издателя… Жаль так-же, что не вышло дело с Гранатом. Володя писал им летом, но ответа не получил…».

Невозможно думать, что родные, считавшие своим священным долгом всегда помогать Ленину, узнав, что денежный вопрос его «порядком беспокоит» и его положение таково, что Крупская вынуждена для заработка искать даже «переписку» — остались глухими к зову. Мобилизация помощи началась немедленно, и деньги стали направляться в Цюрих, куда в начале 1916 года перебрались Ленин с женой.

За первое полугодие 1916 года писем, относящихся к этому предмету, нет. От того времени писем вообще почти не сохранилось, военная цензура многие не пропускала. Проследить, да и то с пропусками, поступление к Ленину денег можно лишь с сентября 1916 года. Так, 20 сентября 1916 года он извещает Елизарова, что «200 р. я получил и писал уже об этом; спасибо еще раз».

Обращает на себя внимание следующая фраза в этом письме: «…засяду писать что бы то ни было, ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно».

Как далеко время, когда Ленин гордо заявлял, что не может писать «по заказу», когда метал гневные диатрибы против «буржуазно-торгашеских», «продажных» нравов в печати. Проблема «хлеба» делает несгибаемого Ленина готовым «писать что бы то ни было».

Следующая порция денег — но неизвестно сколько — получена им месяц позднее, на это есть указание в письме от 22 октября к сестре Маняше: «Очень благодарю за хлопоты с издателями и посылку денег».

Приходит и третья порция денег, о ней 26 ноября Ленин извещает ту же сестру Марию: «Мы живем по-старому. Дороговизна все сильнее. За деньги большое спасибо». В этом же письме Ленин уведомляет сестру, что он писал «М.Т.» (то есть Елизарову. — *Н.В.*) о «получении 500 руб. = 869 frs.».

Неважно знать, из каких источников идут эти деньги: являются ли они гонораром, займами, если только они существуют, из остатков «ульяновского фонда», сбором ли средств на помощь Ленину (такой сбор производился в 1916 году) или тем, что выделял из своего заработка Елизаров, служивший в правлении общества «Пароходство на Волге». Но факт налицо: Ленин не оставлен без помощи. Деньги к нему идут. Идут уже несколько месяцев. Поэтому совершенно не понятно паническое письмо, посланное им в октябре 1916 года члену Центрального Комитета Шляпникову, жившему в Стокгольме и поддерживавшему связи с Петроградом: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить *силком* деньги от издателя «Летописи» (М. Горького. — *Н.В.*), коему посланы две мои брошюры (пусть платит; *тотчас и побольше!)* …Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне»[63].

Это не язык Ленина, а насмерть испуганного человека. Это не лик громовержца, как раз в это время в своих статьях и на конференциях в Циммервальде и в Кантале, призывавшего кровавой гражданской войной повергнуть ниц весь буржуазный мир. Это лицо простого обывателя, человека улицы, с ужасом повторяющего: «дороговизна дьявольская», мясо вздорожало, сахар вздорожал, масло вздорожало. Ленин готов писать «что бы то ни было», лишь бы «не поколевать». Его письмо cri d'alarme, корабль тонет. Ленин клянется — «ей-ей жить нечем». И именно это-то и странно. Ведь кроме того, что ему посылают из России, у него (что обнаружится позднее) есть еще дополнительные средства.

Ленинский SOS, панический призыв о помощи, Шляпников не

замедлил передать в Петроград. Отклик последовал довольно быстро. Свидетельство о том — письмо Ленина от 15 февраля 1917 года к сестре Марии: «Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской Банк 808 frs., а кроме того 22/1 я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли… Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: «пенсию» стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка веселая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая»[64].

Не будем допытываться, откуда пришли эти деньги. С сомнением отнесемся и к потере Лениным работоспособности. Она у него громадна. Кроме множества статей и докладов, он за короткое время написал две книги: «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Получение удивившей своим размером денежной суммы, казалось бы, должно избавить Ленина от страха «поколеть» с голоду. Нет, он продолжает беспокоиться и ищет способы обеспечить себя верными и большими доходами. Их должно принести — как вы думаете — что? Издание «Педагогической энциклопедии»! План сего предприятия он весьма произвольно приписывает своей жене, но та в своих «Воспоминаниях» приписываемое ей авторство категорически отвергла, указывая, что «фантастический», по ее словам, план издания этой Энциклопедии составил Ленин. Мы понимаем теперь, что он серьезно говорил: «засяду писать что бы то ни было».

Вот что о сей «фантазии» Ленин писал своему шурину 18–19 февраля 1917 года (обратим внимание на дату!): «Из прилагаемого Вы увидите, что Надя планирует издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии». Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что для нас архиважно.* Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания, очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий. Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире. Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который бы вошел

пайщиком в это предприятие. Если это невозможно и если гоняться за этим значило бы лишь терять время, — Вам, конечно, виднее, и Вы, обдумав и наведя справки, решите этот вопрос, — тогда надо предложить сей план старому издателю, который наверное возьмется. Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили. Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор на имя редактора (т. е. Нади) обо *всех* условиях. Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмет себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает.* Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить подробнее». В постскриптуме: «Издание — 2 тома, в 2 столбца. Выпускать *выпусками,* по 1–2 листа. Объявить *подписку.* Тогда деньги поступят быстро. Если удача, ответьте телеграммой: «Договор энциклопедии заключен». Тогда Надя усиленно возьмется за работу».

Письмо любопытное. В нем, прежде всего, сказывается присущая Ленину глубокая уверенность — раз он пропагандирует какой-нибудь план или идею, они не могут не иметь особую, высшую ценность. Нажимая на Елизарова, он уверяет его, что задуманная «Педагогическая энциклопедия» будет иметь большой успех, выдержит ряд изданий, станет «настольной книгой», и «несомненно» окажется доходным предприятием. Авторитетный тон, с которым Ленин утверждает, что «Педагогическая энциклопедия», по его мнению (а в этой области он полный профан), «заполнит очень важный пробел» в педагогической литературе — вызывает улыбку. Однако в числе изданий, осуществлявшихся по указанию Ленина после его прихода к власти, этой знаменитой «настольной» энциклопедии нет. Он просто забыл о ней и о других затеях цюрихского периода жизни.

Проступает в письме и другая характерная черта Ленина: вечная подозрительность, неверие в самые элементарные людские добродетели. Всякий издатель, будучи представителем в этой области капиталистической фауны, по мнению Ленина — хищник. Даже в большевике Бонч-Бруевиче, которого в письме Ленин именует «старым издателем», он предполагает жулика, способного украсть, перехватить план, закабалить редактора, присвоить все доходы от предприятия.

Самое же замечательное, что письмо Ленина написано почти *накануне* февральского переворота 1917 года (оно пришло в Петербург 11 февраля). Политическая атмосфера в то время была заряжена электричеством. Кажется, никто из обладавших минимумом политического чутья не сомневался, что гроза близится неминуемо. Об этом начали говорить еще в конце 1915 года, когда В. А. Маклаков в произведшей большое впечатление

статье в «Русских Ведомостях» аллегорически изобразил царскую власть в виде шофера, ведущего машину (страну) к неизбежной гибели. Уже в 1916 году начались стачки рабочих. В январе они происходили в текстильном районе Иваново-Вознесенска, а в октябре — в Петрограде. Критика царя и царской фамилии, особенно после убийства Распутина, велась повсюду, почти открыто, без всякой осторожности. Правительственная власть, презираемая всеми, явно разлагалась. Чувствовалось, что нужен только небольшой толчок — и все рухнет.

Ленин читал и русские, и иностранные газеты, он получал письма из России из множества мест, даже из Сибири. В декабре 1916 года он сообщал Инессе Арманд: «Дорогой друг! Получилось сегодня еще одно письмо из СПб — в последнее время оттуда заботливо пишут… Письма… все о том же, об озлоблении в стране (против предателей, ведущих переговоры о сепаратном мире) etc. Настроение, пишут, архиреволюционное». 19 февраля 1917 года Ленин сообщал ей же, что «получили мы на днях отрадное письмо из Москвы… Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник».

Сигналов из России о приближении революционной грозы, которая развалит как карточный домик все здание самодержавия, у Ленина было *предостаточно,* но — странный и неопровержимый факт — эти сигналы *отскакивают от него*. Они не производят на него глубокого впечатления, он не делает из них обычных для него выводов. Передавая полученные известия Арманд, он не провозглашает: «революция идет», а спокойно спрашивает ее: «А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на горах зимой! Прелесть и Россией пахнет»[65].

Вместо совета «собирайтесь» в Россию, Ленин, как видим, рекомендует Арманд учиться кататься на лыжах для будущих прогулок по горам Швейцарии. Но лучшее свидетельство того, что у Ленина не было ни малейшего предчувствия через две недели совершившегося свержения царской монархии — это, конечно, его письмо к Елизарову. Знаменитая хилиастическая машинка Ленина дала резкий перебой как раз *накануне* той революции, в процессе развития которой изменится судьба Ленина и он обрящет своего рода «бессмертие». До сих пор его жизнь, начиная со времени Кокушкина, за исключением некоторых коротких интервалов, аккомпанировалась чувством «быть накануне», а когда «канун» пришел, когда от зари переворота, скажем словами Добролюбова, отделяла «всего какая-нибудь ночь», — Ленин его не узрел.

«Никогда кажется, — пишет Крупская, — не был так непримиримо настроен Владимир Ильич, как в последние месяцы 1916 и первые месяцы 1917 годов. Он был глубоко уверен в том, что надвигается революция». Крупская говорит *неправду*. Мысль, «что надвигается революция», ему вообще присуща с того времени, как он прочитал «Что делать?» Чернышевского. Это его idee fixe, такая же постоянная его принадлежность, как татарские черты лица. Но ведь не об этом идет речь. Речь идет о Февральской революции 1917 года, а ее-то он совсем в это время не ждал. В *январе 1917 года* на собрании молодежи в Цюрихском народном доме, говоря о революции 1905 года, он видел в ней пролог будущей революции, однако приближения ее не ощущал, горестно полагая, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[66].

Ничего уверенного «старикам» не мог сказать Ленин и об европейской революции, хотя доказывал, что капитализм и буржуазия стоят у пропасти. В «Сборнике Социал-Демократа» № 1 в октябре 1916 года он писал: «Социалистическая революция может начаться в самом близком будущем… Возможно, однако, что до начала социалистической революции пройдет 5, 10 и более лет».

В масштабе истории, оперирующей веками, срок в 25 лет может почитаться прогнозом, для ориентации повседневной политики и личной жизни смутная вера, что мировая революция может прийти скоро, а возможно через 10 и более лет — никаким компасом служить не могла. Ленин потом стыдился своей слепоты и несколько раз настойчиво убеждал, что абсолютно никто не мог предусмотреть, что был так близок момент падения царской монархии. «За два месяца перед январем 1905 года и перед февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию» — говорил Ленин на V Всероссийском съезде Советов в июле 1918 года[67].

Месяцем позднее, в полном противоречии с убеждением, что революцию можно сделать назначением восстания (такова была руководимая им Октябрьская революция), Ленин снова пытался реабилитировать свою слепоту. «Революцию нельзя учесть, революцию нельзя предсказать, она является сама собой. И она нарастает и должна вспыхнуть. Разве за неделю до Февральской революции *кто-либо* знал, что она разразится? Разве в тот момент, когда сумасшедший поп вел народ ко дворцу, кто-либо думал, что разразится революция 5-го года?»[68].

Ленин забыл, что в 1905 году, когда поп Гапон вел народ ко

дворцу, он, Ленин, не только «думал», но и писал, что это начало революции и ей предстоит в ближайшем будущем разразиться во всей ее силе. Подобных дум у него не было накануне февраля 1917 года. Он искал тогда капиталиста, способного ему и жене обеспечить такую «архиважную» вещь, как заработок. Он полагал, что надолго, возможно, «на 5, 10 и более лет», обречен быть эмигрантом в каком-нибудь Цюрихе и, чтобы «не поколеть», изобретал планы получения заработка.

И так ли в действительности было тяжко материальное положение Ленина, что вынуждало его писать отчаянные письма: «жить нечем». Нужно же дать на это ответ.

Начнем с одной странной мелочи. В Берне и Цюрихе Ленин с супругой посещали театры и кино, но «ничтожность пьесы, — писала Крупская, — или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи: зря деньги переводим». Подобные налеты на театры Ленин и Крупская практиковали и раньше. В Женеве в 1908 году им было трудно «после революции вновь привыкнуть к эмигрантской жизни. Целые дни Владимир Ильич просиживал в библиотеке, но по вечерам мы не знали, куда себя приткнуть… и мы каждый день ходили то в кино, то в театр, хотя редко досиживали до конца, а уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру».

Такое бросание «зря» денег Ленин мог свободно себе позволить в 1908 году — ведь этот год относится к периоду его просперитэ. Но когда «жить нечем» — мыслимо ли «зря» бросать деньги? Привычек богемы, не думая о завтрашнем дне, тратить все, что есть в кармане, на какой-нибудь пустяк — у Ленина не было. Все, что угодно, только не это: он человек весьма и весьма расчетливый.

Удивляет и другое обстоятельство, назвать его мелочью уже нельзя. Мы упоминали о его правиле: летом бросать работу и ехать куда-нибудь отдыхать. В годы жалоб на безденежье, на то, что «жить нечем» — это правило не отброшено. В 1915 году чета Лениных выехала из Берна, прожила с мая по конец сентября в отеле Мариенталь у подножия горы Ротхорн, в Сбренберге, где «устроились мы очень хорошо». В 1916 году, покидая Цюрих, Ленин и его супруга провели шесть недель в доме отдыха Чудивизе «очень высоко, совсем близко к снеговым вершинам». Высокие местности выбирались потому, что «Ильич очень любил горы», а Крупская находила, что пребывание в таких местах превосходное средство против базедовой болезни, которой она страдала.

Делать заявление вроде того, что «устроились мы очень хорошо», не было в правилах Крупской. Адресуясь к советскому читателю, нужно было тщательно избегать возбуждения у него зависти или мысли, что в эмиграции Ленин жил неплохо. Сообразуясь с этим, она всегда в описаниях их летнего отдыха, сознательно вносила серые или черные тона, клала своего рода большую ложку дегтя в маленький сосуд с медом. Этот прием с большим нажимом применен и при описании их жизни в доме отдыха в Чудивизе. С усмешкой (ее вечный прием) она говорит: «Правда, это был «молочный» дом отдыха — утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед — молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером еще что-то молочное. Первые дни мы просто взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве. Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, *убирать ее надо было самим и сапоги надо было чистить самим*»[69].

Мы понимаем, что Ленин и Крупская, привыкшие к мясной пище, употреблявшие мясо даже в постные дни, введенные в Швейцарии во время войны[70], — могли «взвыть» от молочного стола. Все-таки в этом доме отдыха они прожили полтора месяца и не все же в нем было плохо. Даже допустим, что, по выражению Крупской, «порядочная» публика в сей дом не приезжала, трудно подавить естественно возникающие сомнения: возможны ли выезды на летний отдых, если денег нет, — ведь такие вакации требуют дополнительной траты денег?

Колебания относительно того, нуждался или не нуждался Ленин во время войны, перестают иметь место при знакомстве со следующего рода фактами. После вооруженной демонстрации, организованной большевиками в июле 1917 года, Временное правительство, возглавленное Керенским, хотело арестовать Ленина. Вовремя предупрежденный, он скрылся недалеко от Петрограда. При твердом желании найти его было не трудно, но твердых желаний ни в какой области у Временного правительства не было. По своем приезде в Петроград из Цюриха Ленин поселился в доме № 48–49 по Широкой улице в квартире М. Т. и А. И. Елизаровых, с которыми жила и Мария Ильинична (матери Ленина уже не было в живых, она умерла в 1916 году). В этой квартире и был произведен обыск, только в одной комнате. Производившему обыск Начальнику Контрразведывательного Отделения Штаба Петроградского Военного Округа Крупская заявила, что Ленин и она в квартире родных пользуются одной комнатой. Начальник Контрразведывательного Отделения, нужно

думать, был не настолько глупый, чтобы этому поверить, но, очевидно, большой законник, дальше указанной комнаты не пошел и вместе с тем любезно разрешил всем обитателям квартиры — Елизарову, его жене Анне, ее сестре Марии — присутствовать при обыске.

Что же такое найдено при обыске, бросающее свет на денежные ресурсы, которыми, кроме тех, что мы указывали, располагал Ленин и его жена в Берне и Цюрихе? Обратимся к «Воспоминаниям» Крупской. У ее матери (с 1898 года почти не покидавшей дочь и Ленина) была сестра в Новочеркасске, умершая в апреле 1913 года. Она завещала Елизавете Васильевне свое имущество. О нем, с наигранной усмешечкой, Крупская выражается так: «серебряные ложки, иконы, оставшиеся платья, да четыре тысячи рублей, скопленных за 30 лет ее педагогической деятельности». Деньги были получены в бытность Ленина в Кракове и на имя Крупской положены в один из тамошних банков. С началом войны вклад, как имущество подданной враждебной страны, подлежал секвестру, и Ленин и Крупская искали способы вытащить его из краковского банка. Для этой операции они, по пути в Швейцарию, и остановились в Вене «устроить дело с деньгами», — как пишет Крупская. «Чтобы вызволить их, — объясняла она, — надо было пойти на сделку с каким-то маклером в Вене, который раздобыл их, взяв за услуги ровно половину этих денег. На оставшиеся деньги мы[71] и жили главным образом во время войны[72], так экономя, что в 1917 г., когда мы возвращались в Россию, сохранилась от них некоторая сумма, удостоверение в наличности которой было взято в июльские дни 1917 г. в Петербурге во время обыска в качестве доказательства того, — прибавляла Крупская с иронией, — что Владимир Ильич получал деньги за шпионаж от немецкого правительства».

Объяснение Крупской открывает перед нами совершенно неподозреваемый и непредполагаемый источник средств, которыми, помимо всяких других, обладал Ленин во время войны. Подойдем поближе к этому «неожиданному открытию». Итак, при обыске найдено «удостоверение» о наличности «некоторой суммы» (Крупская ее не называет), оставшейся у Ленина и Крупской от полученного наследства. Протокол о результатах обыска хранится в Архиве Октябрьской революции (Фонд III, инвентарь № 42, т. 7, стр. 28). В руках мы его не держали, надеемся, что его содержание передано точно в № 5 за 1923 г. журнала «Пролетарская Революция». В протоколе перечисляется, что при обыске отобраны шесть немецких книг, статья Ленина на немецком языке, пять телеграмм, заявление

Каменева, записка Ленина к Каменеву, начинающаяся словами «Entre nous»[73], девять писем на немецком языке, два на французском, две записные книжки, адрес завода Феникса и книжка *Азовско-Донского Коммерческого Банка № 8467 на имя г-жи Ульяновой, то есть Крупской.* Никакого другого банковского документа протокол обыска не упоминает. Следовательно, удостоверение о наличности некоторой суммы есть не что иное, как чековая книжка № 8467 указанного банка, а через него, кстати сказать, родные несколько раз переводили в Цюрих деньги Ленину.

Сколько же денег в момент обыска находилось на текущем счете Крупской? В том же номере «Пролетарской Революции» (см. стр. 282) редакция журнала, а редактором его была А. И. Ульянова-Елизарова, в маленьком примечании сообщает: «На текущем счету Н. К. Крупской лежало 2000 рублей. Деньги эти принадлежали редакции выходившего тогда печатного органа секции работниц».

Мы разводим руками от удивления, и ему предстоит нарастать! Кому надо верить? Следуя за Крупской, эти деньги являются остатком от наследства новочеркасской тетки, по словам же Ульяновой-Елизаровой — деньги принадлежали какому-то органу какой-то секции каких-то работниц. А. И. Ульянова, пуская в ход первую пришедшую ей в голову выдумку, не предполагала, что через несколько лет, забыв ее версию, Крупская будет в своих «Воспоминаниях» утверждать другое и, главное, вытащит на свет божий, историю с наследством, а о нем лучше бы молчать.

В этой истории слишком много странного. Почему, например, вместо ссылки на 2000 рублей, Крупская предпочла туманные слова о «наличности некоторой суммы»? В июле 1917 года, на шестом месяце революции, плодившей инфляцию, две тысячи рублей не представляли большой ценности. В интересах Крупской было назвать эту сумму, подчеркнуть ее малость и, вместе с тем, высмеять тех, кто в этой наличности на книжке № 8467 нелепо хотели видеть след денег, якобы платимых Ленину за шпионаж[74].

Но может быть на этой книжке находилась не в июле, а в предыдущие месяцы большая сумма и две тысячи были лишь ее маленький остаток? Не имея возможности ответить на этот вопрос, будем иметь дело *только* с двумя тысячами. Малейшая попытка разобраться в природе этих денег, не просто *верить* в то, что нам о них сообщают, а сообщаемое *проверить,* кидает от одной загадки к другой. В самом деле, сделаем следующий расчет. По завещанию Крупская, по ее словам, получила деньгами

четыре тысячи рублей. «Вызволяя» их из Краковского банка, Ленин и она уплатили маклеру в Вене «ровно половину», то есть две тысячи рублен. Сколько же осталось? Никакая «диалектика» не отменяет арифметику. Осталось две тысячи — и на это «мы жили до войны», то есть 1915, 1916, 1917 годы вплоть до конца марта, когда в пломбированном вагоне Ленин выехал в Петроград. Если «жили» на эти деньги, значит, тратили, однако, после их трат эти деньги не исчезают и в виде *все тех же 2000 рублей* оказываются на текущем счете в Азовско-Донском банке!

Наследство от тетки, представленное русскими рублями, прибыв в Краков, должно было конвертироваться в австрийские шиллинги. Шиллинги, переведенные через Вену в Берн, должны были обратиться в швейцарские франки. Нужна была еще третья операция, чтобы «остаток» от непрожитых Лениным и Крупской франков снова превратился в русские рубли и в виде 2000 рублей предстал на текущем счете № 8467. Когда же, где, при каких условиях, по какому курсу Ленин и Крупская произвели эту третью операцию? При последних переводах денег из Петрограда в Цюрих через Азовско-Донской банк Ленин за 500 рублей получил 869 франков — о том указание в одном из его писем. Пользуясь этим индексом курса, мы должны заключить, что к концу пребывания Ленина в Цюрихе остаток от наследства должен был составлять *3476* франков, именно эта сумма, обмененная на русские рубли, дает *2000 рублей.* За полный пансион в Чудивизе Ленин и Крупская (см. ее «Воспоминания») платили пять франков за двоих в день. Предположив, что их жизнь в Цюрихе со вкушением не только одних молочных продуктов (от них «они взвыли») была даже вдвое дороже (что, конечно, преувеличено), общий расход составит 300 франков в месяц. Не будь у них ничего, кроме указанных 3476 франков, то и тогда *без лишений, без всякого заработка* и без прихода денег (а они приходили!) из России — имеющихся у Ленина средств хватило бы по меньшей мере на 10 месяцев. Почему же Ленин посылал панические письма? Непонятно!

Чтобы понять это «непонятное», приходится просеивать, сопоставлять, взвешивать такие факты и мелочи, которые могут быть найдены лишь за кулисами, в области скрытой, скрываемой, умалчиваемой жизни. В этом трудность. Умолчание и конспирирование Крупской, ее затуманивание средств, на которые Ленин и она жили за границей, совершенно исключает доверие к ее словам. Можно, например, предположить, что полученное наследство было больше, чем четыре тысячи рублей. Тетушкины «серебряные ложки и иконы», о которых Крупская столь презрительно упоминает, при ликвидации имущества,

может быть, тоже составили какую-то ценность. По этой причине или потому, что маклеру в Вене было уплачено меньше, чем, для красного словца, с преувеличением рассказывает Крупская, чета Лениных прибыла в Берн с суммой, наверное превышающей восемь тысяч франков. Не без основания же Ленин, приехав из Кракова, писал сестре Анне 14 ноября 1914 года: «В деньгах я сейчас не нуждаюсь». Если бы полученное наследство было менее 8 тысяч франков, остатка в виде 3476 франков (2000 рублей) к моменту отъезда в Россию *не могло бы быть.* Уйти от этого «математического» вывода нельзя, но вместе с тем, придется признать, что все, от начала до конца, указания Крупской ложны.

Нужно к этому прибавить, что, кроме денег новочеркасской тетушки, в руках Ленина были другие средства. Вот какие. С 1914 по 1917 годы за границей, в Швейцарии, находились два члена Центрального Комитета большевиков Ленин и Зиновьев. В дополнение Ленин в сентябре 1915 года «кооптировал» в ЦК Шляпникова, жившего в Стокгольме. Этому ЦК из трех человек формально принадлежал денежный фонд партии, состоящий из каких-то остатков наследства Шмита и небольших поступлений от сбора денег среди эмигрантов-большевиков или им сочувствующих. Всем фондом фактически распоряжался только Ленин с помощью Крупской. На средства из этого фонда со времени переезда Ленина из Кракова были изданы 26 номеров журнала «Социал-Демократ» (№№ 33–58), два «Сборника Социал-Демократа» (в октябре и декабре 1916 года), сборник статей Ленина и Зиновьева «Социализм и война» (2000 экземпляров) и несколько прокламаций. Из того же фонда Ленин выдавал средства разным лицам при выполнении ими партийных или, правильнее сказать, ленинских заданий — ведь по убеждению Ленина то, что нужно делать партии, знал только он и больше никто. Например, письмом в Христианию летом 1915 года Ленин извещал Коллонтай: «Деньги Вам высылаем завтра». В августе того же года Ленин писал Шляпникову, собиравшемуся нелегально ехать из Стокгольма в Россию: «Финансовые дела наши Вам известны: Надежда Константиновна писала подробно (кроме посланных, обещаны 600 frs, до 10.X.+400 frs еще через месяц. Итого 1000 frs. На большее *пока* нет надежды)».

Партийным фондом Ленин распоряжался как скупой и расчетливый хозяин и, по своему обыкновению, всегда ссылался на то, что партийный фонд исчерпан. Просимую у него сумму он неизменно стремился уменьшить. Той же Коллонтай он в сентябре 1915 года писал: «Денег нет, денег нет!! *Главная* беда в этом!». На просьбу Радека Ленин в это же время ответил: «Вопрос о деньгах обсудим с Григорием (Зиновьевым. — *Н.В.*). Мы сейчас

сидим без денег!!».

Жалуясь на безденежье, Ленин тем не менее 19 сентября 1915 года сообщал Шляпникову: «Мы обдумываем план издания прокламаций и листовок для транспорта в Россию. Не решили еще, где издавать, здесь или в скандинавских странах. Надо выбрать самое дешевое, ибо расстояние не важно». Деньги, значит, все-таки были, раз обдумывали указанный план и раз регулярно выходил журнал и печатались разные сборники. Потребность разоблачать, клеймить, наставлять, проповедовать, указывать «что нужно делать», потребность выражать это *в печатном слове* (в крайнем случае в письме) у Ленина была почти такой же физической потребностью, как есть и пить. Требуя перепечатки своих тезисов из № 47 «Социал-Демократа» (вышел в октябре 1915 года), Ленин 30 марта 1917 года писал Ганецкому: «Эти тезисы теперь архиважны». Убежденный, что устами его глаголет сама истина, Ленин, конечно, считал, что в обнародовании его директив, «тезисов», статей, наставлений и заключается главнейшее назначение денежного фонда партии.

Но представим себе, что в 1916 году Ленину было действительно «нечем жить». Зиновьев в это время получал из фонда жалованье («диету»). Неужели же Ленин, имея большее, чем Зиновьев, право на партийное жалованье, все-таки предпочел бы «поколеть», но не коснуться денег, предназначаемых для печатания творимых им «тезисов» и «директив»? Предположение настолько и абсурдно, и смешно, что немедленно отпадает. Если Ленин «поколеет» — то кто же тогда будет «творить тезисы»? Пока существовал некий партийный фонд[75], и к нему вдобавок существовал фонд «новочеркасской тетушки» Крупской, — о «поколевании» не могло быть и речи, В таком случае, что же значат панические призывы Ленина, почему он «серьезно уверяет, что тонет от нужды»? Попробуем дать объяснение этой загадки, заключающей в себе и странную историю с чековой книжкой № 8467.

Накануне Октябрьской революции 1917 года Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» заявил, что он никогда не испытывал нужды: «О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы»[76].

Сколь ни громадно — положительное, по мнению одних, отрицательное, по убеждению других, — историческое значение писательской работы Ленина, не она кормила его, приносила хлеб. Ему не следовало бы, обнаруживая явную неблагодарность, забывать, что в хлебе его сыграли роль и пенсия матери, и доходы от Кокушкина — имения деда, и доходы от Алакаевки, и

наследство астраханского Ульянова, и помощь Елизарова, и субсидии Ерамасова, и наследство Шмита, и наследство новочеркасской тетки.

Но в основном его заявление правдиво и честно: он, действительно, *никогда не знал нужды.* О том свидетельствует его протекшая жизнь, начиная с счастливого детства в Симбирске. Не зная никогда богатства, чураясь и презирая его, он в то же время привык иметь скромную, сытую, без всяких провалов, жизнь. Что бы ни происходило, а хлеб с маслом, «бифштекс», чистую рубашку, чистое белье — он должен иметь и привык иметь. Это его прожиточный минимум. Он не «морализировал» по этому поводу, так как моральными «бирюльками» он никогда не занимался. Он и не «философствовал», для него все тут было ясно и просто. Прожиточный минимум определен его давними привычками, воспитанием, — он должен материально обеспечить ему работоспособность, то есть *ту идейную и политическую активность,* без которой был бы утерян самый смысл его, Ленина, существования. И так как он «оптимист», то убежден, что так или иначе, а деньги на жизнь — *откуда бы они ни шли* — у него будут.

Вопрос о хлебе встал *впервые* у него *только* во время войны. В его понимании война была естественной предпосылкой, пролегоменой, входом в мировую революцию, а ее он хотел всю жизнь и ждал, как верующий человек ждет Мессию. Для развязывания очищающей мир от всякой скверны революции, нужно, по его убеждению, идти на все жертвы. Ленин пришел в бешенство, слушая в 1920 году на заседании II Конгресса Коминтерна речь немецкого делегата Криспина, заявившего, что революцию в Германии можно произвести лишь в том случае, если рабочие будут знать, что она «не слишком» ухудшит их положение. «Допустимо ли, — воскликнул Ленин, — говорить в коммунистической партии в таком тоне? Это контрреволюционно. У нас в России уровень благосостояния ниже, чем в Германии, и когда мы ввели диктатуру, то последствия выразились в том, что рабочие стали голодать сильнее и уровень их благосостояния сделался еще ниже»[77]. Для торжества революции, вещал Ленин, и это было его давнишнее убеждение, нужно идти на жертвы, не бояться тяжелых лишений. «Победа рабочих недостижима без жертв». Ухудшение положения трудящихся во время войны есть *необходимое* звено в цепи бедствий, создающих революционизирование психологии рабочих масс, тем самым способствующее превращению войны внешней в войну гражданскую. Ухудшение положения рабочих вызывается неизбежным во время войны ростом цен, дороговизной жизни, следствием инфляции, бременем военных непроизводительных

расходов, уменьшением производства предметов потребления и т. д.

Ленин — стратег мировой революции, казалось бы, должен только радоваться, что разложение хозяйственной жизни с его спутником — дороговизной жизни, охватывая воюющие страны, уже бьет по таким нейтральным странам, как Швейцария. Что же мы видим? «Grau, teurer Freund, ist alle Theorie». В полном противоречии со своими политическими взглядами, Ленин клянет рост дороговизны жизни в Швейцарии, она бьет его, и она действительно была очень значительна. В сравнении с 1914 годом стоимость жизни в 1915 году поднялась на 19 %, в 1916 году на 40 %, в 1917 году продолжала расти и в среднем за год поднялась на 80 %. Забывая убеждение, что торжество революции требует лишений, Ленин в четырех письмах этого периода с каким-то ужасом повторяет: «Дороговизна дьявольская», «дороговизна все сильнее», «дороговизна совсем отчаянная»…

Ленин в домашних туфлях совсем не похож на бога с Олимпа. Это не олимпиец, а самый обыкновенный человек, каких сотни миллионов, человек, законно боящийся, что со стола исчезнет порция мяса или масла. Ни он, ни Крупская в это время, разумеется, не голодуют, у них есть деньги и, несмотря на это, Ленин нервничает. Если бы он знал, что через полгода наступит революция, его расчеты были бы иными. Но мы видели, что на этот счет у него не было *ни малейшего предчувствия.* Он думал, что предстоят еще годы эмиграции в тяжелой военной и послевоенной обстановке, и он спрашивал себя, как же прожить при «дьявольской», идущей скачками, дороговизне.

Почему же «паника», находящая себе выражение в письме к Шляпникову, охватывает его *именно во второй половине 1916 года, после августа?*

Два события, для него важные, происходят в это время. Первое — смерть матери. В одном из своих последних писем к ней (12 марта 1916 года) он писал: «Надеюсь, что у вас нет уже больших холодов, и ты не зябнешь в холодной квартире? Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы». Ей не пришлось долго отдыхать с приходом теплой погоды: 25 июня она скончалась. Для Ленина это тяжелый удар. Мать он любил, а кроме того, как бы далеко от нее ни находился, она всегда была его *опорой,* поддержкой. Вся ее жизнь была служением детям, — особенно ему. С полной уверенностью он мог бы себе сказать, что пока мать жива — она не даст ему потонуть. И вот ее нет. Волнует Ленина и другое событие. Вскоре после смерти матери была арестована его сестра Анна, о чем Елизаров известил его условными терминами. «Весть о том, — отвечал ему Ленин, —

что Анюта в больнице (тюрьме. — *Н.В.),* меня очень обеспокоила… Буду с нетерпением ждать вестей почаще, хотя бы кратких».

Арест сестры Анны обеспокоил Ленина по двум причинам. Во-первых, по партийным и политическим соображениям, а во-вторых, из соображений чисто личного характера. С исчезновением Анны обессиливалась большевистская организация Петрограда. В это время ее «возглавляли» или, лучше сказать, в ней шевелились такие будущие знаменитости, как Калинин, Молотов и Андреев. По-видимому, этим персонам, связи и переписке с ними Ленин в то время не придавал значения, потому что, узнав об аресте сестры, жаловался Шляпникову: «Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса (конспиративная кличка Анны Ильиничны. — *Н.В.*), а теперь и его нет!!»[78]. Ценной политической фигурой Ленин свою сестру все же не считал. «Что касается Джемса, — писал он тому же Шляпникову, — то он никогда не разбирался в политике, всегда стоял против раскола. Прекрасный человек — Джемс, но на эти темы его суждения неверны глубоко»[79]. Решающим аргументом в таком суждении у Ленина было: «Джемс всегда стоял против раскола»!! Тем не менее, заявлял Ленин — «Джемс прекрасный человек». Еще бы! Мы уже видели, что с 1895 года Анна Ильинична обслуживает Ленина в качестве верной, преданной, неутомимой исполнительницы его всегда многочисленных поручений. Никто лучше Анны не исполнял его поручения и, за исключением матери, никто так зорко не следил за тем, чтобы «Ильич» не испытывал материальных стеснений. Дружески относясь к всегда спешившему ему навстречу Елизарову, любя «Маняшу», более чем Анну (она все-таки была против «раскола» партии — это не забывается!), Ленин знал, что как бы Маняша и Елизаров ни старались быть ему полезными, они не могут заменить практичную, настойчивую, опытную в ведении его дел Анну. Смерть матери и арест сестры[80], почти одновременное исчезновение двух «ангелов-хранителей», создали у Ленина чувство *провала,* беспокойства перед слагающимися новыми для него условиями жизни. Под влиянием этого чувства, Ленин в октябре 1916 года и послал Шляпникову: «Ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне».

Но это не было серьезно. Было совсем несерьезно. Мысль, что он может самым вульгарным образом «поколеть» с голоду, никогда, ни на одно мгновение, у него не возникала. Она совершенно не согласуется с его натурой.

Достоевский об Иване Карамазове говорил, что у него «исступленная, неприличная жажда жизни». Явно видимая, такая

же неистовая, исступленная жажда жизни с бессознательной тягой к политическому бессмертию была и у Ленина. В этом, быть может, и есть один из таинственных магнитов, притягивавший к нему многих и многих людей.

Неистовая жажда жизни не покидала его и в годы болезни, перед смертью. Как лев он боролся с болезнью и смертью, с редким, ребяческим послушанием исполняя все требования лечивших его докторов[81]. Надежда возвратить работоспособность не покидала его до конца, даже когда, потеряв дар речи, с отнявшейся, парализованной правой рукой и ногой, он превратился в полутруп. Можно ли поверить, что в 1916 году этому человеку, переполненному волей и жаждой жизни, близка была мысль, что ему предстоит «поколеть с голоду». Есть от чего расхохотаться!!

Что же тогда представляет письмо к Шляпникову? После того, что сказано и показано на предыдущих страницах, ответа, в сущности, можно бы и не подсказывать. Горький был прав, указав в числе черт Ленина «хитрецу Василия Шуйского». «Хитрецой» — и в очень большом количестве — он несомненно обладал, и она очень часто проступала на его очень подвижном лице. И это какая-то странная хитреца. Хитрые люди о своей хитрости не говорят, ее прячут, а Ленин открыто преподавал своим товарищам: нужно уметь идти на «всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды»[82] У него это логически связывается с убеждением — цель оправдывает всякие средства, а такое убеждение он усвоил от Чернышевского еще в Кокушкине в 1888 году. В область денежных дел Ленин *всегда* вносил «хитрецу», «умолчание», «сокрытие правды», и эти приемы, в деликатной форме он допускал и в сношениях с родными. Во времена «Искры» (1901–1903 годы), с целью побудить товарищей «тащить» со всех сторон деньги в партийную кассу, Ленин, скрывая правду, пугал их, что касса пуста («жить нечем») и «Искра» накануне финансового краха. В письме Горькому из. Парижа (14 ноября 1910 года) он жаловался, что на затеянную им «Рабочую Газету» «собрали 400 frs с трудом»[83], тогда как в руках Большевистского Центра, помимо всяких секретных сумм, было 30 тысяч франков, с ведома меньшевиков и по настоянию Ленина выделенных из капитала Шмита на издание литературы типа «Рабочей Газеты». Отвечая в апреле 1908 года на приглашение Горького приехать к нему на Капри, Ленин накануне приезда сообщил, что не может сказать — приедет или нет. «Не знаю, найду ли денег: как раз теперь затруднения»[84]. Никаких финансовых затруднений у него тогда не было. Мы видели, что это была эпоха его благоденствия. «Хитрые» маневры

для увеличения «финансов» партии Ленин пускал в ход и тогда, когда, получив капитал Шмита, большевистская партия приобрела, по признанию Крупской, «прочную финансовую базу». Т. И. Алексинская, свидетель не всегда надежный, но в этом случае заслуживающая доверия, писала, что в 1908 году она помогала Крупской (та об этом упоминает) вести корреспонденцию с партийными организациями. Чтобы письма не привлекали к себе внимания полиции, Алексинская составляла «скелеты», ничего не значащие, невинные сообщения, а Крупская между строк симпатическими чернилами вставляла разные директивы Ленина.

«В посланиях Ленина, — сообщает Алексинская, — я часто встречала просьбу о деньгах[85]. Нужно писать так, — ей объясняла Крупская, — чтобы их (кому адресуются письма) *разжалобить,* иначе *товарищи* из России нам не пришлют денег. Нужно, чтобы они верили, что *если не получим немедленно денег, мы все погибли. Письма должны быть слезливыми.* — Это вас шокирует?» — спросила Крупская, видя смущение Алексинской. Тут, как и всегда, Крупская была только эхом Ленина.

Оригинальность Ленина в том, что в его самооценке отсутствовало столь обычное и у многих больших людей — мелкое самолюбие, самолюбование. А всего этого было изрядное количество, например, в Троцком, после Ленина виднейшей фигуре Октябрьской революции. Троцкому не было и 48 лет, когда он начал писать автобиографию, с тщеславием рассказывать о своей жизни и свершенных в ней революционных подвигах.

Ничего подобного этому тщеславию не было у Ленина, но у него было нечто другое и *неизмеримо большее.* Он непоколебимо верил, что в нем олицетворяется идея и участь Великой Революции, что только — *он один* обладает верным знанием, как вести революцию, обеспечить ей успех, и поэтому-то ему, всевидящему водителю, нужно сохранять и оберегать свою жизнь.

Вопросом — почему «*только он один*» обладает безошибочным знанием — Ленин вряд ли когда занимался. Вера в *свою избранность* и *предназначенность* вошла в него с давних пор и по своей психологической сути она подобна вере, что жгла душу Магомета, когда тот гнал арабов на завоевание мира. При всем своем грубом материализме и воинствующем атеизме — Ленин все-таки своеобразный религиозный тип. На поддержку себя он смотрел, как на поддержку революции, а при таком понимании — цель оправдывала все средства и, следовательно, хитрости, сокрытие правды, умолчания, слезливые или пугающие письма (гибну! жить нечем! тащите побольше денег!) делались

приемами законными, естественными, не могущими вызывать никакого осуждения.

В 1916 году Ленин с тем большим основанием считал необходимым применять этот прием, что с беспокойством рассчитал, что с капиталами от новочеркасской тетки и тем, что он может взять из оставшегося партийного фонда, — придется в течение, может быть, очень долгого времени жить в Швейцарии при порожденной войной растущей дороговизне, без твердых перспектив что-либо заработать в легальной прессе.

Конечно, нельзя сказать, что нужные деньги он хотел получить только пуганием о близости к «поколеванию». Для заработка он был готов писать «что бы то ни было». Сестре Маняше он писал, что готов взяться за всякие переводы. Он просил ее зондировать, нет ли издателя, например, на такие книги: Hobson, «Imperialism», Kemmerer. «Technischer Fortschritt», Gilbert «Motion Study». Ленин не знал, что книга Джильберта была переведена на русский язык в 1913 году. «Если не подошли, извести, буду искать других» (письмо от 22 октября 1916 года).

Писать или переводить ради заработка детективные романы он не станет, перо его к такому жанру литературы никак не приспособлено, но что он может пойти на разные выдумки, неожиданные трюки, этому доказательство — его «фантастический» план «Педагогической энциклопедии».

Фразу Горького, что у Ленина была «хитреца Василия Шуйского» (а это не комплимент!), мы взяли из его некролога о Ленине, помещенного в журнале «Русский Современник» (1924, № 1). Можно предвидеть замечание, что Горький действительно говорит о хитреце Ленина, но дает такой его общий образ, который исключает наше истолкование поступков, мыслей, психики Ленина.

Чтобы не было обвинений, что мы искажаем лицо исторической личности, посмотрим, что же Горький говорит? Главнейшее расхождение вот в чем. В то время как мы утверждаем, что Ленин считал нужным заботиться о себе, умел охранять себя и создавать необходимую для него материальную обстановку жизни, Горький утверждает обратное. Ленин — будто бы «совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей. Его внимание к ним возвышалось до степени нежности, свойственной только женщине, и каждую свободную минуту он отдавал другим, не оставляя себе на отдых ничего… Но в этом его чувстве я никогда не мог уловить своекорыстной заботливости, которая иногда свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам».

Можно ли согласиться с цитированным пассажем,

изображающим Ленина почти персонажем из Евангелия? Нет ли тут фальши, которая, несмотря на талант Горького, так замечается во многих его произведениях?[86]

Мы говорим о Ленине — эмигранте, до прихода к власти. Горький же берет кремлевский период жизни Ленина и весьма незаконно психику этого времени обобщает, делает из нее черту, якобы присущую натуре Ленина. Ленину, живущему в Кремле, действительно не нужно было о себе заботиться. О нем заботились другие, *все* заботились. Период его личной «борьбы за существование» был окончен, был позади. Ни о какой материальной прозе, о которой ему нужно было заботиться, например, в Берне и Цюрихе, то есть о квартире, освещении, пище, одежде и т. п. больше не приходилось думать. У него уже все было. Под его рукой, можно сказать, находились все ресурсы государства.

Было бы диким, чудовищным эгоизмом, если бы, находясь в таких, с точки зрения личного благополучия, исключительных условиях, Ленин совершенно забыл о своих товарищах, не оказал бы им помощи. В эмиграции слыша о нужде и самоубийствах от голода, Ленин говорил: «Партия не «Армия Спасения», она может помогать лишь наиболее полезным для революции лицам». Встав у власти, имея для этого возможности, Ленин, естественно, расширил круг помощи.

Чем, например, он мог в эмиграции «помочь» Горькому? Ничем. Но после того, как осенью 1918 года Горький, подавляя свое раздражение Лениным, в сущности, отрекаясь от всего того, что после Февральской революции и накануне Октябрьской писал в газете «Новая Жизнь» о Ленине, склонился перед ним, — последний в отношении к нему проявил много заботливости. Узнав, что Горький начал харкать кровью, Ленин настойчиво советовал ему уехать лечиться за границей, и что было особенно важно, обещал ему выдать из запасов Государственного банка необходимую иностранную валюту. «В Европе, — писал Ленин Горькому, — в *хорошей* санатории будете и лечиться и *втрое больше дела делать*. Ей-ей! А у нас ни леченья, ни дела — одна *суетня*. Зряшная *суетня*. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямьтесь, прошу Вас»[87].

Он писал это в августе 1921 года. То был уже не прежний Ленин, а человек во многом разочаровавшийся от всего испытанного, до крайней степени уставший, в том же письме говоривший о себе: *«Я устал так, что ничегошеньки не могу»*.

Вкусивший от древа познания добра и зла, этот Ленин моментами бывал очень недалек от экклезиастических чувств «суета сует — все суета». С истощенными силами этот Ленин не

мог уже драться с прежним ражем. Он менее злился, стал более мягким, более снисходительным, а потому и более заботливым о людях. И все-таки и тогда в общении Ленина проявлялось нечто отличное от того, что утверждает Горький. В сентябре 1913 года узнав, что Горький болеет, Ленин писал ему: «То, что Вы пишете о своей болезни, меня страшно тревожит. Хорошо ли Вы поступаете, живя без леченья на Капри… Я страшно боюсь, что это повредит здоровью и подорвет Вашу работоспособность… Право, съездите-ка Вы к первоклассному врачу в Швейцарии или в Германии, — позаймитесь месяца два *серьезным* лечением в *хорошей* санатории. А то расхищать зря казенное имущество, т. е. хворать и подрывать свою работоспособность — вещь недопустимая во всех отношениях».

Если бы Ленин не считал Горького ценным «казенным», то есть принадлежащим революции имуществом, если бы Горький не писал полезных, нужных для революции произведений, он, конечно, им не интересовался бы и ему не пришло бы в голову в Лондоне шарить рукой в постели Горького, узнавая, не сыро ли в ней белье. Не отпустил бы он ему в 1921 году и иностранной валюты, если бы не рассчитывал на пользу, могущую быть оказанной за границей писателем, к слову которого прислушивались. Заботливости Ленина о некоторых товарищах и, в частности о Горьком, последний придал такое обобщенное, искаженное представление и толкование, сделал такой фальшивый вывод, что в цитированном пассаже Ленин превратился в не-Ленина.

Попробуем выпрямить искажение.

Ленин с детских лет был «командиром». С 1890 года за ним и около него уже целая политическая свита. В течение своей жизни он был в хороших отношениях по меньшей мере с сотней лиц, но только с двумя — с Мартовым и Кржижановским — на очень короткое время был на ты[88]. Вне политического и теоретического единомыслия, вне деловых отношений у него ни с кем, кроме родных, особенно с сестрой Маняшей, не было прочного душевного, эмоционального контакта. Строжайшее правило, которое сформулировал себе Ленин осенью 1900 года, после глубоко потрясшего его столкновения с Плехановым: *«Надо ко всем людям относиться без сентиментальности, надо держать камень за пазухой»* — осталось у него на всю жизнь. Он всегда был настороже. Всегда недоверчив. Всегда с опаской следил, нет ли у его окружения, его товарищей, каких-либо *уклонов* от системы идей, им разделявшихся. Его ожесточенная борьба на II съезде партии в 1903 году за такой, казалось бы, пустяк, как «параграф 1-ый» устава партии (определение о принадлежности к партии),

не может быть понята, если не знать, что он хотел в формах организации, установить «осадное положение» (его слова), не позволяющее проявляться в партии никаким уклонам.

Несмотря на его глубочайшее недоверие к людям, к нему тянулась масса людей: он несомненно обладал неким таинственным магнитом. Бухарин даже говорит — «исключительным обаянием».

После Октября 1917 года за этим притяжением к Ленину — если в нем покопаться поглубже — стояло чувство благодарности к тому, кто вытащил из низов на верх тысячи самых маленьких людей и в качестве членов господствующей партии поставил на важные посты управления государством.

Расходясь с кем-либо теоретически и политически, Ленин обычно порывал с ним всякие личные отношения. «Все, уходящие от марксизма, мои враги, руку им я не подаю и с филистимлянами за один стол не сажусь», — сказал он мне в конце нашей последней встречи[89].

Моральными качествами своих товарищей Ленин никогда не интересовался. Кржижановский рассказывает, что в Сибири, когда в присутствии Ленина о ком-нибудь говорили: «он хороший человек», Ленин всегда насмешливо спрашивал: «А ну-ка скажите, что такое хороший человек?..» По словам того же Кржижановского, он с полнейшим равнодушием относился к указанию, что «то или иное лицо грешит по части личной добродетели, нарушая ту или иную заповедь праотца Моисея». Ленин в таких случаях — я это слышал от него — говорил: «Это меня не касается, это Privatsache», или «на это я смотрю сквозь пальцы».

Относясь индифферентно к морали, Ленин под «хорошим человеком» разумел выдержанного марксиста, ценного, на взгляд Ленина, партийца, революционного боеспособного человека очень полезного его партии, а потом, после 1917 года, нужного и полезного руководимому Лениным государству.

В 1914 году, в бытность Ленина в Кракове, откуда он руководил большевистской фракцией в Государственной Думе и партийной петербургской прессой, к нему приехал большевик Самойлов, депутат IV Думы. Ленин, видевший его впервые, но считавший его полезным «винтиком» в машине революции, «партийным имуществом», узнав, что Самойлов болен, счел необходимым послать его лечиться в Берн. И давая жившим в Берне большевикам наказ оказать всякую помощь Самойлову, не владевшему ни одним иностранным языком, Ленин весьма серьезно писал: «Видимо, надо свозить Самойлова к лучшему нервному врачу и перевести в санаторий, где бы был

систематический уход и присмотр. Сделайте это, пожалуйста. Не стесняйтесь расходами на телефон и поездки: в случае надобности мы все это покроем, ибо во что бы то ни стало надо к осени поставить Самойлова на ноги».

Заботой о Самойлове руководили не какие-либо сентиментальные чувства, не особое сочувствие к данному лицу, не импульс дружбы или симпатии (Самойлова он не знал), а чисто утилитарная оценка с точки зрения пользы партии. Он считал, что речи Самойлова в Государственной Думе по *конспекту* Ленина очень полезны. По этой причине — и только по этой — Самойлов почитался ценным «партийным имуществом» и его нужно беречь, охранять, делать «репарации», в данном случае, в форме лечения.

Такой подход к людям, разумеется, не исчез у Ленина, когда он стал у власти и в качестве правителя страны познал острую нужду в исполнителях, способных со знанием, умением, пользой обслужить во всех областях советское государство. Раз коммунистическая партия стала господствующей, из ее рядов, по взглядам Ленина, и нужно было выбирать людей на различные ответственные и командные посты.

При выборе этих лиц Ленин, естественно, вспоминал тех, кого близко знал в тюрьме, в ссылке, в эмиграции, по партийным съездам, по партийной переписке. Вместе с тем он очень скептически относился к их деловитости, знанию практической жизни, умению управлять государственными делами. На XI съезде партии 27 марта 1922 года Ленин с сарказмом говорил: «Вопрос в том, что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран, с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабазе десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает… У нас 18 наркоматов, из них не менее 15-ти — никуда негодны, — найти везде хороших наркомов нельзя…»[90].

Не менее грустную картину наблюдал Ленин и в промышленности, где беспартийным специалистам приходилось работать под началом таких горе-руководителей: «Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять

работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца»[91].

А. Д. Цюрупа, бывший вместе с Рыковым и Каменевым главным помощником Ленина в последние годы его жизни, часто болел и все-таки продолжал работать. Ленин, видя, что такая работа через силу не может продолжаться и, расстраивая ход дела, окончательно выведет из строя этого ценнейшего работника, прислал ему следующую записку: «Дорогой Александр Дмитриевич! Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом. Предписание: три недели лечиться!.. Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться!»[92].

Термин на протяжении лет меняется: удостаивающееся внимания лицо называется то «партийным имуществом», то «казенным имуществом», но суть отношения к человеку остается одной и той же. Не нужно апеллировать к товарищеским чувствам или сочувствию к болеющему человеку, раз забота о нем диктуется в глазах Ленина гораздо более важным мотивом: Цюрупа[93] — ценное казенное имущество, беречь его командует raison d'État, польза «пролетарского государства», огромная нужда в добросовестных, умеющих, знающих свое дело начальниках, руководителях. Ленин относился к своим помощникам именно с «заботливостью, которая свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам».

Нельзя понять, почему Горький отрицает этот бесспорный факт, снабжает Ленина фальшивыми чертами в роде «женской заботливости», которую можно ему приписать только ради насмешки. Если эта фальшь продиктована не какой-либо целью и дипломатией, а идет просто от непонимания, тогда следует вывести, что Горький прошел мимо *одной из самых существенных и оригинальных черт духовного существа Ленина.* Он не понял, что, смотря на Самойлова, Цюрупу и многих других как на партийное, казенное имущество, подлежащее бережению и заботам, Ленин, с той же утилитарной и *потусторонней* точки зрения и с теми же практическими выводами, смотрел и на самого себя: он тоже был партийным, казенным имуществом, при том самым ценным из всех подобных имуществ, *принадлежащих коллективу*. В этом пункте грубейшая утилитарная самооценка Ленина переплеталась с грубо атеистической по внешним признакам, а по своей натуре *религиозной* верой в свою предназначенность — быть орудием свершения великих исторических целей.

Понять до конца Ленина далеко не простая вещь. Он гораздо сложнее, противоречивее, чем это видно из биографий его хулителей и, тем более, его казенных хвалителей.

Советский поэт Н. Полетаев в одном из своих стихотворений утверждал, что никому до сих пор не удалось дать, нарисовать, написать настоящий «портрет» Ленина:

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Те, кто, не полагаясь на века (надежда плохая!), хотели бы ныне дорисовать «недорисованный» портрет, должны — при анализе Ленина, его политики, поведения, рефлексов жизни — ни на минуту не забывать, что у него «две души». Все зависело от того, какая из душ в какой области в тот или иной момент брала верх. В одной душе Ленина — хилиазм, революционный раж, свирепость, иллюзионизм, безграничная сектантская нетерпимость, отрицание допустимости каких-либо компромиссов, желание, ни с чем не считаясь, не осматриваясь по сторонам, прямо, кроваво, беспощадно идти к поставленной цели. В другой душе — осторожность, практический нюх, конформизм, хитрость, большая расчетливость, способность, с помощью далеко идущих компромиссов и комбинаций, гибко приспособляться к требованиям изменяющейся жизни. Кажущееся чисто механическим соединение в одном и том же человеке двух взаимоотрицающих друг друга душ не делает личность цельной, она представляется двоящейся. Однако, будь у Ленина только одна, например, первая душа, не будь у него духа компромисса, практической зрячести, умения различать, что можно, чего нельзя, — в России после 1920 года не был бы введен нэп — эксперимент огромного социального значения и исторической поучительности. Этот эксперимент не дал всего, что мог и должен был дать, только потому, что почти немедленно после смерти Ленина начал уничтожаться ничему не научившимися людьми вроде Троцкого и таким азиатом, как Сталин.

Жизнь Ленина была борьбой двух начал — утопизма и реализма. В последние годы его жизни реализм явно оседлывал и побеждал утопизм, и одним из интересных начальных проявлений этой победы является следующая декларация Ленина в 1921 году:

«Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, —

является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»[94].

* * *

Если собранный в нашей книге материал поможет любознательному читателю ближе узнать «малознакомого» Ленина, а честному художнику даст возможность завершить до сих пор «недорисованный портрет» его, воссоздав правдивый, а не приукрашенный образ этой гигантской исторической фигуры, — следовательно, автор писал книгу не напрасно.

notes

Примечания

1

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Партиздат, 1933 – 1934.

2

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. Огиз — Детгиз, 1935.

3

Подчеркнуто нами. — *Н.В.*

4

В. И. Ленин. Письма к родным. 1894—1919. Партийное издательство, 1934. Все письма цитируются по этому изданию — два-три явных недосмотра редакции нами исправлены. Все даты писем, так же как и событий, подаются по новому стилю.

5

Один только раз, в 1907 году, она ездила за границу за счет партии для перевозки партийного архива.

6

Ленин называл «подмосковной деревушкой» городок Подольск в 43 километрах от Москвы, куда его родные переехали после ареста брата Дмитрия и запрещения ему жить в Москве.

Ленин, о Ленине и ленинизме. Сборник статей. «Московский рабочий», 1925.

8

А. И. Елизарова. Владимир Ильич в тюрьме, «Пролетарская Революция», 1924, № 3, с. 112.

9

Надежда Константиновна Крупская, в то время невеста Ленина.

10

Мать Н. К. Крупской, с 22 июля 1898 года — теща Ленина.

Подчеркнуто нами. — *Н.В.*

12

Вот путь к Ленину: от Москвы до Красноярска по железной дороге 4260 километров. Из Красноярска до Минусинска пароходом по Енисею двое суток (против течения $5^1/_2$), причем навигация по Енисею продолжается очень недолго — не более четырех месяцев, От Минусинска на лошадях до села Шушенского 66 верст.

13

Эта статья, как и другие его статьи на ту же тему,— есть лишь очень невдумчивое изложение главы второго тома «Капитала» Маркса о «воспроизводстве в обращении всего общественного капитала».

14

В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, т. XXI, с. 271. Здесь, как и дальше, мы пользуемся третьим изданием.

15

Владимиров, изображая положение большевиков в Женеве в 1904 году, уверял, что среди них, даже тех, кто потом, после 1917 года, занял крупный пост, было «не мало» таких, которые, чтобы не погибнуть с голоду, занимались перевозкой вещей швейцарских туристов. Я лично знал всех большевиков, живших в то время в Женеве. Из них только один занимался перевозкой туристов — это автор этих строк. Другие большевики считали эту работу — делом их унижающим.

16

Ленин, т. XXVIII, с. 102.

Подчеркнуто нами. — *Н.В.*

18

Французская коммунистическая партия из квартиры на улице Мари-Роз ныне сделала музей имени Ленина.

19

Г-н Соломон в брошюре «Ленин и его семья» (Париж, 1931) уверяет, что тот с большим презрением относился к своим родным. Брата Дмитрия якобы считал просто «самым обыкновенным дураком», младшую сестру Марию — «дурочкой», а про Елизарова говорил, что Анна сделала «непростительную глупость, выйдя замуж за этого недотепу».

Брошюра г-на Соломона переполнена такой низкопробной ложью, что в ней неприятно разбираться. Коротко заметим: «Маняшу», которую в припадке нежности Ленин называл «милой Мимозой», он, конечно, «дурочкой» не считал и очень любил — больше, чем Анну и брата. Елизарова, если бы считал «недотепой», никогда бы народным комиссаром путей сообщения не назначил. Весьма возможно, что Ленин не был высокого, мнения о способностях брата Мити, но, человек очень скрытный, он с чужими о своих родственниках не говорил.

Г-н Соломон рассказывает, что его сестра, жена проф. Тихвинского, хорошо знала Ленина, гостившего у них в Киеве, чувствовала к нему такую «глубокую внутреннюю неприязнь», что «ей было трудно сохранять вид гостеприимной хозяйки...». Пишущий эти строки, будучи студентом Киевского Политехнического Института, превосходно знал проф. М. М. Тихвинского и его жену и очень часто бывал у них. Ленин *никогда* у них не гостил. Это доказуемо неопровергаемыми аргументами. В брошюре г-на Соломона кажется, страницы, не «украшенной» ложью.

Ленин, т. XXIX, с. 44.

21

Ленин, т. VIII, с. 325–326.

22

Л. Троцкий, Моя жизнь. Из-во «Гранит», Берлин, 1930, т. II, с.120.

23

Ленин, т. XXV, с. 184. В примечании к этому тексту редакция ошибочно указывает дату этого происшествия — 24 декабря 1919 года, в действительности же это произошло, как мы указали выше, 19 января 1919 года.

Ленин, т. XXVII, с. 407.

Остальные два редактора, Потресов и Аксельрод, имея другие источники существования, от редакторского жалованья отказались.

26

П. Лепешинский. На повороте, Изд, 3-е, Москва, «Старый Большевик», 1935, с. 198.

27

Эта фамилия в советских источниках встречается в двояком написании: Шмидт и — чаще — Шмит. Во избежание разнобоя всюду пишем Шмит.

28

Ленин, т. XXVI, с. 473.

Ее редакторами были П. П. Маслов и автор этих строк.

30

Центральный Комитет из меньшевиков, избранный в Стокгольме весной 1906 года, пополнился 100 тысячами рублей, экспроприированных в Квирильском казначействе на Кавказе,

Ленин., т, VIII, с. 398.

Ленин, т. XVI, с. 288.

Ленин, т. XV, с. 433.

34

Из писем В. И. Ленина к Инессе Арманд. «Большевик», 1949, №1, с. 42.

35

В этом, скажу мимоходом, Ленин бесконечно отличается от Сталина. Тот мстил вплоть до седьмого колена всем родственникам лица, осмелившегося усомниться в его божественной гениальности.

36

После смерти Саввы его жена вышла замуж за Рейнбота — московского градоначальника.

Для полного освещения дела, особенно в его начальной фазе, было бы крайне интересно знать этот «целый ряд условий»; увы, они и по сей день остаются для нас неизвестными.

38

Мартов говорит, что большевики, ища судей, обратились к Центральному Комитету партии эсеров. Каменев утверждает, что Большевистский Центр такого обращения не делал: два эсера, бывших третейскими судьями с его стороны, фигурировали как частные лица. Со стороны Андриканиса судьями были один эсер и один беспартийный левый.

Ленин, т. XXVIII, с, 546.

Ленин, т. XIV, с. 269.

41

М. Москалев. Русское бюро ЦК Большевистской партии. Огиз, 1947, с. 72.

Ленин, т. XXIX, с. 19.

43

Из Праги после конференции Ленин поехал в Лейпциг, где должен был видеться с двумя депутатами большевиками III Государственной Думы Полетаевым и Шурковым. Последний, что обнаружилось позднее, тоже был агентом полиции. Любопытно, что крайне недоверчивый Ленин абсолютно не обладал чутьем к распознаванию провокаторов. Он, хотя налицо были уже серьезные данные относительно провокационной деятельности Малиновского, яростно защищал его. Малиновский ловко повторял ленинские слова, и для Ленина этого было достаточно, чтобы видеть в нем безупречного революционера.

44

В составе Высшего Совета Народного Хозяйства, возглавлявшего до реорганизации советскую индустрию, находился Научно-технический Комитет, учреждение с ничтожным штатом, хилое, малозаметное и не имевшее почти никакого значения. На пост председателя сего комитета назначались, в некоем роде «ссылались», попавшие в опалу высшие сановники-коммунисты. Председателем его был Троцкий, потом Каменев, затем Бухарин — все в дальнейшем погибшие. В 1928 году председателем был Л. Б. Каменев, который, узнав через общих знакомых, что я еду в Париж на службу в Торгпредство, вызвал меня к себе с целью поручить во Франции некоторые работы для Научно-технического Комитета. Во время свидания зашла речь об условиях жизни в Париже, и на мой вопрос — сколько нужно иметь там в месяц — Каменев ответил: «С нынешними условиями жизни во Франции я не знаком. Могу только сказать, что в Париже до войны мое жалованье от партии, или, как говорили тогда, «моя диета»,— составляла 300 франков, и этого было вполне достаточно».

45

И. М. Владимиров. Ленин в Женеве и Париже. Государственное издательство Украины, 1924, с. 75.

Aline, Lenine a Paris. «Collection verte». Edit. «Les revues», c. 28.

47

Ленин ловко утилизировал партийный фонд для внушения к себе уважения со стороны домовладельца на rue Beaunier, подозрительно относившегося к многочисленной публике, посещавшей Ленина. Домовладелец, кроме того, находил, что имеющаяся у его квартиранта мебель столь малоценна, что не может компенсировать в случае невзноса квартирной платы. Ленин, узнав об этом, подучил Владимирова намекнуть домовладельцу, что он очень богатый человек, о чем свидетельствует его текущий счет за номером таким-то в Лионском Кредите на avenue d'Orleans. Домовладелец не замедлил справиться и с тех пор стал низко кланяться Ленину.

Так утверждал большевик «Лёва» — Владимиров (Штейнфинкель) в разговоре со мной в 1924 году.

49

В своих «Воспоминаниях» она сообщает, что Ленин приехал в Порник 1 августа. Он приехал туда в июле.

50

«Крумбюгель расплатился с Вл. Ильичом полностью». См. письмо А. Елизаровой в редакцию журнала «Пролетарская Революция», 1930, № 2 – 3, с. 234.

51

Не лишне отметить здесь следующий факт. Пенсию получала не только мать Ленина, но после смерти своего мужа (офицера) и мать Крупской. Обе они были матерями опасных для царского правительства революционеров. Охранное отделение (жандармерия) это превосходно знало, тем не менее пенсия ни у М. А. Ульяновой, ни у Е. В. Крупской не была отнята. Мать Крупской регулярно получала свою пенсию, где бы она ни была (в Сибири, Женеве, Париже, Кракове, Берне). Бременем для Ленина она, конечно, не была и, ведя их хозяйство, была для Ленина и Крупской крайне полезной.

Ленин, т. XVI, с. 28.

Ленин, т. XXIX, с. 326.

Ленин, т. XXIX, с. 328.

55

Именно потому, что в Берне не было хороших библиотек, Ленин и переехал в Цюрих.

Горький об этой встрече рассказывал многим лицам, и тон его рассказа менялся: в нем то появлялась, то исчезала насмешка, в зависимости от того, как в данный момент он относился к Ленину.

57

Луначарский доказывал, что «научный социализм — самая религиозная изо всех религий, и истинный социал-демократ — самый глубоко религиозный человек». См. статью Луначарского в журнале «Образование», 1907, «Будущее религии» и его книгу «Религия и социализм», 1908. Позднее Луначарский (будущий народный комиссар просвещения РСФСР) и Горький отреклись от своего «богостроительства».

58

До какой степени Владимиров, поведавший миру, что Ленин жил «впроголодь», плохо знал его жизнь, свидетельствует его сообщение, будто Ленин в течение нескольких месяцев читал целый ряд лекций в партийной школе на Капри. (См. «Ленин в Женеве и Париже», с. 57). Никогда Ленин в ней лекций не читал.

59

«Отчет Первой высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих». Париж, 1910, с. 22,

Ленин., т, XVII, с. 81, 82, 84, 85.

61

В некрологе о Ленине в журнале «Русский Современник» (1924, № 1) Горький снова уподобляет его Аввакуму, однако изымает из этого едкий и обидный смысл. Он лишь указывает, что у того и другого была «железная воля».

62

Брошюра Н. Крупской «Народное образование и демократия» в 103 страницы была выпущена книгоиздательством «Жизнь и Знание» в 1917 году. Крупская, критикуя режим начальной школы в «буржуазной» Западной Европе, утверждает, что он «обезличивал ученика, приучал его к автоматическому послушанию, усыпляя его способность к самостоятельному мышлению» (с. 100). Она, конечно, заблуждалась — такова школа именно при советском тоталитарном строе.

Ленин, т. XIX, с. 276.

Стиль ужасный, нелепый: «Шутка веселая, а то дороговизна совсем отчаянная». Некоторые письма Ленина просто поражают неряшливостью стиля. Кстати сказать, по мнению Плеханова, Ленин вообще не отличался большими литературными способностями. «Это не написано — как говорят французы. Это — не литературное произведение, это ни на что не похоже», — говорил Плеханов.

65

Из писем В. И. Ленина к Инессе Арманд, с. 45.

66

25 декабря 1916 года, то есть почти накануне Февральской революции, Ленин писал Арманд: «Мрачна картина… оттого, что революционное движение растет крайне медленно, туго». Даже узнав из телеграмм швейцарских газет, что в России произошла революция, Ленин отнесся к этому с большим недоверием. «Коли не врут немцы, так правда», — пишет он той же Арманд и, забывая им написанное в декабре, прибавляет: «Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно». Именно этой несомненности у самого Ленина и не было.

Ленин, т, XXIII, с. 118 – 119.

Ленин, т. XXIII, с. 195.

Подчеркнуто нами. — *Н.В.*

70

В Цюрихе Ленин и Крупская жили у некой фрау Каммерер, и в ее кухне Крупская приготовляла пищу. Однажды, это было после того, как швейцарское правительство обратилось к жителям с призывом не потреблять два раза в неделю мяса, Крупская, жаря мясо, спросила Каммерер, как, может правительство проверить — исполняют ли граждане его призыв, ходят ли для этого какие-то контролеры по домам? «Зачем же проверять? — удивилась фрау Каммерер. — Раз опубликовано, что существуют затруднения, какой же рабочий человек станет есть мясо в «постные» дни, разве буржуй какой?» И, видя мое смущение, она мягко добавила: «К иностранцам это не относится». Перешла ли после этого чета Лениных к двум дням без мяса в неделю? О том история умалчивает.

71

Так как мать Крупской умерла в марте 1915 года, здесь «мы» обозначает — Ленин и Крупская.

То есть в 1915, 1916 годах и первые месяцы 1917 года.

73

Эта записка к Каменеву — есть в своем роде завещание Ленина. Он просит, «если меня укокошат», издать материалы, вошедшие в основу книги «Государство и революция», которую позднее, в августе и сентябре, он напишет, скрываясь в шалаше, на станции Разлив и в Гельсингфорсе. «Entre nous, если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку «Маркс о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: всё сие абсолютно entre nous!».

74

Обвинение Ленина в получении денег от немцев брошено в июле 1917 года бывшим большевиком Алексинским и шлиссельбуржцем Панкратовым. Сталин, истребляя старую большевистскую гвардию, спутников Ленина, прибегал именно к такому же обвинению их в шпионаже немцам, полякам, англичанам, японцам.

75

По приезде в 1917 году в Петроград Ленин писал Ганецкому и Радеку в Стокгольм: «До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни *денег* от Вас не получили».

Что это за деньги, о которых говорит Ленин? В 36-м томе 4-го издания сочинений Ленина на странице 636-й есть следующее объяснение: «Деньги, о которых идет речь в настоящем письме, представляли из себя суммы ЦК РСДРП, *оставшиеся за границей* и, очевидно, затребованные Лениным для партийных целей».

Указание весьма интересное. Из него следует, что партийный фонд был столь значителен, что, несмотря на все траты, в нем оставались еще суммы и после отъезда Ленина! Не есть ли это лишнее доказательство, что «поколеть» Ленин не мог?

Но вот какая странность. Когда в июне 1917 года Ленина обвинили в получении немецких денег через Ганецкого и Козловского, Ленин писал: «Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали» (письмо в редакцию «Новой Жизни»). В таком случае, почему Ленин ждал получение денег от Ганецкого?

Ленин, т, XXI, с. 271.

Ленин, т. XXV, с. 357.

Ленин, т. XIX, с. 275.

Ленин, т. XXIX, с. 228.

Ленин не знал, что арест Анны будет кратковременным и она не будет выслана из Петрограда. Ей только пришлось на время оставить близкое участие в большевистской организации.

Он перестал их слушать лишь во второй половине 1923 года.

Ленин, т. XXV, с. 199.

Ленин, т. XXVIII, с. 571.

Ленин, т. XXVIII, с. 639.

85

«La Grande Revue», 1923, № 9, с. 448–449

86

Некролог о Ленине, написанный М. Горьким в 1924 году, был потом им переработан в 1930 году. Если в своей первой редакции некролог просто фальшив, то в окончательной редакции он уже фальшив до непереносимости. В нем Ленин появляется в обработке Горького и говорит не своим языком, а цветистыми фразами, явно выдуманными Горьким.

«Упрямство» Горького было в значительной степени показным. Он жаждал уехать из России, и, покинув ее в 1921 году, он появился в СССР только в 1928 году для празднования там своего 70-летия.

«Ты» говорил Ленин Инессе Арманд, но такое обращение имело место не на почве общественно-политической, а интимной. О любовной связи Ленина с Арманд знала и Крупская и даже была готова «отстраниться».

89

Н. Валентинов. Встречи с Лениным, «Издательство имени Чехова». Нью-Йорк, 1953, с. 333.

Ленин, т. XXVII, с. 234, 258.

Ленин, т. XXVI, с. 173 – 174.

Ленинский Сборник, XXI, с. 280.

93

А. Д. Цюрупа умер в 1928 году и избег участи Рыкова и Каменева, убитых по приказанию Сталина.

Ленин, т. XXVII, с. 80–81.